

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник



2016 № 3-6
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ
XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 МАРТА 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 3-6

Периодический научный сборник

*по материалам
XII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 марта 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 3-6

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 марта 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ
Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Батришин Р.Ю.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОСНОВА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ СОХРАНЕНИЯ.....	5
<i>Беликова Д.В., Гориславская К.С.</i> ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	8
<i>Булгаков В.В., Полынчук И.С., Тюленева С.С., Плужникова Е.В.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	11
<i>Булгаков В.В., Егорова М.В., Казарина Е.А.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ.....	13
<i>Булгаков В.В., Полетова О.А., Гусева Д.В., Афанасьева Н.А.</i> КОНСТРУКЦИИ СЕРВИТУТА И УЗУФРУКТА В ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И РЕГИСТРАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЗА РУБЕЖОМ	17
<i>Булгаков В.В., Кузина Д.Д., Кузякина Н.А., Худякова Е.И.</i> ПОНЯТИЕ, СОСТАВ, ВИДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ	20
<i>Булгаков В.В., Шарипова А.С., Кануткина Е.Н.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	24
<i>Булгаков В.В., Щаникова Е.Г.</i> ПРЕДМЕТ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	28
<i>Ведзижнев М.А.</i> ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ	32
<i>Волкова Е.В.</i> ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ	34
<i>Габбасова Г.Р.</i> КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	37
<i>Зорина В.Ю., Колесникова К.В.</i> О РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	41
<i>Ибрагимов Д.К.</i> «ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА» КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ.....	44
<i>Иовин А.А.</i> ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА	48
<i>Казановская Ю.А., Никабадзе Н.Н.</i> ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	50
<i>Кирпа А.С., Колесникова К.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ	53
<i>Корень А.В.</i> ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЮРИСДИКЦИИ	56
<i>Кочедыков С.С., Хрипушин Э.Н.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОФИЛАКТИКА КОРЫСТНЫХ И КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ УИС.....	63
<i>Кочедыков С.С., Хрипушин Э.Н.</i> НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ СОТРУДНИКАМИ ФСИН РОССИИ	70

Куканов А.З. ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА	74
Кулицкая Л.И. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОРГАНОВ, ТКАНЕЙ И ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, ПОДВЕРГШИХСЯ ЗАМОРОЗКЕ С ЦЕЛЬЮ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ОЖИВЛЕНИЯ ИХ В БУДУЩЕМ	80
Ланина Т.Г. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА.....	84
Муслимов Ш.Р. ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА ИНФОРМАЦИЮ – ОСНОВНОЙ ИНСТИТУТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА.....	86
Порохнявая Е.Л. О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ, ДОПОЛНЕНИЙ В ЕЖЕГОДНЫЕ ПЛАНЫ ПРОВЕРОК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	92
Савина Т.А. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ПРЕБЫВАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКРЫТОГО ТИПА.....	96
Салиева Н.Ш. ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	99
Саркисян В.Г. К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	102
Сативалдыев Р.Ш. ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАЧЕСТВА ЗАКОНА	105
Свиридова М.В. ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, СПЕЦИФИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	112
Тихонов Я.И. ПРЕВЕНТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	116
Цуканов О.В., Гармашев М.А. ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ СТРАНАМИ ЗАПАДА И СНГ НА ПРАКТИКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ	118
Чебуренков А.А., Зобнин А.С. ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	122
Чивела В.В. РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ.....	126
Чудаев А.К. ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ДУХЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА.....	128
Шарифзода С.Ш. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА.....	135
Щерба Т.Н., Кузнецова М.С. ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	141

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОСНОВА АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ СОХРАНЕНИЯ

Батришин Р.Ю.

соискатель кафедры административного права,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Россия, г. Москва

Статья посвящена обзору международно-правовых основ охраны объектов культурного наследия. На конкретных примерах показана взаимосвязь и взаимообусловленность российского и международного права при регулировании таких важных в современном мире направлений государственного регулирования, как охрана, развитие и распространение достижений науки и культуры.

Ключевые слова: культура, культурные ценности, охрана объектов культурного наследия, археологическое наследие, европейское культурное наследие.

В основе конституционно-правовых положений, гарантирующих право на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции Российской Федерации [8]), лежат принципы, изложенные в актах международного права, которые затрагивают права человека, так или иначе имеющие отношение к культуре. В соответствии со ст. 27 Всеобщей декларации прав человека каждому человеку предоставляется право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами [1]. Данной норме корреспондирует правило, установленное в ст. 15 Международного пакта от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» [9], где указано, что государства, участвующие в нём, признают право каждого человека на участие в культурной жизни, а также пользование результатами научного прогресса и их практическое применение. Кроме того, меры, которые должны приниматься участвующими в данном пакте государствами для полного осуществления этого права, включают те, которые необходимы для охраны, развития и распространения достижений науки и культуры.

Таким образом, возможность приобщения человека к культурным ценностям, включая объекты культурного наследия, должна обеспечиваться органами публичной власти посредством проведения необходимых мероприятий по обеспечению их сохранности.

Кроме того, на международно-правовом уровне установлено, что памятники истории и культуры являются частью общего достояния человечества, и каждому человеку должна быть предоставлена возможность доступа к объектам культурного наследия не только своего народа, но и всех народов во всех частях земного шара, а также возможность содействия обогащению культурной жизни. При этом поддержание и развитие собственной культуры

обозначается не только как право, но и как долг каждого народа, что в равной степени относится и к требованию поддерживать в надлежащем состоянии памятники истории и культуры для обеспечения возможности доступа и приобщения к этим ценностям граждан любых стран и представителей любых наций. Эти требования являются исходными началами международного культурного сотрудничества, которые легли в основу Декларации принципов международного культурного сотрудничества [2, с.404-406].

В ст. 5 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. [7, с.290-302] установлена обязанность подписавших её государств обеспечить максимально эффективную охрану и сохранение объектов культурного наследия, расположенных на их территории, с проведением общей политики, направленной на придание культурному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования; с учреждением на своей территории органов исполнительной власти по охране, сохранению и популяризации объектов культурного наследия, располагающих соответствующими штатами и средствами, позволяющими выполнять возложенные на них задачи; с развитием научных и технических разработок и совершенствованием методов работы, позволяющих государству устранять опасности, угрожающие его культурному наследию; с принятием соответствующих правовых, научных, технических, административных и финансовых мер для выявления, охраны, сохранения, популяризации и восстановления данных объектов.

Нормативно-правовой основой обеспечения охраны культурного наследия на территории европейских государств является Европейская культурная конвенция от 19 декабря 1954 г. (ETS № 018) [4], которая в общем виде устанавливает обязанность присоединившихся к ней государств принимать надлежащие меры для защиты предметов, имеющих культурную ценность для Европы, и обеспечивать разумный доступ к ним, поскольку они рассматриваются как неотъемлемая часть общего культурного достояния Европы. Речь идёт как о памятниках истории и культуры, так и обо всех остальных предметах, имеющих культурную ценность.

Предметное регулирование охраны отдельных объектов культурного наследия содержится в ряде иных нормативных правовых актов. К ним относится, в частности, Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) от 16 января 1992 г. [3] Государства, её подписавшие, признают наличие серьёзной угрозы разрушения объектов европейского археологического наследия, являющихся источником свидетельств древней истории, что обусловлено ростом количества крупных строительных проектов, природными рисками, неправомерными и ненаучными раскопками, а также недостаточным осознанием этих проблем общественностью. Для государств-членов конвенции определена обязанность установить соответствующие процедуры административного и научного контроля в данной сфере. При этом в целях сохранения археологического наследия данные государства обязуются:

а) осуществлять процедуру выдачи разрешений на раскопки и контроль над ними, а также иными видами археологической деятельности таким образом, чтобы предотвращать любые незаконные раскопки или изъятие объектов археологического наследия, обеспечивать проведение археологических раскопок и изысканий научными методами и при условии применения по возможности неразрушающих методов исследования, не допускать оставления объектов археологического наследия после раскопок незакрытыми или незасыпанными без принятия мер по обеспечению их надлежащей сохранности, консервации и контроля;

б) обеспечивать проведение раскопок и применение других способствующих разрушению методов лицами, имеющими соответствующую квалификацию и получившими специальное разрешение на данную деятельность;

в) предусмотреть выдачу специального предварительного разрешения на использование металлоискателей и любого другого поискового оборудования или метода для археологических изысканий.

Перечисленные обязанности предполагают осуществление органами исполнительной власти организационно-контрольных мер, обеспечивающих сохранность объектов археологического наследия, что составляет предмет административно-правового регулирования. Следует отметить, что названные обязанности конкретизированы в российском законодательстве об объектах культурного наследия с установлением административной ответственности за ряд правонарушений в данной сфере (ст. 7.15, 7.15.1 КоАП РФ [5]).

В целях охраны архитектурных объектов культурного наследия была принята Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (ETS № 121) от 3 октября 1985 г. [6] Обязанности, которые должны выполнять государства, присоединившиеся к данной конвенции, имеют в основном административно-правовое наполнение, поскольку подразумевают принятие ими нормативных актов, предполагающих осуществление контрольно-надзорной деятельности органами исполнительной власти. Содержание этих обязанностей состоит в принятии законов, которые:

а) обязывают представлять в органы публичной власти любые планы, затрагивающие снос или перестройку памятников, уже находящихся под охраной или в отношении которых были установлены процедуры охраны, а также любые планы, касающиеся прилегающих к ним территорий;

б) обязывают представлять в орган публичной власти любые планы, затрагивающие комплекс строений или достопримечательности и предусматривающие их снос, возведение новых строений, существенную перестройку, нарушающую характер строений или достопримечательностей;

в) предоставляют органам государственной власти право требовать от владельца недвижимости, находящейся под охраной, проведения необходимых работ или проводить данные работы самостоятельно при уклонении от этого владельца;

г) предполагают возможность приобретения государством находящейся под охраной недвижимости в принудительном порядке.

При этом органы публичной власти обязаны осуществлять соответствующую контрольно-надзорную деятельность, в том числе процедуры выдачи разрешений на производство работ, как того требует охрана архитектурных объектов культурного наследия, а также предотвращать порчу, обветшание или уничтожение находящейся под охраной недвижимости. Перечисленные обязанности также нашли отражение в законодательстве Российской Федерации об охране памятников истории и культуры, а контрольно-надзорная деятельность государства предполагает возможность привлечения в том числе и к административной ответственности в данной сфере.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1998. 10 декабря.
2. Декларация принципов международного культурного сотрудничества // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М.: Международные отношения, 1991. С. 404-406.
3. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) от 16 января 1992 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27, ст. 3874.
4. Европейская культурная конвенция от 19 декабря 1954 г. (ETS № 018) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 1.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 09.03.2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
6. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (ETS № 121) от 3 октября 1985 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. 1991. № 4, Ст.
7. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М.: Международные отношения, 1991. С. 290-302.
8. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
9. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Беликова Д.В., Гориславская К.С.

студентки юридического факультета,
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза

Статья посвящена основным проблемам реализации права местного самоуправления на судебную защиту в РФ. На основе анализа современного законодательства РФ и сложившейся практики рассматриваются некоторые пути и решения данных проблем.

Ключевые слова: местное самоуправление, судебная защита, Федеральный закон, Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции, компетенция, полномочия.

Ст. 3 Конституции РФ закрепляет право народа осуществлять свою власть непосредственно, через органы государственной власти, а также через

органы местного самоуправления [2]. Местное самоуправление – одна из фундаментальных основ российской системы народовластия, наиболее приближенный к населению уровень публичной власти. Признавая особую значимость данного вида власти, ст. 133 Конституции РФ закрепляет право местного самоуправления на судебную защиту [2]. Оно же содержится Европейской Хартии местного самоуправления: «Органы местного самоуправления должны иметь право на судебную защиту для обеспечения свободного осуществления ими своих полномочий» [1]. В данной статье мы рассмотрим некоторые проблемы, связанные с реализацией данного права и способы их решения.

Основной проблемой является отсутствие в ФЗ о местном самоуправлении от 2003 г. положений, прямо указывающие на возможность судебной защиты местного самоуправления [4]. Однако в действовавшем ранее ФЗ о местном самоуправлении от 1995 была ст. 46, предусматривавшая судебную защиту местного самоуправления. Кроме статьи 46, данный ФЗ содержал иные нормы, являвшиеся основой для судебной защиты права на местное самоуправление. Неизвестно, почему законодатель не посчитал нужным включить подобные нормы в новый ФЗ о местном самоуправлении.

По нашему мнению, для решения данной проблемы следует законодательно урегулировать вопросы обеспечения прав граждан и органов МСУ на обжалование в судебном порядке отказа в государственной регистрации устава муниципального образования; судебной защиты представительного органа МСУ от неправомерного роспуска; определения круга лиц, имеющих право обращаться в суд в защиту публичных интересов муниципального образования и иные подобные вопросы.

Важно отметить, что основную роль в защите прав местного самоуправления играют суды общей юрисдикции. Они, рассматривая многочисленные дела, связанные с местным самоуправлением, обеспечивают защиту прав широкому кругу субъектов [6, с. 477]. Однако у судей общей юрисдикции очень широкая специализация: они чрезвычайно перегружены гражданскими и уголовными делами. На эти обстоятельства обращают внимание судьи Верховного Суда РФ. Вследствие чего суды не справляются с огромным количеством дел, возникающих при практическом применении законодательства о местном самоуправлении. Данная проблема усугубляется недостаточной квалификацией большинства судей в вопросах муниципального права, а также влиянием на судей органов государственной власти [8, с. 78].

Для решения данной проблемы предлагаются следующие изменения: введение специализации судей по вопросам муниципального права; создание в судах специальной коллегии по вопросам местного самоуправления; осуществление систематического обобщения судебной практики по делам о правах местного самоуправления.

Отдельно следует рассмотреть роль Конституционного Суда РФ в судебной защите местного самоуправления. Конституционный суд РФ подтвердил право муниципальных образований защищать свои права в рамках конституционного судопроизводства, однако механизм реализации этого

правомочия не получил дополнительной регламентации [9, с. 120]. Необходимо дополнить ст. 84 ФКЗ о «О Конституционном Суде Российской Федерации», где в качестве субъектов обращения в Конституционный Суд РФ будут закреплены органы местного самоуправления по вопросам, относящимся к их ведению.

Существуют проблемы и внутри самого института местного самоуправления [7, с. 126]. Недостаточно высокая юридическая грамотность органов местного самоуправления приводит к тому, что они не всегда знают свои права и возможности. Постоянное повышение квалификации юристов, работающих в муниципальных образованиях, привлечение экспертов требует значительных денежных средств. Также можно говорить об отсутствии у населения муниципального образования, органов и должностных лиц местного самоуправления доверия к эффективности судебной системы, вследствие чего данные субъекты предпочитают вообще не обращаться за помощью.

Рассмотрев вышеперечисленные проблемы, можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, судебные гарантии местного самоуправления являются обязательным условием его самостоятельности, при которой население может осуществлять власть на местах, как в собственных интересах, так и в интересах всего государства.

Во-вторых, для обеспечения эффективной правовой защиты МСУ требуется совершенствование и развитие законодательства, которое в настоящее время зачастую проблемно и противоречиво. Необходимо внести изменения в соответствующие законы, устранив названные недостатки.

В-третьих, представляется необходимым провести некоторые реформы судебной системы РФ с целью создания эффективных судебных механизмов рассмотрения дел по вопросам МСУ.

В-четвертых, в ФЗ о местном самоуправлении должна быть также закреплена обязанность повышения юридической квалификации должностных лиц местного самоуправления; обязанность органов и должностных лиц местного самоуправления обращаться в суд в случае нарушения прав муниципального образования и установлена ответственность за ее их невыполнение.

Список литературы

1. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // "Собрание законодательства РФ", 07.09.1998, N 36, ст. 4466.
2. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // "Собрание законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 03.11.2015) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
4. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ (ред. от 21.07.2005) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 28.08.1995, N 35, ст. 3506 (утратил силу).
5. Жуйков В.М. Защита прав местного самоуправления в судах общей юрисдикции России Т. 2 / под ред. Жуйкова В.М. – М.: Городец-издат, 2003. – 477 с.

6. Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления // Е. С. Шугрина. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – С. 126.
7. Бялкина Т.М., Бухонов А.М. О некоторых проблемах реализации права на судебную защиту местного самоуправления // Вестник ВГУ. – 2011. – №2. – С.77-84.
8. Ширшов К.А. Судебная защита как конституционная гарантия местного самоуправления // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 46. Томск, 2010. – С. 119-121.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Полынюк И.С., Тюленева С.С., Плужникова Е.В.

студентки 2 курса, Институт права и национальной безопасности,
ТГУ им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В статье рассматривается законодательное регулирование имущественных земельных отношений, которое имеет большое значение для каждого гражданина.

Ключевые слова: земельные участки, земельные отношения.

В настоящее время появилось много мнений о том, что земельное право как самостоятельная отрасль права утрачивает свое значение. Многие считают, что в регулировании земельных отношений приоритетные позиции занимают институты гражданского права.

Как известно, впервые в нашем законодательстве земля была определена как "недвижимость" Указом Президента РФ от 27 октября 1993 г. "О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России" [1].

Было признано, что именно гражданским законодательством с учетом земельного, лесного природоохранительного, иного специального законодательства и названного Указа регулируются сделки с земельными участками. Следовательно, открылась возможность применения норм гражданского законодательства в процессе регулирования земельных отношений. Мы считаем, что именно здесь возникла проблема реализации этой возможности в реальных жизненных условиях.

Возможность применения гражданского законодательства к регулированию земельных отношений возникает, потому что земля не только объект природы, нейтральный к хозяйственной деятельности, но "имущество", приносящее доход. В своей имущественной части гражданские и земельные правоотношения являются однородными, поэтому и ранее при регулировании данных отношений, когда существовал пробел в земельном законодательстве, применялись нормы ГК.

В наше время, земельные отношения признаются имущественными. Но, на наш взгляд, необходимо выяснить, признаются ли ныне действующим гражданским и земельным законодательством земельные отношения имущественными со всеми вытекающими из этого последствиями. Ни ГК РФ, ни ЗК РФ не определяют даже в общих чертах, каким образом разграничить сферы применения норм того и другого законодательства. Решение этой проблемы уже начато – в 1992 году был принят закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения". Но, по нашему мнению, необходимо принятие целого ряда законов и подзаконных актов, касающихся регулирования имущественных земельных отношений. Учитывая, с какими трудностями разрабатывались и принимались ЗК РФ и Закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения", какое сопротивление Государственной Думе и части российского общества они встретили, думается, что этот процесс займет продолжительный период. Как идеал, видится всеобъемлющий многотомный Свод законов о земле РФ.

Земельные имущественные отношения разнородны по своей правовой природе. Одни из них – как ранее, так и теперь возникают на основании административно – правовых актов государственных и муниципальных органов власти. Здесь невозможно применение норм гражданского права (п.3 ст. 2 ГК РФ).

Существуют такие земельные отношения, в регулировании которых применялись и применяются нормы гражданского законодательства (возмещение убытков пользователям земельных участков и др.).

Но от этого, на наш взгляд, земельные отношения не становятся гражданскими. Например, Ю.Г.Жариков считает, что их можно признать, земельно-правовыми, но регулируемые нормами гражданского законодательства в силу однородности этих отношений с гражданскими" [3, с.23].

Земельные отношения всегда остаются таковыми, независимо от того, прибегаем ли мы для их регулирования к нормам гражданского, налогового, административного, трудового права или других отраслей права (законодательства). Поэтому, на наш взгляд, весьма спорно утвердившееся в юридической литературе, мнение о превосходстве норм гражданского законодательства по отношению к земельно-правовым нормам. Скорее, наоборот, необходимо соблюдать приоритет принципов земельного права, когда речь идет о регулировании земельных отношений. Такой вывод следует в силу их особенностей как экономических (имущественных, хозяйственных) отношений по поводу земли.

Как известно, в теории права при столкновении общего и специального законов применяется специальный закон. Применительно к теме данной статьи, можно утверждать, что при коллизии норм гражданского и земельного права преимущество должно оставаться за последним. Этот теоретический вывод несколько не умаляет роли гражданского права при регулировании поземельных отношений, особенно в настоящее время. Дело в том, на наш взгляд, что гражданское право в части регулирования сделок разработано (и это положение, видимо, сохраняется) более глубоко, чем земельное. Многие вопросы сделок с землёй, не регулируемые пока в земельном праве, получа-

ют разрешение при обращении к гражданскому праву. В этом смысле можно утверждать, что проблемы специального права (в данном случае – земельного) могут быть преодолены путем обращения к праву гражданскому. Более того, законы, регулирующие сделки с землей, могут сознательно опускать общие правила, относящиеся к тем или иным сделкам, отсылая стороны к общим для всех сделок правилам ГК РФ. Тогда нормы земельного права будут решать только те вопросы, которые прямо вытекают из особого характера поземельных отношений.

Поэтому, обращение к нормам гражданского права будет не хитростью, доступной для узких специалистов, а легальным путем, указанным в самом законе.

В заключение хочется еще раз сказать о необходимости создания Свода законов о земле РФ. Только когда он будет создан и исчезнет необходимость прибегать к юридическим тонкостям и ухищрениям, решая тот или иной вопрос о взаимоотношении земельного и гражданского законодательств.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1993 г., № 4, ст. 4191.
4. Булгаков В.В. Актуальные проблемы государственного рыночного регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения // Вестник ТГУ, выпуск 6 (110), 2012. С. 262.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Егорова М.В., Казарина Е.А.

студентки 2 курса 22 группы, Институт права и национальной безопасности,
ТГУ им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Исследование посвящено анализу исторических аспектов становления земельного законодательства в России.

Ключевые слова: развитие, земельное законодательство, государство.

Земельный строй дореволюционной России, формирование крепостного права уходит во времена становления Киевской Руси. В то время подлежали усиленной охране все частные землевладения. На это указывает текст ста-

тии 34 «Русской Правды» (Краткая редакция). В ней был установлен высокий штраф за порчу межевого знака, чем подчеркивалась забота древнерусского государства об обеспечении устойчивости земельного правопорядка.

В 1565 г. Иван Грозный разделил земли государства на земские (обычные) и опричные (особые), включив в последние земли оппозиционной княжеско-боярской аристократии.

В 1580 г. церковным Собором было принято решение, запрещавшее митрополитам, архиереям и монастырям покупать вотчины у служилых людей, принимать земли в заклад и на помин души, увеличивать каким-либо другим способом свои земельные владения [6, с. 19].

Во второй половине XVI в. проведена повсеместная опись вотчинных земель, информация о которых была занесена в писцовые книги, что способствовало упорядочению финансовой и налоговой систем и служилых обязанностей феодалов. В дальнейшем государство провело повсеместное описание земель с подразделением их на окладные единицы («сохи»). Полученная информация и документация способствовали созданию системы крепостного права.

В общегосударственном масштабе крепостное право оформилось Судебником 1497 г. и последующими указами о заповедных и урочных летах 1591 г. Полное прикрепление крестьянина к земле и подчинение его административной и судебной власти феодала окончательно оформились Соборным уложением 1649 г [1, с. 242].

Земельная реформа 1861 г. была осуществлена на принципах, сформулированных при императоре Александре II. Ими стали:

а) собственность на землю сохраняется за прежними владельцами-помещиками;

б) крестьяне получают усадьбную оседлость и наделы на условиях по следующему выкупа или отработки;

в) крестьяне выступают как социальный субъект земельно-правовых отношений только в составе общины;

г) всемерно должен быть обеспечен фискальный и казенный интерес при реорганизации земельных отношений [2, с. 192].

Первая земельная реформа в России не принесла экономического процветания крестьянам, получившим за выкупные платежи от 2,5 до 5,7 десятин среднечеловеческой наделной земли. Они не соответствовали трудовым силам и потребностям земледельческого населения.

Последовавшая в начале XX в. вторая реформа в сельском хозяйстве и землепользовании России стала именоваться по имени премьер-министра того времени П. А. Столыпина. Эта реформа, не затрагивая существенно правового статуса помещичьих земель, имела своей целью внести коренные изменения в правовое положение личности и землевладения крестьянства. Так, Указом от 8 ноября 1905 года были отменены выкупные платежи за наделные земли, отведенные крестьянам в ходе реформы 1861 г. В основе последующих указов от 4 марта и от 15 ноября 1906 г. и Закона от 14 июня 1910 г.

лежала концепция замены общинного крестьянского землевладения и землепользования частной (подворной) [4, с. 29].

В период столыпинской реформы окончательно сложился земельный правовой порядок Российской империи, который затем существовал до 1917 г. По правовому режиму земельный фонд России того периода включал:

1. Государственные земли.
2. Монастырские земли.
3. Майоратские земли.
4. Частновладельческие земли.
5. Посессионные земли.
6. Общественные земли.

Земельное законодательство советского периода. Первым законодательным актом советского государства стал декрет Всероссийского съезда советов от 26 октября (7 ноября) 1917 г. «О земле».

Декрет «О земле» действовал в течение шести лет, но его положения легли в дальнейшем в основу советского земельного законодательства. Так, были приняты Декрет СНК от 29 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью», Декрет ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О лесах», Декрет СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О недрах земли» [3, с. 29].

С 1922 г. началась кодификация земельного законодательства, преследовавшая цель: «создать стройный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле». Кодификация завершилась созданием Земельного кодекса РСФСР 1922 г. В его основных положениях подтверждалось, что вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы ведении она ни состояла, составляет собственность рабоче-крестьянского государства и образует единый государственный земельный фонд.

Первым общесоюзным законом, определившим правовой режим всех категорий земель, стали Общие начала землепользования и землеустройства, утвержденные ЦИК СССР 15 декабря 1928 г.

Социально-экономические предпосылки земельной реформы, начатой в 1990 году, и правовая основа ее проведения.

В сфере земельных отношений все настойчивее возникала необходимость следующих преобразований:

- придание земле легальной денежной оценки, переход к арендным отношениям сельскохозяйственных предприятий при передаче земли в долевую собственность крестьян;
- легализация других форм частной собственности на землю;
- расширение полномочий местных органов власти в части планирования, использования земли и распоряжения ею;
- разграничение федеральных государственных земель и земель субъектов РФ, а также местного самоуправления;
- обеспечение реальной информированности общественности о положении дел в земельном хозяйстве страны и выработка процедуры ее участия в решении спорных вопросов относительно использования земли;
- усиление значения экологических критериев, ограничивающих бесконтрольное создание вредных производств и применение опасных технологий;

- повышение эффективности государственного земельного кадастра мониторинга и контроля за правильным использованием, охраной и улучшением земель [7, с. 21].

Мероприятия земельной реформы нашли отражение в специальных федеральных законах России. Первый Закон «О земельной реформе» был принят Верховным Советом РСФСР 23 ноября 1990 года (в ред. 27 декабря).

Положения Закона «О земельной реформе» 1990 года были закреплены в Земельном кодексе РСФСР, принятом Верховным Советом РСФСР 25 апреля 1991 года. Более подробно, чем в Кодексе, вопросы реформирования земельных отношений на селе решались в Законе РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве 1990 года, Указах Президента РФ и Постановлениях Правительства РФ о порядке реорганизации колхозов и совхозов, приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий и в других нормативно-правовых актах этого периода земельной реформы [5, с. 12].

С 1990 г. вышло множество Указов Президента Российской Федерации и правительственных правовых актов, направленных на конкретизацию законодательных предписаний о направлениях, порядке и правилах осуществления земельной реформы и перераспределения земель между собственниками и пользователями земельными участками. Особое место среди законодательных предписаний в реализации земельной реформы стали занимать нормы Гражданского кодекса РФ. Они способствовали формированию земельного рынка и реализации сделок о перераспределении земельных участков между собственниками и землепользователями, гражданами и юридическими лицами.

Разработана и утверждена Правительством РФ 26 июня 1999 г. «Федеральная целевая программа «Развитие земельной реформы в Российской Федерации на 1999-2002 годы» 30 октября 2001 года опубликован и вступил в юридическую силу Земельный кодекс Российской Федерации [3, с. 223].

Таким образом, современное земельное законодательство состоит из Земельного Кодекса, федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов субъектов РФ. Нормы земельного права, содержащиеся в других федеральных законах, законах субъектов РФ, должны соответствовать Земельному Кодексу. Земельные отношения могут регулироваться также указами Президента РФ, которые не должны противоречить Земельному Кодексу, федеральным законам. Правительство РФ принимает решения, которые регулируют земельные отношения, в пределах полномочий, определенных Земельным Кодексом, федеральными законами, указами Президента, регулирующими земельные отношения. Земельное законодательство регулирует отношения по использованию и охране земель в РФ как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, водным, лесным законодательством, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Список литературы

1. Аверьянова Н.Н. Земельное право в вопросах и ответах. Учебное пособие / Н.Н. Тихомиров // Проспект. – 2015. – 332 с.
2. Адиханов Ф.Х. Соотношение норм гражданского и земельного права в регулировании земельных отношений в условиях рынка земли / Ф.Х. Адиханов // Закон. – 2013. – 347 с.
3. Боголюбова С.А. Земельное право: Учебник / С.А. Боголюбова // ТК Велби. – 2015. – 235 с.
4. Жевлакович М.С. Институт аренды земельных участков в законодательствах Российской Федерации и государств-членов Европейского Союза: монография / М.С. Жевлакович. М.: Юнита-Дана. – 2011. – 318 с.
5. Решетников В.И. Земельное право России. Курс лекций / В.И. Решетников. Щит-М. – 2015. 476 с.
6. Тихомирова Л.В. Защита прав на землю. Комментарии, судебная практика, официальные разъяснения, образцы исковых заявлений / Л.В. Тихомирова. М., 2014. – 432 с.
7. Чубуков Г.В. Земельное право России. М.: Юринформцентр. – 2015. – 256 с.

КОНСТРУКЦИИ СЕРВИТУТА И УЗУФРУКТА В ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И РЕГИСТРАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЗА РУБЕЖОМ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Полетова О.А., Гусева Д.В., Афанасьева Н.А.

студентки 3 курса, Институт права и национальной безопасности,
ТГУ им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Статья посвящена исследованию конструкций сервитута и узупрукта в земельных отношениях, а также рассмотрены вопросы, посвященные регистрации имущественных прав за рубежом.

Ключевые слова: конструкции сервитута и узупрукта, земельные отношения, регистрация имущественных прав.

Римское право разработало ряд гражданско-правовых конструкций для оборота недвижимости, в том числе в земельных отношениях, которые и поныне широко применяются в различных юрисдикциях. Одними из таких конструкций являются *сервитут* и *узупрукт*. В российском Гражданском праве конструкция сервитута сформулирована в статьях 274 – 277 Гражданского кодекса РФ.

Конструкция узупрукта заключается в установлении законом или по договору на определённый период времени права пользования имуществом, принадлежащим другому лицу, с присвоением приносимых им плодов, но под условием сохранения существа вещи. Собственник, допустивший установление узупрукта, сохраняет на это время лишь право собственности и

имеет только юридическую возможность контролировать пользователя. На пользователе (узуфруктуарий) лежит обязанность сохранения данного имущества и эксплуатации этого имущества по хозяйственному назначению, исключающему порчу или обесценение. Конструкция узуфрукта пока не нашла своего применения в современном гражданском праве России.

В настоящей статье на примере Англии остановлюсь на решении некоторых правовых проблем применения конструкций сервитута, узуфрукта в современных земельных отношениях и регистрации земельной собственности.

По английскому праву сервитут (easement) может быть установлен путём: передачи правового титула в форме документа за печатью, по праву давности (prescription) или в порядке презумпции (implication).

В Англии не существует стандартной формы сервитута, поэтому, действующее там общее право (commonlaw) долгое время развивало новые виды сервитута и признаёт, например, такие сервитуты как право на освещение, право проезда, право парковки, право на установку опоры на соседнем земельном участке.

Сервитут по праву давности означает долгое владение и постоянное пользование и может быть приобретён тремя разными методами: по общему праву (которое требует, чтобы владение правом было заявлено с 1189 года); «утрата современного документа за печатью» (требуется 20-летнее пользование соответствующим сервитутом) и по Закону о праве давности 1832 года. В судебном разбирательстве эти три метода обычно заявляют в альтернативном порядке. Доказывание установления сервитута по праву давности связано с предъявлением томов свидетельств, полученных от предыдущих постоянных жителей места установления спорного сервитута, подтверждающих использование заявленных прав в течение 20-летнего периода. Такие судебные разбирательства часто являются долгими и требуют значительного судебного времени и денежных затрат.

Английское право также признаёт, что сервитуты могут быть созданы в силу презумпции, поскольку общее право, предполагает предоставление сервитута по документу, например, по документу о передаче земельной собственности, даже если предоставление сервитута в этом документе явно выражено не было. Такая позиция часто рассматривается как нечто близкое к юридической фикции, дающей суду полномочие исправить очевидные юридические аномалии. Отношение общего права к презумпции в данном случае является сложным и как результат может быть дискреционным в юридических последствиях.

В настоящее время в Английском праве существует положение, в соответствии с которым возможно земельную собственность связать обязательством, не производить определённые действия на земле и такая обязанность может распространяться на будущих собственников – это называется ограничительное обязательство (a restrictive covenant). Ограничительные обязательства вступают в силу главным образом из договора, и означают, что ответственность первоначальных сторон по такому договору сохраняется даже тогда, когда одна из сторон или обе расстались с земельной собственностью, в

отношении которой они приняли ограничительные обязательства. В то время как привилегия и обременение по ограничительному обязательству может переходить к будущим собственникам в связи с продажей земельной собственности, к которой указанное обязательство относится, обременение иных обязательств не может к ним переходить. Однако благодаря специфике регистрации земли в Англии и Уэльсе, привилегия по ограничительному обязательству не может быть зарегистрирована, поэтому трудно идентифицировать лиц, которые вправе предъявить иск из нарушения ограничительного обязательства. Это означает, что собственность может иметь обременение в виде ограничительного обязательства, но соседи, если они не первоначальные собственники, не имеют процессуальной правоспособности предъявить иск, если ограничительное обязательство было нарушено.

Комиссия по Общему праву (theLawCommission) 08 июня 2011 года завершила полный обзор положений общего права в отношении сервитутов и дала следующие предложения.

Существующие методы установления сервитутов по праву давности подлежат аннулированию, и их следует заменить одной статутной схемой, которая будет признавать существующие юридические права. Данное предложение вызвало определённую критику английских юристов в связи с тем, что оно нарушает гибкость существующей системы, которая позволяет «современным правам» быть созданными общим правом, как например, право парковать моторные транспортные средства.

В отношении установления сервитутов посредством презумпции Комиссия по Общему праву указала, что данная система не соответствует 21-му столетию. Поэтому необходимо упростить общее право, то есть устранить необходимость проведения сложных консультаций с адвокатами и сократить сложные судебные разбирательства, сделать процесс работы с земельной собственностью менее затратным. Однако на практике в сравнении с количеством споров о сервитутах, которые доходят до судебного разбирательства, большая часть споров вычищается и разрешается на ранней стадии, после обращения к опытному и учёному адвокату. Английские юристы считают, что попытка чрезмерно упростить общее право в этой сложной сфере приведёт к увеличению количества обращений в суд без квалифицированной юридической помощи.

По вопросу ограничительных обязательств Комиссия рекомендовала ввести в оборот новый правовой интерес в земельной собственности – земельное обязательство (a landobligation). Земельное обязательство будет функционировать в пределах системы регистрации земельной собственности наряду с привилегией и обременением, подлежать регистрации также как регистрируется сервитут, как лицом пользующимся сервитутом (dominant), так и обременённым сервитутом (servient), с тем, чтобы не было трудностей с идентификацией лиц, извлекающих из земельного обязательства выгоду. Первоначальные стороны земельного обязательства не должны нести ответственность за допущенное нарушение после того как земельная собственность выбыла из их владения, кроме случая, когда такая ответственность

предусмотрена, заключённым между ними соглашением. Предложенная Комиссией новелла нашла одобрение среди практикующих в сфере недвижимости адвокатов и агентов по недвижимости, поскольку она рационализирует действующий юридический процесс, и позволит связать судебное разбирательство непосредственно с земельной собственностью, о которой идёт речь, а не с первоначально принявшими ограничительное обязательство лицами.

Список литературы

1. ФЗ "Об охране окружающей среды" от 10.01.2015 №7-ФЗ (ред. от 14.03.2015).
2. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 17.07.2009, с изм. от 24.07.2009, с изм. и доп. от 23.08.2009).
3. ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях" от 14.03.1995 №33-ФЗ (ред. от 30.12.2008).
4. ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ" от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 23.07.2008).
5. Природоресурсовое право и правовая охрана окружающей среды / Под. ред. В. В. Петрова. – М., 2009.
6. Петров В.В. Экологическое право России. – М.: Проспект, 2015.
7. Минаева А.А. Понятие "правовой режим земель" и его значение в земельном праве. // Правовые вопросы недвижимости, 2010, №1.
8. Комментарий к ФЗ "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую" (постатейный) под ред. А.А. Ялбулганова. – М.: Юстицинформ, 2013.
9. Комментарий к Земельному кодексу РФ (постатейный) под ред. С.А. Боголюбова. – Сп-б: Питер Пресс, 2010.
10. Голиченков А.К. Экологическое право России: словарь юридических терминов. – М.: Городец, 2011.
11. Комментарий к Лесному кодексу РФ (постатейный) Пуряева А.Ю. – М.: Юстицинформ, 2011.

ПОНЯТИЕ, СОСТАВ, ВИДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Кузина Д.Д., Кузякина Н.А., Худякова Е.И.

студентки заочного отделения, Институт права и национальной безопасности,
ТГУ им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В статье понятие, состав, виды земельных правонарушений рассматриваются проблемы, связанные с правонарушением как общеправовой категорией, занимающей одно из центральных мест в правовой науке. В связи с этим необходима правовая охрана земель. Правовая охрана земель, как один из видов их охраны, представляет собой совокупность юридических норм, направленных на обеспечение рационального использования земли и улучшение ее естественных свойств. Это достигается путем установления запретов и дозволений, поощрения за примерные действия субъектов и наказание правонарушителей.

Ключевые слова: понятие земельных правоотношений, Земельный Кодекс Российской Федерации, состав, виды земельных правонарушений.

«Земля – один из компонентов окружающей среды, важнейший природный ресурс, на протяжении всей истории используемый людьми для удовлетворения разнообразных потребностей – ведения сельского хозяйства, размещения жилых и производственных объектов, получения доступа к другим природным объектам (недрам, лесам и т.д.)» – писала Н. Г. Жаворонкова [5, с .22].

Она выступает для нас, в первую очередь, в качестве единого места проживания всех поколений людей, кроме того земля обладает ценностью, которая отличает ее от любого другого материального объекта. Среди различного рода материальных критериев, нужных для производственной деятельности людей, особое место принадлежит земле с ее почвенным покровом, недрами, лесами и водами [1, с.20].

Нужно понимать, что по сравнению с другими естественными ресурсами территория земли исполняет наиболее важные функции в системе публичных взаимоотношений, поэтому вопросы, связанные с правомерным использованием и охраной всех территорий земель, считаются на нынешний день одними из наиболее важных и значимых [3, с.24].

Конституционная характеристика всей территории нашей земли, как основа жизни и развития деятельности всех народов, заселяющих всю территорию нашей необъятной земли, предполагает конституционное требование оптимального и действенного применения, а также охрана природной среды обитания человека, естественного ресурса, применяемого в качестве средства производства в сельском, и лесном хозяйстве, основы осуществления хозяйственной и другой деятельности [4, с.158].

«Наверное, это требование адресовано государству, его органам, гражданам, всем соучастникам публичных взаимоотношений, и считается базовым для законодательного регулирования в предоставленной сфере», – говорил Б.В. Ерофеев [2, с.68].

Но в настоящее время на практике при соблюдении устанавливаемых законодателем притязаний в сфере земельно-правовых взаимоотношений, конкретно при реализации собственных законных прав на территорию земли либо осуществлении их охраны собственниками земельных участков, земле-владельцы, землепользователи и наниматели сталкиваются с суровыми затруднениями. Предоставленная обстановка, обусловлена тем, что в настоящее время, не считая Земельного кодекса Российской Федерации, земельные правоотношения регулируются еще огромной численностью федеральных законов и законов субъектов РФ.

Обстановка часто утяжеляется наличием противоречий в действующем земельном законодательстве, ставящих землеобладателей в тупиковые ситуации, выйти из которых могут помочь лишь квалифицированные объяснения профессионалов в области земельного права [7,с.213].

Рассмотрим конкретно, что является земельным правонарушением?

Земельным правонарушением принято называть виновное противоправное действие, нацеленное против установленного законодательством земельного строя, распорядка управления и использования территорией, ее

охраны, мешающее претворению в жизнь земельных прав и интересов юридических лиц и людей, причиняющих урон земле, влекущее установленную законодательством юридическую ответственность [3, с. 94].

Земельное правонарушение состоит из частей, которые в совокупности образуют состав преступления. Земельное правонарушение, как и хоть какое иное, характеризуется 4-мя элементами: объектом, субъектом, объективной и субъективной гранями преступления [7, с.95].

Ответственность за преступление, как и в других отраслях права, имеет возможность наступать лишь при наличии всех четырех частей, а неимение хотя бы одного из них ликвидирует ответственность. Под объектом земельного правонарушения понимают земельный правовой порядок, а также права и законные интересы владельца земли, землепользователей, землевладельцев, нанимателей. Рассмотрим мы это можем в таблице ниже.

Таблица

Объекты земельных отношений		
ЗЕМЛЯ как объект и природный ресурс	Земельные участки	
	Делимые	Неделимые
	Части земельных участков	

Субъектом правонарушения признается лицо, достигшее конкретного возраста, работоспособное, вменяемое лицо. Несомненно, субъектом может быть и организация. Субъектами земельных правонарушений могут выступать граждане и юридические лица, самостоятельно от формы принадлежности и подчиненности, ими могут быть как правообладатели территории, которые сами допускают нарушения земельного законодательства о земле (владельцы, наниматели и т.п.), и те, которые никак не считаются субъектами земельных взаимоотношений (к примеру, самовольно занявшие земельный участок) [1, с.172].

Стоит отметить, что наравне с русскими юридическими и физическими лицами субъектами правонарушений имеют все шансы выступать иностранные граждане и компании с иностранными инвестициями. «Муниципальные органы и их должностные лица имеют все шансы быть привлечены к ответственности в случае нарушения требований законодательства по постановлению земель», – писал Станкевич Н.Г [9, с.10].

Субъективную сторону земельного правонарушения составляет психическое отношение субъекта к совершаемому им действию. Земельные преступления имеют все шансы совершаться как специально, так и по неосторожности. Причина замысла имеет место тогда, когда действие лица преднамеренно направлено на преступление (к примеру, самовольное занятие земельного участка) [6, с.234].

Земельные правонарушения могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности. Акты противоправного поведения позволяют классифицировать земельные правонарушения по самым различным основаниям: в зависимости от того, причиняется ли вред природной среде или нет, от степени общественной опасности правонарушения и т. д.

Кроме того в Земельном законодательстве выделяют уголовные преступления, административные проступки, гражданско-правовые и земельно-правовые нарушения [5, с.45].

При совершении земельного правонарушения по неосторожности в поведении лица отсутствуют составляющие преступного деяния. Оно никак не ориентировано на преступление, однако, в то же время в поведении человека отсутствуют должная внимательность и осторожность. Таков элементный состав земельного правонарушения, и только при наличии всех четырех элементов имеет возможность наступать ответственность за правонарушение.

В зависимости от такого, в каких отраслях законодательства установлены правовые нормы, регулирующие земельные правонарушения, выделяют: правонарушения в области земельного правопорядка, административные, гражданско-правовые, дисциплинарные преступления в области охраны и использования земель [3, с.187].

В целях пресечения земельных правонарушений современное земельное законодательство наделило должностных лиц, осуществляющих контроль за использованием и охраной земель, определенными правами. К данным правам относятся: право приостанавливать любое строительство, разработку месторождений полезных ископаемых, эксплуатацию объектов, проведение работ, если они осуществляются с нарушением земельного законодательства, установленного режима использования земель, и если эти работы ведутся по проектам, не прошедшим экспертизу, либо получившим отрицательное заключение. Кроме того, должностные лица органов государственного контроля за использованием и охраной земель составляют протоколы о нарушениях и направляют в соответствующие органы материалы для привлечения виновных лиц к ответственности и возмещению ущерба, причиненного ими в результате нарушения земельного законодательства [2, с.93].

Материальная и имущественная ответственность за земельные правонарушения наступает по факту нарушения земельного законодательства, связанного с причинением вреда землям, правам и интересам собственников. Вред возмещается независимо от привлечения виновных к другим видам ответственности. Понятие вреда можно определить как умаление имущественного блага [3, с.36].

В природоресурсном законодательстве вред различают правомерный и противоправный. Правомерный вред вызван объективными причинами и подлежит возмещению в случаях, специально предусмотренных законом. Он возмещается при: изъятии (выкупе) или временном занятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд; ограничении прав собственников земли, землепользователей, арендаторов (в предусмотренных законом случаях); ухудшении качества земель в результате влияния, вызванного деятельностью предприятий, организаций, учреждений, граждан; при размещении отходов и других видов загрязнения земель, вызванных объективными обстоятельствами [2, с.216].

Нарушение земельного правопорядка, неисполнение или ненадлежащее исполнение правовых требований, безусловно, отрицательно сказываются на использовании и охране земель. Важнейшим элементом правового обеспечения рационального использования и охраны земель, защиты прав и законных интересов собственников земли, является применение правовых средств воз-

действия, направленного на устранение нарушения земельного законодательства и прекращение его дальнейшего развития [6, с.47].

Список литературы

1. Боголюбов С.А. Защита экологических прав. М., 2014. С. 12.
2. Дамдын О. С. Земельное право: понятие, предмет и метод правового регулирования // Молодой ученый. 2014. №1. С. 270.
3. Ерофеев Б.В. Земельное право: Учебник для вузов. / Под ред. Г. В. Чубукова. М.: Новый Юрист, 2010. С.569.
4. Земельное право России: Учебник для юридических вузов / Под ред. В. В. Петрова. М., 2015. С. 368.
5. Земельное право: Учебник для вузов. /Под ред. С. А. Боголюбова. М.: НОРМА-ИНФРА, 2014. С.413.
6. Земельное право: учебник для бакалавров / под ред. Н. Г. Жаворонковой, И. О. Красновой. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 580 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016).
8. Земля и право: Пособие для российских землевладельцев. М.: Юрист, 2013. С.316.
9. Станкевич Н.Г. Земельное право. Учебное пособие. Мн.: Амалфея, 2010. С. 480.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Шарапова А.С., Кануткина Е.Н.

студенты заочного отделения, Институт права и национальной безопасности,
ТГУ им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Исследование посвящено изучению вопросов правового регулирования земельных отношений в России. Произведен сравнительный анализ российского и зарубежного опыта в сфере регулирования земельных отношений.

Ключевые слова: правовое регулирование, земельные отношения, земельная недвижимость, рыночная экономика.

Наличие рынка земли предопределено современной рыночной экономикой. Однако, поскольку земельный рынок России еще только начинает функционировать, основополагающим принципом для него должен быть приоритет земельно-правового регулирования, при котором отчуждение земельной недвижимости разрешается только в случаях, прямо определенных земельным законодательством. Участие земли как недвижимости в сделках

купли-продажи влечет за собой появление земельно-правовых сделок, вопрос о которых на данном этапе недостаточно разработан в современном законодательстве. Поскольку земельно-правовые сделки одновременно регулируются и нормами гражданского, и нормами земельного права Российской Федерации, они имеют смешанный правовой режим.

Согласно ст. 36 Конституции РФ, собственник может свободно владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Гражданский Кодекс РФ в ч. 3 ст. 209 указывает, что перечисленные правомочия собственник земли и других природных ресурсов осуществляет в той мере, в какой их оборот допускается законом (ст. 129 ГК РФ).

В земельном праве прописано, что регулирование сделок с землей должно осуществляться на ином, чем в гражданском праве, принципе, заложенном в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, где земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории и совершаться собственниками только в отношении тех из них, которые разрешены земельным законодательством с учетом воздействия планируемой хозяйственной деятельности на окружающую среду.

В современной российской ситуации появление земельного рынка предполагает его регулирование со стороны государства во избежание формирования спекулятивных структур. Переход к рыночным земельным отношениям подразумевает применение методов правового регулирования гражданских отношений к сфере регулирования земельных отношений. Тем не менее, нормы гражданского права в этой сфере трансформируются с учетом требований земельного законодательства. Нормы гражданского права являются общими, а земельного права – частными. При возникновении коллизии между нормами этих отраслей права преимущество получают нормы земельного права [2, с. 106].

Особый характер земельно-правовых сделок, тем не менее, не выводит их из правового поля сделок вообще. Но процедура заключения этих сделок сильно осложнена муниципалитетами, которые осуществляют сделки по купле-продаже земельных участков. Отмена большей части статей действовавшего Земельного Кодекса РФ и образовавшийся, как следствие этого, правовой вакуум обеспечил муниципалитетам возможность ставить перед гражданами – собственниками земельных участков множество преград на пути осуществления их конституционного права по распоряжению принадлежащими им земельными участками, устанавливая сложнейшую процедуру для его реализации.

На наш взгляд, становление земельного рынка в российских условиях требует обращения и анализа опыта земельно-правовых сделок зарубежных стран. Земельные преобразования в зарубежных странах по их правовому характеру можно условно разделить на четыре направления, в соответствии с

регионом: Восточная Европа, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка и Африка.

Страны Восточной Европы – Болгария, Венгрия, Восточные земли Германии, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, Югославия – проходят этап разгосударствления и приватизации земли, преобразования государственного и кооперативного секторов сельской экономики, организации крестьянских (фермерских) хозяйств. Земельная реформа в этих странах основывается на нормативных положениях о реституции, то есть о возвращении недвижимости, в первую очередь земли, бывшим собственникам.

Земельная и аграрная реформы в Китае и других странах Юго-Восточной Азии отличаются большим своеобразием. В Китае, например, народные коммуны сменились системой семейного подряда, земля переходит в собственность крестьянских подворий, широкое развитие получает «сельская индустрия», обеспечившая рабочими местами миллионы сельских тружеников и весомый прирост промышленной продукции. Следует отметить, что данная модель реформирования земельных и аграрных отношений дала ощутимый результат.

В странах Латинской Америки реформирование сельского хозяйства и земельных отношений свелось к отказу от коллективной собственности и к переходу к частной собственности крестьян на землю и другое имущество. В законодательстве этих стран нашла отражение теория «социальных функций» собственности, в том числе и собственности на землю. В Гражданском кодексе Перу собственность характеризуется как юридическое правомочие, позволяющее владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом и виндигировать его. Согласно ст. 923 ГК Перу, это правомочие должно осуществляться в соответствии с социальным интересом и в рамках закона. Посредством сделок установленные по причине общественной необходимости и полезности юридические ограничения не могут ни отменяться, ни изменяться (ст. 925).

В Мексике, согласно ст. 27 Конституции первоначальное право собственности на землю и воды в пределах мексиканской территории принадлежит нации, и именно нация обладает правом передачи земли частным лицам на праве частной собственности. Положение, закрепляющее за государством (нацией) право собственности в публичном (общественном) интересе, считается принципиальным для регламентации отношений собственности на землю в данной стране.

Правовое регулирование земельных отношений в странах Африки отличается большим своеобразием и самобытностью. Особенно в странах Тропической Африки имеет место сочетание норм обычного права, систем права колониальных держав и нового законодательства, появившегося в период обретения независимости этими странами. Характерной для этих стран является тенденция вытеснения норм обычного права, в особенности права на землю, замена его «писаным правом», одним из основных институтов которого является право частной собственности на землю.

Переход от общинного землевладения, регулируемого нормами обычного права, на частнособственнические основы и проблема рынка земель сельскохозяйственного назначения получили далеко не однозначную оценку и в научной литературе, и в выступлениях лидеров африканских стран и самих крестьянских масс. Диапазон мнений по этому вопросу весьма широк: от безоговорочной поддержки этого процесса, обусловленного по мнению ряда авторов, всем ходом экономического развития этих стран до категорического отрицания его, поскольку он ведет к обезземеливанию африканского населения, образованию крупных земельных собственников, в том числе и из числа африканцев, и превращению большей части их в наемных работников и арендаторов [3, с. 213].

Применительно к российскому земельному рынку, следует отметить, что на основе конституционной теории социальных функций земельной собственности и публично-правового регулирования многочисленных сторон земельных отношений, связанных с использованием и охраной земли как основы и жизнедеятельности должен быть установлен первичный правовой режим ограничений оборота земель сельскохозяйственного назначения.

Основная задача закона состоит в том, чтобы на основе теории социальных функций земельной собственности установить правовой режим совершения гражданско-правовых сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения, обеспечивающий поддержку высокопроизводительных конкурентоспособных предприятий сельского хозяйства и защиту экономически слабых хозяйств. При такой ориентации законодательства на формирование нового многоукладного земельного строя особое значение приобретает определение в соответствии с требованиями ст. 129 ГК РФ понятия гражданско-правового оборота как отчуждения или перехода в порядке универсального правопреемства прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения, доли в праве собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения (земельные доли) от одного субъекта к другому на основании договоров купли-продажи, дарения, мены, ренты, пожизненного содержания с иждивением, аренды, в порядке наследования, передачи в уставный капитал, добровольного отказа от прав на земельный участок, а также по иным основаниям, предусмотренным законодательством.

Список литературы

1. Булгаков В.В. Интуиция справедливости // «Ученые записки». Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №3, 2001. С. 13-33.
2. Ерофеев Б.В. Земельное право России: Учебник / Отв. ред. Н.И. Краснов. – 9-е изд., перераб. М.: Юрайт-Издат, 2012. 656 с.
3. Чубуков Г.В. Право и земельная недвижимость. М., 2010. 412 с.

ПРЕДМЕТ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Щаникова Е.Г.

студентка 2 курса 21 группы,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье рассматриваются земельные отношения и связанная с ними проблема собственности на землю. Анализируется роль государства в регулировании земельных отношений, и предлагаются основные направления их совершенствования с целью создания эффективного хозяйственного механизма развития земельной политики.

Ключевые слова: земельные отношения, собственность на землю, земельная политика, эффективный хозяйственный механизм.

Определение и обоснование предмета отрасли права – одна из первоочередных задач юридической науки, от правильности решения которой зависит место отрасли в системе отраслей законодательства, пределы и направления нормативного регулирования отношений данной отраслью, формирование правоприменительной практики по применению норм права, относящихся к соответствующей отрасли. По мнению большинства ученых, предмет земельного права следует ограничивать земельными отношениями, которые понимаются при этом как комплекс имущественных и управленческих отношений, включают в себя все отношения, возникающие по поводу земли.

Предмет земельного права следует определять как органическое единство публичных земельных отношений – отношений, возникающих при осуществлении гражданами общего землепользования; частных земельных отношений – отношений, возникающих при хозяйственном использовании земельных участков; управленческих отношений, связанных с землей, – отношений по государственному, муниципальному управлению земельным фондом РФ; имущественных отношений, связанных с землей, – отношений по владению, пользованию и распоряжению земельными участками.

В пользу данной классификации могут быть приведены следующие аргументы. Прежде всего, она позволяет охватить все отношения, возникающие в данной сфере и связанные со специфическим объектом – землей, которая является основой жизни и деятельности народов РФ. Такое понимание правового статуса земли позволяет выявить специфический вид отношений – отношения по использованию и охране земель. Сохранность земли в данном качестве, соблюдение прав граждан на использование и охрану земель обес-

печивается государством через управленческие отношения, связанные с землей. Формирование в России системы имущественных прав на землю, передача земель в частную собственность обуславливают существование и необходимость регулирования имущественных отношений, связанных с землей. Никакие иные отношения, связанные с землей, земельным правом не регулируются.

Другой аргумент в пользу предложенной классификации состоит в том, что она позволяет достаточно четко разграничить пределы регулирования отношений, связанных с землей, земельным законодательством. Так, согласно классификации частные земельные отношения и публичные земельные отношения являются специфическими отношениями и регулируются исключительно нормами земельного законодательства. Управленческие и имущественные отношения, напротив, являются комплексными институтами и задача земельного законодательства при их регулировании состоит лишь в установлении особенностей, обусловленных спецификой земли как основы жизни и деятельности народов РФ.

В рамках реформы, осуществляющейся в современной экономике России, вопрос о земельных отношениях занимает особое место. Это обусловлено не только историческими традициями формирования и развития земельного права в России, но и особой значимостью земли как специфического средства производства в сельском хозяйстве. При этом конечной целью земельных преобразований в аграрном секторе должно стать улучшение использования земель, а также обеспечение роста сельскохозяйственного производства за счет создания множественности организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий.

В соответствии с Конституцией в Российской Федерации законодательно закреплены несколько форм собственности, а именно: частная, государственная и муниципальная формы собственности на землю, а также права пожизненного наследования земли и ее аренды. Появление и развитие данных форм и прав земельной собственности в сельском хозяйстве потребовало новых теоретических подходов к осмыслению принципа платности землепользования и выработке соответствующих практических рекомендаций по его реализации через конкретные формы.

Земельные отношения – это совокупность отношений, которые возникают между субъектами земельного права по поводу владения, пользования и распоряжения землей как ограниченного природного ресурса. Земельные отношения – достаточно сложная, многоаспектная проблема. Она содержит большой круг вопросов: формы собственности и хозяйствования, рынок земли, цена земли, рента, налог на землю, управление земельными ресурсами, разграничение федеральных и муниципальных земель, а также средств, поступающих от оборота земли, в том числе от аренды. Земельные отношения являются базисом производственных отношений, активно влияют на развитие производительных сил, а также ускоряют или замедляют процесс производства.

Центральным вопросом земельных отношений является проблема собственности на землю, являющейся основным фактором политического и социального развития села. Земельные отношения в Российской Федерации в первую очередь должны опираться на Земельный кодекс, который призван не только отражать проводимую государством земельную политику, но и исходить из теоретических положений о роли земли в общественном производстве, организации рационального землевладения и землепользования, концепции научно обоснованного землеустройства.

Российские реформаторы, перенимая западные сценарии земельных отношений, не заметили тех тенденций в земельном законодательстве, которые происходят в тех странах в последнее время. Там земля представляет интерес не как объект собственности, а как объект хозяйствования. Западные ученые считают, что принцип ограничения государством прав частного собственника в пользу общества, арендатора, любого того, кто ее обрабатывает, разумен и снимает социальное напряжение. Значит, правильнее говорить о формировании "хозяев" земли, понимая под ними эффективно хозяйствующих субъектов, а не субъектов института частной собственности.

Совершенствуя земельные отношения, нельзя упускать вопросы земельной собственности, земельного рынка, пути решения их на региональном (областном) уровне. Здесь нужна регулирующая роль государства.

Проводимая сегодня земельная политика должна быть подчинена решению задачи не смены форм собственности, а формирования комплекса факторов, которые обеспечивают рост сельскохозяйственного производства и повышение его эффективности.

Стабилизация земельных отношений предполагает опору на достаточно прочный фундамент землеустройства как систему мероприятий по организации землепользования.

Для повышения роли землеустройства в объективизации земельных отношений необходимо межхозяйственную организацию использования земли сочетать с ее внутрихозяйственным устройством, ориентировать земельный кадастр и мониторинг земель на производственное применение при проведении землеустроительных работ, а также усилить агроэкологическую обоснованность содержания землепользования, особенно в сельскохозяйственных предприятиях. Устойчивые земельные отношения должны строиться на основе сопряженного землеустройства как административных районов, так и сельских администраций и хозяйственных формирований.

Одним из главных достижений земельной реформы как основы для дальнейшего развития аграрной экономики является формирование развитого земельного рынка.

Переходить на новые типы хозяйствования и землепользования необходимо, но только при тщательном экономическом обосновании, поэтапно, без нанесения ущерба экономике сельскохозяйственного предприятия. Основными условиями такого перехода должны стать сохранение плодородия почв, объемов и эффективности производства и постепенное развитие экономики хозяйства.

Появление новых земельных собственников требует необходимого юридического оформления прав землевладения с выдачей документа, удостоверяющего эти права. Чтобы экономически реализовать право собственности на землю, должны работать соответствующие правовой и экономический механизмы, стимулировать рациональное землепользование. А это требует регистрации землевладельцев и землепользователей, оценки их земель, оперативного учета изменения размеров хозяйств в случаях продажи земель, передачи их по наследству, залога, сдачи в аренду и т. д. По нашему мнению, земельное законодательство должно регулировать имущественные отношения, связанные с землей, лишь в той мере, в которой это необходимо для защиты публичных прав граждан на землю как основу их жизни и деятельности. Это и есть критерий разграничения норм земельного и гражданского законодательства: если норма направлена на защиту названных публичных прав, то она относится к земельному законодательству, если же норма устанавливает иные особенности имущественных отношений, связанных с землей, то это норма гражданского законодательства.

В этой связи полагаем, что дальнейшие изменения в регулировании имущественных отношений, связанных с землей, должны заключаться в конкретизации норм, направленных на защиту публичных прав граждан на землю как основу их жизни и деятельности, норм, устанавливающих ограничения оборотоспособности земельных участков, ограничения прав собственников земельных участков и иных землепользователей, направленные на охрану земель и т.д.

В заключение хотелось бы отметить, что предложенное понимание предмета земельного права как совокупности публичных земельных отношений, частных земельных отношений, имущественных отношений, связанных с землей, и управленческих отношений, связанных с землей, позволяет уточнить место отрасли земельного права в системе отраслей российского законодательства, разграничить сферы регулирования комплексных земельных отношений между административным и гражданским законодательствами, наметить пути по совершенствованию земельного законодательства.

Список литературы

1. Вагизова Э.Р. Злоупотребление правом участниками земельных правоотношений.
2. Варламов А.А. (ред.) История земельных отношений и землеустройства.
3. Галиновская Е.А. Применение земельного законодательства. Проблемы и решения.
4. Долотова Е.А. Земельное право.
5. Харьков В.Н. Основы земельного права.
6. Четверикова Л.В. Земельное право.
7. Шишкина Н.В., Данилов И.Б. Земельное право.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Ведзижев М.А.

Южно-Уральский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В статье рассматриваются основные проблемы становления гражданского общества в России, являющегося составной частью правового государства. Гражданское общество, как институт является основой формирования правового государства.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское общество в России, проблемы становления гражданского общества в России.

Дискуссии касательно гражданского общества возникают в разных сферах жизни и научных областей. Наиболее точным, мне видится определение термина Н.М. Мотрошиловой: гражданское общество – это исторически возникающая на заре техногенной эпохи и далее через противоречия развивающаяся совокупность цивилизационных структур и форм, воплощающихся в тех функциях и действиях индивидов, социальных групп, ассоциаций, объединений, специфика которых состоит в том, чтобы «располагаясь» между институтом семьи и институтами государства, со своей стороны способствовать выполнению социально-исторических задач: экономических, социальных, политических [6, с. 5]. Вопрос существования гражданского общества в России всегда оставался риторическим. Так, по авторитетному мнению академика Т.И. Заславской, гражданское общество в России находится "на очень низкой", фактически эмбриональной стадии своего формирования [2, с. 230]. И каковы же основные проблемы его становления?

Основу многих западных государств составляет средний класс, он же должен был создаться в России посредством перераспределения собственности через приватизацию. Однако, собственность, которая де-юре приватизировалась, осталась в руках новой бюрократии [7, с. 93]. Тем самым разработка и принятие политических решений в значительной степени оградились от общественного контроля. Именно средний класс должен был стать авангардом становления гражданского общества, в характеристиках «среднего активиста» экспертами звучали факторы «предрасположенности» к участию в гражданской активности, совпадающими с отличительными чертами среднего класса. Речь идет о достатке, более свободном графике занятости, высокой образованности. Выходцы из среднего класса зачастую являются руководителями организаций, более эффективными менеджерами и более профессиональными лидерами; они обладают достаточным самосознанием, чтобы активно отстаивать эти права для себя, и для тех, кто является благоприобретателем деятельности организации [1, с. 5].

Самостоятельность общества означает существование наряду и в противовес государственным органам общественных организаций. Граждане России видят в общественных организациях коррупционность, посредством которых решаются не общественные проблемы, а решаются личные. По мне-

нию эксперта «ФОМ» Ливанова М.Ю. – "Слабость наших организаций общественных, в том, что они не могут защитить именно права человека. У нас альтернативы государственным органам власти по большому счету в общем-то нет" [3, с. 387]. Перспективы развития этого института гражданского общества в России пошатнулись, из-за финансирования иностранными государствами общественных организаций в целях дестабилизации обстановки в государстве.

Особенностью гражданского общества является общественный договор, который, как таковой в современной России не существует. А. Левинсон приводит следующие аргументы, опровергающие существование в современной России общественного договора между властью и обществом. Во-первых, при слабости демократических начал эти отношения сохраняют авторитарный принцип, при котором «самодержец не вступает в договорные отношения с народом, потому что в такой системе субъектностью обладает только сам автократ, но не народ». Во-вторых, даже с патерналистской частью общества власть находится в состоянии не договора, а конфликта, порожденного неудовлетворенностью общества уровнем и качеством социальных обязательств государства: он констатирует отсутствие корреляции объективных социально-экономических показателей и уровня удовлетворенности населения своим положением. В-третьих, таких «договорных отношений» государство не имеет ни с одной частью населения, в частности, с бизнесом [4, с. 30]. В России же, общественный договор практически не состоялся, низко как межличностное доверие, так и доверие общества к институтам государства. Обратная сторона этого процесса – недоверие государства к обществу. Государство не доверяет НКО, как партнеру по обеспечению общественных благ, и при этом держит гражданское общество под подозрением как силу стихийную, неподконтрольную, а потому способную бросить «бюрократической вертикали» вызов и разрушить ее монополию на власть [3, с. 387].

Итогом к описанной проблематике хотел бы отметить, что гражданское общество в России относительно советского периода – есть, однако, на данный момент мы строим другое государство и гражданское общество должно стать его неотъемлемой частью. В сравнении с западными государствами и «идеалами» теории гражданского общества, нам надо многого достичь и плодом этих трудов будут еще один шаг к построению правового государства.

Список литературы

1. Велихов Е.П. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. Общественная палата Российской Федерации – М., 2013. С. – 5.
2. Заславская Т.Н. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 222-235.
3. Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития: ежегодник. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 387.
4. Левинсон А. Российское общество до и после 2012 года // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 30–31.

5. Макаренко Б.И. Новые водоразделы в российском обществе: попытка реконструкции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 14.
6. Мотрошилова Н.М. О современном понятии гражданского общества // Журнал «Вопросы философии» – М., 2009. – С. 5
7. Протасов В. Н. Теория государства и права. – М.: Логос, 2001. – С. 93.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Волкова Е.В.

магистр 2 курса, ЧОУ ВО «Южный университет» (ИУБиП),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы сиротства, выделены причины социального сиротства и правовые аспекты социального сиротства.

Ключевые слова: сиротство, социальное сиротство, дети-сироты, права детей, социальный сирота.

Социальное сиротство является одной из самых актуальных психологических проблем современной России. И с каждым годом рост оставшихся детей без попечения родителей увеличивается. К условиям провоцирующие социальное сиротство, можно отнести: безработица, снижение заработной платы, распад семьи, рост семейного алкоголизма, безнадзорность детей, жестокое отношение к ребенку.

Одной из важней задач государства является защита прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Законодательством дано понятие детей-сирот и социальный сирота.

Дети-сироты – это дети в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. Под понятием «социальный сирота» понимается ребенок, который имеет биологических родителей, но они по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем. То есть родители таких детей не лишены родительских прав, но фактически не осуществляют своих прав и обязанностей. Такая категория детей нуждается в особой социальной поддержке и защите со стороны государства.

Назвать все причины сиротства невозможно, поскольку это глобальная проблема всего общества. Но все-таки три основные причины можно назвать.

Первая заключается в том, что родители, и чаще всего это мать добровольно отказываются от своего ребенка, причем чаще всего это наблюдается в младенческом возрасте. С юридической точки зрения отказ от ребенка – правовой акт, который официально подтверждается специальным юридическим документом. В течение трех месяцев родители могут изменить свое решение.

Вторая причина связана с принудительным лишением родительских прав, в целях защиты интересов ребенка. Чаще всего это происходит с неблагополучными семьями, в которых родители страдают алкоголизмом, нарко-

манией, ведут асоциальный образ жизни и т.п. Лишение родителей родительских прав – это также правовой акт, который осуществляется по решению суда.

И третья причина связана с потерей детей родителями в результате природных и социальных катаклизмов.

Право ребенка жить и воспитываться в семье закреплено в ст.54 Семейного кодекса Российской Федерации [3]. Согласно ст.123 Семейного кодекса дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат устройству в семью и только при отсутствии такой возможности – в интернатные учреждения [3].

Правовая база защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей состоит из трех уровней: международный, федеральный и региональный.

На международном уровне права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей закреплены в документах международных организаций, таких как ООН и ЮНИСЕФ. Ребенок считается объектом особой защиты, что оговорено в Декларации прав человека и Конвенции ООН о правах ребенка [1].

На федеральном уровне защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей базируется на основе Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса, а также федеральных законов.

Региональный уровень опирается на федеральную правовую базу, но имеет более конкретные условия, цели и задачи исполнения распоряжений и указов. В каждом субъекте РФ цели и задачи могут различаться и иметь свои особенности.

Права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей закреплены в Семейном кодексе Российской Федерации. Согласно ст. 56,69,73,121 Семейного кодекса РФ защита прав и законных интересов такой категории детей возлагается на органы опеки и попечительства [3]. Органы опеки и попечительства – это органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации (согласно ст. 121 п. 1 Семейного кодекса Российской Федерации). Так же в Конвенции ООН о правах ребенка в ст. 20 сказано «ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения ил который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством» [2].

На основании Федерального закона от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» государство предоставляет данному социальному классу следующие гарантии [4]:

Образование:

– Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей имеют право на обучение в организациях высшего профессионального образования за счет средств федерального бюджета;

– Имеют право на получение второго высшего профессионального образования за счет средств федерального бюджета;

– При обучении в высшем учебном заведении имеют право на получение стипендии увеличенной минимум на 50%. Получение заработной платы во время прохождения практики в размере 100 %.

Медицинское обслуживание:

– Предоставляется бесплатное медицинское обслуживание;

– Возможно получение бесплатных путевок в санаторно-курортных учреждений;

Имущество:

– Дети, имевшие за собой закрепленное помещение сохраняют на него право;

– Дети, не имевшие за собой закрепленной жилой площади, либо проживающие в собственной жилой площади или являющиеся нанимателями такой площади имеют право на однократное предоставление благоустроенного жилья по договору найма специализированных жилых помещений в случае, если их проживание на ранней жилой площади признается невозможным.

Труд:

– Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, которые ищут работу впервые и зарегистрированы в службе центра занятости, как безработные, получают в течение полугода пособие по безработице;

– При обращении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте от 14 до 18 лет в органы государственной службы занятости последние осуществляют профориентационную работу и обеспечивают диагностику их профессиональной пригодности с учетом состояния здоровья;

– В случае, если работники дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей были освобождены из организации в связи с ликвидацией и по иным причинам им обязаны обеспечить за счет собственных средств необходимое профессиональное обучение с последующим их трудоустройством в данной или другой организациях.

Также дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей могут иметь право на бесплатную юридическую помощь, согласно Федеральному закону от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [5].

Проблемы социального сиротства сегодня приобретает еще большую остроту, так как число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей не уменьшается, а непрерывно растет.

Таким образом, для решения проблем требуются целенаправленные, скоординированные усилия государственных и общественных институтов.

Список литературы

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015).

4. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации".

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Габбасова Г.Р.

студентка 1 курса, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уфимский государственный авиационный технический университет»,
филиал в г. Кумертау,
Россия, г. Кумертау

В статье представлена тема коррупции, которая постоянно находится в центре внимания. До настоящего времени государству не удалось добиться каких-либо значимых побед в этой сфере борьбы с преступностью. Любое промедление власти в пресечении этого явления приносит невосполнимый вред, как государству, так и обществу.

Ключевые слова: коррупционные преступления, взяточничество, злоупотребление служебным положением, уголовная ответственность.

Проблема борьбы с коррупцией никогда не теряла своей актуальности. Ответственность за данное деяние предусмотрена статьей 290 У.К. Р.Ф.

Целью исследования является анализ факторов, побуждающих к совершению данных правонарушений и оценка их последствий.

К сожалению, нет достоверных данных, основанных на официальной статистике, которые бы реально характеризовали уровень коррупции в нашем государстве.

Взяточничество и коррупция.

Относительно понятия «коррупция» мнение отечественных ученых-криминологов разделяется в зависимости от содержания, образующих его элементов или по иным признакам.

Понятие коррупции в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции».

Коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

По мнению А. Ф. Ноздрачева, «коррупция – это совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве Российской Федерации и отличающихся таким квалифицирующим признаком, как использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах».

В Толковом словаре русского языка (под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой) коррупция определяется как «моральное разложение должностных лиц и политиков, выраженное в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами».

Взяточничество является наиболее опасной формой проявления коррупции. Взяточничество и коррупция – явления взаимосвязанные и сопутствующие, следующие друг за другом. Они часто используются законодателем одновременно во многих нормативных и иных правовых документах.

Одна из проблем российской действительности заключается еще и в том, что борьба с коррупцией возлагается в первую очередь на правоохранительные органы, которые сами подвержены коррупционным издержкам.

Другая проблема борьбы с подобным явлением заключается в непоследовательности ужесточения наказания за взяточничество, которое, как показывает практика, может уменьшить количество взяток и одновременно увеличить номинал взятки.

С усложнением общественных отношений усложняется и форма взятки, она приобретает все более замысловатые виды. В последние годы появилось несколько новых слов, означающих взятку. Во-первых, «откат». Это совершенно новое понятие взятки, появившееся в конце 80-х гг. прошлого века. Таким образом, «откат» означает возврат части из полученного имущества (денег) тому, кто это имущество предоставил. Откат дело добровольное, но если откат не получен, то он «выбивается» наездом. «Наезд» – вымогательство взятки, принуждение к даче взятки теми, кто обладает большей силой, властью, возможностями, например, правоохранительными органами или преступниками. «Отстежка», «отстегнуть» – добровольно отдать часть, во избежание притеснений или для сохранения целого.

Отдельные ученые рассматривают «взяточничество» как должностное преступление, которое предусматривается двумя статьями УК РФ – ст. 290 «Получение взятки» и ст. 291 «Дача взятки». Эти два взаимосвязанных состава образуют своеобразную совокупность, которая и охватывается понятием «взяточничество», то есть преступная возмездная сделка между должностным лицом и другим лицом, которое добывается решения какого-либо вопроса в свою пользу или в пользу представляемого им лица.

Ответственность за коррупционные правонарушения – это главным образом уголовная ответственность. Тем не менее, в Уголовный Кодекс Российской Федерации термин «коррупция», а тем более одноименный состав преступления, включен не был. Составы преступлений, являющихся по своей сути коррупционными, рассредоточены законодателем в различных главах и даже различных разделах Особенной части Уголовного кодекса. Некоторые из этих составов являются коррупционными только при наличии определен-

ных обстоятельств либо квалифицирующих признаков (например, в случае, если они совершены из корыстной заинтересованности).

Необходимо также провести грань между предметом получения взятки и обычным подарком государственному или муниципальному служащему, который связанный с исполнением им своих должностных функций.

Федеральным Законом от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» установлен запрет для государственных служащих получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения). Подарки, полученные гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью и собственностью субъекта РФ и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы, за исключением случаев, установленных ГК РФ.

Согласно ГК РФ, не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей лицам, замещающим государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Этот запрет не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями.

В связи с этим возникает проблема. Означает ли фраза «не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей» легализацию взяток в небольшом размере?

Решением данной проблемы служит Ч. 2 ст. 572 ГК РФ: «При наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением». К такому договору применяются правила, предусмотренные ГК РФ для притворных сделок: «Притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа сделки, применяются относящиеся к ней правила». Таким образом, если под видом подарка осуществляется плата за действия (бездействия) в интересах дарителя, сделка дарения считается ничтожной, а «подарок» следует признавать взяткой.

В практике встречаются случаи, когда должностное лицо получает ценности в виде взятки, но требуемых действий совершить не может и не собирается. По этому вопросу Пленум Верховного Суда РФ дал следующее разъяснение: «Получение должностным лицом денег, ценных бумаг и других материальных ценностей якобы за совершение действия (бездействия), которое он не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или

невозможности использовать свое служебное положение, следует квалифицировать при наличии умысла на приобретение указанных ценностей как мошенничество по Статье 159 УК РФ».

Такая позиция представляется весьма спорной, хотя она давно сложилась и в судебной практике, и в уголовной теории. Мошенничество является преступлением против собственности, когда лицо, совершающее хищение чужого имущества, выступает в качестве субъекта преступления, а лицо, передавшее имущество мошеннику, является потерпевшим. Взяткодатель сам совершает преступление и поэтому не может признаваться потерпевшим и требовать возвращения ему ценностей, переданных в качестве взятки.

Взятничество и коррупция – явления взаимосвязанные и взаимообусловленные. Дача, получение предмета взятки, посредничество во взятничестве, предусмотренные ст. 290, 291 и 291-1 УК РФ целесообразно рассматривать совместно, анализируя признаки перечисленных составов. Дача, получение взятки и посредничество в таких действиях – деяния (определения, понятия), частные по отношению к более общей дефиниции – «взятничество».

Ответственность за коррупционные правонарушения – это главным образом уголовная ответственность. Тем не менее, в Уголовный Кодекс Российской Федерации термин «коррупция», а тем более одноименный состав преступления, включен не был. Составы преступлений, являющихся по своей сути коррупционными, рассредоточены законодателем в различных главах и даже различных разделах Особенной части Уголовного кодекса. Некоторые из этих составов являются коррупционными только при наличии определенных обстоятельств либо квалифицирующих признаков (например, в случае, если они совершены из корыстной заинтересованности).

Перспективы противодействия

Автор предлагает ввести некоторые предложения по совершенствованию общественного контроля, как средства противодействия коррупции: необходимо широкое информирование граждан о деятельности общественно-государственных антикоррупционных органов, в том числе путем размещения информации на интернет-сайтах; проведение образовательных и пропагандистских мероприятий с целью повышения уровня гражданского правосознания и антикоррупционной активности населения. В случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении коррупционного преступления, будет запускаться механизм контроля за его расходами. Или же запрет работы на длительный срок на руководящих должностях.

В заключение хотелось бы отметить, что искоренить коррупционные преступления полностью тяжело, однако минимизировать их, направив усилия государства на создание условий по профилактике и недопущению преступлений коррупционной направленности, представляется вполне реальным. Необходима постоянная комплексная работа законодательных, исполнительных и судебных органов.

Список литературы

1. Астанин В. В. Юридический мир. 2009.

2. Маршакова Н. Н. Понятие коррупции в международно-правовых актах. 2010.
3. Ноздрачев А. Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах. 2007.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 1984.

О РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зорина В.Ю.

студентка 4 курса, Юридический институт СКФУ, Россия, г. Ставрополь

Колесникова К.В.

доцент кафедры экологического, земельного и трудового права, к.ю.н.,
Юридический институт СКФУ, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются подходы к определению понятия «продовольственная безопасность», а также ключевые вопросы и проблемы продовольственной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность, продовольственная безопасность, продовольственное обеспечение, импортозамещение, сельское хозяйство, аграрная политика.

Продовольственный сектор любой национальной экономики – сфера государственных стратегических интересов, требующая особого внимания и защиты.

Интерес к этой теме обусловлен возникшим в последние годы мировым кризисом, основным вопросом которого стал вопрос продовольственного обеспечения государств. Проблема продовольственного обеспечения все чаще сводится к вопросу национальной безопасности, тем самым усиливая свою актуальность.

Следует сказать, что понятие проблемы продовольственного обеспечения понимается по-разному. Одни исследователи говорят о несоответствии фактических рационов научно обоснованным медицинским нормам; вторые о неудовлетворённости потребительского спроса на необходимые товары; а третьи указывают на неустойчивость снабжения населения продуктами питания и полагают, что решение данной проблемы возможно путем обеспечения производства сельскохозяйственной продукции, в объемах, достаточных для устойчивого продовольственного снабжения населения [5].

Соглашаясь с мнением Колесняк А.А., отметим, что продовольственное обеспечение следует понимать в широком смысле как совокупность критериев, обеспечивающих здоровую и продуктивную жизнедеятельность населения, которые государство обязано гарантировать каждому, достигая тем самым высших порогов национальной продовольственной безопасности. В авторском понимании продовольственное обеспечение – это категория социально-экономическая, обуславливающая собой такие экономико-политические категории, как продовольственная безопасность и безопасность государства в целом [3]. Продовольственная безопасность отражает,

прежде всего, социальную направленность на реализацию важнейшего права человека – обеспечение своего существования. Уровень продовольственной безопасности в стране зависит от потенциала сельскохозяйственного производства. Аграрная политика государства должна быть выстроена таким образом, чтобы были решены если не все, то большая часть вопросов продовольственной независимости страны.

В общем виде продовольственная безопасность Российской Федерации и ее регионов рассматривается как способность государства гарантировать удовлетворение потребностей граждан в продовольствии на должном уровне. Наличие продовольственной безопасности (так же, как и ее отсутствие) устанавливается через соответствующие критерии. Так, Шардан С.К. Эльгайтара Н.Т. Дагужиева Д.В., в своей работе выделяют всего два критерия обеспечения продовольственной безопасности: физическая и экономическая доступность продовольствия [7], в то время как Краснов расширяет перечень, указывая также на безопасность самого продовольствия (с медицинской точки зрения) и сбалансированность питания в соответствии с физиологическими нормами [4]. Для государства же, как для самостоятельного субъекта на международной арене, приоритетным является достижение и поддержание продовольственной независимости. Продовольственная независимость традиционно понимается как ситуация в стране, при которой прекращение импорта продуктов питания не вызовет продовольственного кризиса. В соответствии с международными стандартами страна теряет продовольственную независимость, в том случае, если доля импорта в ее продовольственном потреблении превышает 20 % [1].

Говоря о продовольственной безопасности и независимости России, следует обратить внимание на нормативно – правовую основу. В России до сих пор не принят Федеральный закон «О продовольственной безопасности», обсуждавшийся в Государственной Думе в 1997 г. Предложенное в нем определение продовольственной безопасности изначально допускало неясность источника формирования государственного продовольственного резерва [6]. Получалось, что такой резерв может быть сформирован как из импортного продовольствия, так и из отечественного. Однако в кризисных ситуациях только устойчивый источник продовольствия отечественного происхождения сможет обеспечить должный уровень независимости и стабильности государства. Помимо этого, следует отметить такие тенденции, как увеличение импорта продовольствия, рост цен и ухудшение качества этих продуктов.

Перспективы решения продовольственной проблемы обычно связывают с развитием производительных сил в сельском хозяйстве. С учетом того, что ценность сельскохозяйственной продукции возрастает, продовольствие как основная и наиболее важная часть товарного оборота становится наиболее ликвидной частью мирового рынка. Сегодня, обладая 9% мирового запаса пашни и 20% запасов пресной воды, Российская Федерация имеет устойчивую возможность не только восстановить продовольственную независимость, но и стать одним из крупнейших экспортеров продовольствия и сырья.

Так, по мнению большинства авторов, существующие проблемы необходимо решать через стабилизацию и развитие аграрного производства, изменение его структуры и вектора развития в соответствии с рыночным спросом. Это может быть обеспечено сочетанием системы государственных мер с использованием резервов отраслей, предприятий и хозяйств агропромышленного комплекса на основе их адаптации к рыночным условиям хозяйствования. В работе Шардан С.К. Эльгайтара Н.Т. Дагужиева Д.В. названы следующие необходимые направления деятельности:

1) обеспечение сбалансированного функционирования агропромышленного комплекса и его важнейшей отрасли – сельского хозяйства путем расширения производства товаров, в сочетании с взаимовыгодным внешне-экономическим сотрудничеством;

2) сохранение единого экономического пространства страны, развитие межрегиональных продовольственных и сырьевых связей, способствующих функционированию и укреплению национального аграрного рынка;

3) обеспечение действенности государственного регулирования экономическими процессами, связанными с производством, сбытом и использованием продовольствия и сельскохозяйственного сырья, способного гарантировать нормальное функционирование региональных продовольственных рынков, как в обычных условиях, так и в экстремальных [7];

4) развитие биотехнологий и импортозамещения по основным продуктам питания;

5) предупреждение истощения земельных ресурсов и сокращения сельскохозяйственных земель и пахотных угодий;

6) предотвращение захвата национального зернового рынка иностранными компаниями, бесконтрольного распространения пищевой продукции, полученной с использованием генетически модифицированных микроорганизмов [2].

Политика государства, функции и полномочия государственных органов должны разрабатываться в соответствии с прогнозами социально-экономического развития страны и быть направленными на предотвращение воздействия внутренних и внешних угроз на продовольственную безопасность.

Обладая значительным потенциалом, Российская Федерация может обеспечить не только национальную продовольственную безопасность, но и внести существенный вклад в усиление глобальной продовольственной безопасности, путем увеличения объемов экспорта сельскохозяйственного сырья.

Таким образом, несмотря на реальную возможность Российской Федерации обеспечивать население собственными продуктами питания и сырьем, потребность в продовольственном импорте все же остается сильной, а значит и продовольственная безопасность государства находится под угрозой. В целом Россия намерена последовательно реализовывать продовольственную политику на основе увеличения объемов импортозамещения независимо от экономической ситуации в мире. Стратегические цели неизменны: создание современного сельского хозяйства и конкурентоспособной системы торговли.

Список литературы

1. Балабанов В.С., Борисенко Е.Н. // Продовольственная безопасность (международные и внутренние аспекты) М., 2002. С. 18.
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации // утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. N 120. (СПС «Гарант»).
3. Колесняк А.А. Продовольственное обеспечение как составляющая экономической и национальной безопасности государства // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. № 9. 2013.
4. Краснов А.В. О продовольственной безопасности и ее обеспечении в России // Вестник Брянского государственного университета. №3. 2013.
5. Роднина Н.В. Развитие системы продовольственного обеспечения населения в условиях модернизации экономики (на примере Северо-Востока Российской Федерации): автореф. дис. ...д-ра экон. наук. Якутск. 2011. 45 с.
6. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России. 2005. 284 с.
7. Шардан С.К., Эльгайтарова Н.Т., Дагужиева Д.В. Теоретические аспекты продовольственной безопасности региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1.

«ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА» КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ

Ибрагимов Д.К.

ассистент кафедрой теории и истории государства и права,
Таджикский национальный университет, Таджикистан, г. Душанбе

В статье обосновывается фундаментальность категории «функция государства», раскрываются понятие функции государства, значение термина «функция» в разных отраслях знания.

Ключевые слова: функция, функция государства задачи государства, цели государства, направления деятельности государства.

Прежде чем перейти собственно к проблеме формулировки определения «функция государства» как фундаментальной категории современного государствоведения, необходимо исследовать более широкий аспект новые понятия «Функция государства». «Функция государства» – одна из фундаментальных категорий современного государствоведения. Проблеме связанные, с ней, относятся к числу наиболее важных и сложных в науке о государстве. Характеристика функций государства вообще, государства разных типов и конкретных государств часто не следует логике общего, особенного и единичного. Функции государства и его органов не описываются в их органическом единстве. Теория функции государства оторвана от проблем совершенствования структуры государственного аппарата и потому в исследованиях в достаточной степени слабо прослеживается прикладной момент. Это лишь незначительная часть проблем, связанных с исследованием категории «функция государства» [14, с.25-26].

Но прежде чем перейти собственно к проблеме формулировки определения, необходимо исследовать более широкий аспект – вопрос о научных

подходах в понимании феномена «функция государства», т. е. о различных его понятиях. Необходимость в такой последовательности исследования обусловлена, прежде всего, тем, что понятие представляет собой мысль, отражающую в обобщенной форме явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства явлений и отношения между ними [20, с.511-513]. Представляется, что именно такая логическая схема (от исследования различных теоретических понятий к формулировке определения) может обеспечить наиболее всестороннее и объективное исследование такого сложного государственно-правового явления как функции государства.

Начать исследование понятия функции государства, по всей видимости, целесообразно с понятия собственно функции. Как уже отмечалось, термин «функция» используется в самых разных отраслях знания: в математике [3, с. 144-145], физике [21, с.834-835], кибернетике [15, с. 161], медицине [6, с. 711], психологии [13, с. 49] и т.д.

Столь широкое применение данного термина обусловило и неоднозначность толкования слова.

Во-первых, функция – это явление, зависящее от другого явления и изменяющееся по мере изменения данного явления.

Во-вторых, функция – это переменная величина, меняющаяся в зависимости от изменения другой величины (аргумента).

В-третьих, термин «функция» употребляется применительно к биологическим явлениям (работа, производимая органом, организмом, как проявлении его жизнедеятельности).

В-четвертых, функция рассматривается как обязанность, круг деятельности.

В-пятых, функция – это значение, назначение, роль [16, с. 587-589].

По мере развития государства различные его функции возникали как определенная реакция общества на какую-либо потребность, как способ, метод ее удовлетворения. Поэтому уже в самом их возникновении заложена конкретная задача или группа задач [17, с. 158-159]. Исходя из этого, в теоретическом государстве ведении предпринимались попытки включения в понятие функции государства фактическую, реально осуществляемую государственную деятельность. Такой подход усматривается, например, в определении, согласно которому функции государства есть основные направления и стороны его деятельности [1, с. 41].

Значительное внимание исследованию именно «деятельностного» аспекта в функциональном подходе было уделено А.П. Глебовым. По его мнению, в рассматриваемом определении «не проведено четкого различия между «направлением» и «стороной (совокупностью однородных видов)» государственной деятельности» [2, с. 14]. При этом дальнейший анализ структуры функции государства позволил ученому сделать вывод о том, что каждый из названных компонентов функции, в свою очередь, имеет собственную сложную структуру.

В ходе исследования А.П. Глебов пришел к выводу, что именно общество как высокоорганизованная система задает (или должно задавать)

направления деятельности государству, определяет его функции. «Ибо государство – «слуга» общества, создаваемый обществом институт, главное назначение которого – выполнять те задачи и функции, которые общество ему задает, адресует, диктует» [13, с. 49]. Таким образом, речь шла о некой служебной роли государства по отношению к обществу. Такая постановка вопроса о «социальном (всеобщественном) назначении» государства была нетрадиционной, так как официальной идеологией хоть и признавалась в принципе общесоциальная сущность государства («общие дела» по К. Марксу» [5, с. 422]), но основной акцент все же делался на классовой сущности, общесоциальная сторона часто недооценивалась. Кроме того, в ходе исследования А.П. Глебов приходит к выводу, что функция государства не представляет собой нечто неделимое, а является сложным, богатым по содержанию, внутренне противоречивым явлением, включающим определенный набор элементов и связей, отношений между ними. Эти связи, отношения, противоречия обнаружились между социальным назначением государства и его деятельностью, между деятельностью и целями функции, между целями и методами деятельности и т.д. [4, с.145-146].

В узком смысле под функциями государства понимаются проявления исключительно основных, главных, объективно необходимых проявлений реальной деятельности, без осуществления которой невысказано существование государства как целостной системы. При таком рассмотрении функции, как реально осуществляемой деятельности, фактически не проводится разграничение таких понятий как «функция государства» и «функционирование государства», то есть деятельность самого государства и отдельных его органов по осуществлению соответствующих функций. В данной связи показательно понятие, предложенное В.С. Нерсисянцем: «Функции государства – это основные формы деятельности государства, выражающие его сущность» [10, с. 256-257]. При этом ученый отмечает, что в своем юридически адаптированном виде понятие «функция» применительно к государству означает их действие, деятельность, формы их регулятивно-упорядочивающего воздействия на людей и их отношения. «Сказать: «право функционирует», «государство функционирует» – это то же самое, что сказать: «право действует», «государство действует» [19, с. 257]. Сходный подход просматривается и в понятии функции, предлагаемом В.М. Корельским [11]. В широком смысле термин «функция» применяется так же и к видам деятельности, предпосылками которой являются субъективные факторы, постановка задач, установка целей. В этом смысле функция государства определенным образом соотносится с государственным управлением, с осознанным воздействием на общество и соответственно ее выполнение или невыполнение не всегда носит для государства жизненно важный характер.

Так, например, В.М. Сырых понимает под функциями государства «определяемые конкретно-историческими условиями существования государства его основные направления деятельности по управлению делами общества, осуществляемой в присущих формах и с помощью специфических методов» [18, с. 25]. По мнению В.М. Корельского, «функции государства –

это основные направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и присущими ему методами» [12, с. 143]. Сходное в определенном смысле определение дает и А.В. Малько: «Функции государства – это основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним задач» [8, с. 46]. В.Е. Чиркин так же указывает на то, что основные направления деятельности государства принято называть его функциями [22, с. 100]. Л.А. Морозова отмечает, что функции государства – это – «главные социально значимые направления его деятельности на конкретно-историческом этапе развития общества» [9, с. 98].

Список литературы

1. Байнтин М.И. Государство и политическая власть (теоретическое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. С. 41.
2. Глебов А.П. Понятие и структура функции социалистического государства (пособие по спецкурсу «Проблемы теории социалистического государства и права»). Воронеж, 1974. С. 14.
3. Глебов А.П. Сущностно-субстанциональный и функциональный подходы, в исследовании государственных и правовых явлений // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 1999. С. 144.
4. Глебов А.П. Сущностно-субстанциональный и функциональный подходы, в исследовании государственных и правовых явлений// Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М.; Проспект, 1999. С.145.
5. Энгельс К.Ф. Сочинения. Т. 25. 4.1. С.422.
6. Математическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1984. Т. 5. С. 711-719.
7. Малая медицинская энциклопедия: В 6 т. Т.6. М.: Медицина, 1996. С. 196-197.
8. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. М.: Юрист, 1999. С. 46.
9. Морозова Л.А. Функции государства. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 1999. С.68; Морозова Л.А. Функции государства на современном этапе // Государство и право. 1993. №6. С. 98.
10. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: НОРМА-ИНФРА*М, 1999. С. 256.
11. Необходимо отметить, что подход, предлагаемый В.М. Корельским выглядит в некоторой степени противоречиво, т.к., с одной стороны, автор указывает, что функция – это лишь определенное направление деятельности, с другой же стороны, отмечает, что это устойчивая, сложившаяся предметная деятельность государства.
12. Необходимо отметить, то понятие, предлагаемое В.М. Корельским выглядит в некоторой степени противоречиво, т.к., с одной стороны, он указывает что функция это лишь определенное направлении деятельности, но при этом, с другой стороны, отмечает что это устойчивая, сложившаяся предметная деятельность государства (См.: Корельский В.М. Функции государства // Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: НОРМА-ИНФРА*М, 1998. С. 143).
13. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. С. 49-54.
14. См. об этом: Курашвили Б.П. О системе функций государства // Проблемы государства и права: Труды научных сотрудников и аспирантов. Вып.9. М., 1974. С. 25.
15. См., например: Винер Н. Кибернетика или управление и связь в квотномимашине. Изд. 2. М.: Советское радио, 1968. С. 161, 163, 199, 164, 254.
16. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1988. С. 587.

17. Ахиезер А.С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974. С. 158-159.
18. Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Былина, 1998. С. 25.
19. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 257.
20. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 513.
21. Физический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 834-835.
22. Чиркин В.Е. Государственное ведение. М.: Юрист, 1999. С. 100.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Иовин А.А.

студент 1 курса юридического факультета, Частное образовательное учреждение высшего образования «Южный институт менеджмента»,
Россия, г. Краснодар

В современном обществе нет определенной позиции относительно семейного права как отдельной правовой отрасли. Ряд ученых выдвигают теорию о слиянии семейного и гражданского права. Другие специалисты наоборот стараются выделить семейное право в отдельную отрасль.

Ключевые слова: координация, взаимодействие, гражданское право, семейное право.

На сегодняшний день в юриспруденции как науке сформировался определенный пласт проблем, одна из них – выявление межотраслевых связей внутри системы права. При нахождении таких связей можно сформировать представление о праве как системе, избежать ряда правовых «пробелов» в смежных правовых отраслях.

В этой связи возникает вопрос о значении семейного права, его понятии. Вообще любые ответвления права, в том числе и семейное лишь конкретизируют общее понятие права в юриспруденции. Но если не будет обобщения так называемой «конкретизации» различных ветвей права, то не будет единой юридической науки, будут лишь отдельные юридические дисциплины отраслей права, направленные на различное правопонимание.

Семейное право соприкасается практически со всеми отраслями права, поэтому крайне важно знать пределы взаимодействия, так как часто оно не закреплено в правовых нормах разной отраслевой принадлежности, что ведет к возникновению противоречий между отдельными отраслями права.

Отдельного рассмотрения требует взаимодействие семейного права с гражданским и уголовным правом. Семейное право тесно связано с гражданским, его составляют нормы права, которые также регулируют имущественные и личные неимущественные отношения, но лишь в одной сфере – брачно-семейных отношениях. Взаимосвязь этих отраслей права позволяет

наиболее эффективно решить задачи укрепления и охраны семьи. Точек соприкосновения семейного права с уголовным меньше, но все же они есть. Например, дать уголовно-правовую характеристику преступлений против семьи или сформировать криминалистическую характеристику подобных преступлений невозможно без тесного взаимодействия семейного и уголовного права [1, с. 7].

Но все же вопрос о соотношении гражданского и семейного права, как о единой или различной отрасли, остается дискуссионным.

Л.М. Пчелинцева описывает дискуссию относительно этого вопроса еще дореволюционных ученых-цивилистов Г.Ф. Шершеневича и Д.И. Мейера, в которой Г.Ф. Шершеневич считает, что семейное право является составной частью гражданского, а Д.И. Мейер утверждал, что «...семейным учреждениям не место в системе гражданского права». В советский период этот вопрос был также актуален.

Даже сегодня в теории до конца не решен вопрос о перспективах дальнейшего развития семейного права. Является ли оно отраслью гражданского права или самостоятельной отраслью? В специализированной литературе приводятся аргументы в поддержку разных точек зрения [2, с. 37].

О.С. Иоффе полагал, что семейное право «с точки зрения не только предмета, но и метода регулирования, неотделимо от права гражданского» [3, с. 184].

Е.М. Ворожейкин противопоставляет вывод о том, что «существование семейного права как самостоятельной отрасли советского права предопределено объективными предпосылками: специфическим характером общественных отношений, регулируемых этой совокупностью правовых норм; специфическими целями, которые таким регулированием достигаются...; специфическим методом, который обеспечивает наилучшее достижение этих целей».

Сегодня, как и много лет назад споры относительного семейного и гражданского права не утихают. Современные ученые, утверждающие, что семейное право есть составная часть гражданского, приводят следующие доказательства. У гражданского и семейного права есть только одна и исключительно одна общая специфическая особенность – доверительный характер имущественных и неимущественных отношений в семье. Тогда к семейным отношениям может быть применен подход единого метода лично-доверительной направленности правового регулирования. В этом случае семейное право образует подотрасль гражданского права.

Конечно, в таких ситуациях необходимо рассматривать соотношения и взаимодополнения среди отраслей права. Что это значит? К примеру, при неустановлении специальными нормами Семейного кодекса Российской Федерации исключений, соглашения регулируются общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, при наличии исключений действие специальных норм Семейного кодекса Российской Федерации устраняются применением общих норм.

Можно с уверенностью сказать, что у каждого ученого, занимавшегося изучением этого вопроса будет свое мнение. Однако, существенная часть

специалистов-практиков выделение семейного права в отдельную подотрасль считают нецелесообразным.

И.В. Понтелеева специалист в области гражданского, семейного и международного частного права заявляет о слиянии семейного права с гражданским. По ее мнению, семейное право «рискует» остаться практически неиспользуемым, так как вопросы имущественного плана целесообразно рассматривать в гражданско-правовом поле.

И все же изучая материал, сравнивая разные точки зрения и подходы, приходит понимание того, что все-таки сегодня необходимо рассматривать семейное право как отдельную отрасль права.

Список литературы

1. Ершова Н.М. Вопросы семьи в гражданском праве. М., 1977.
2. Ворожейкин Е.М. Семейное право – как самостоятельная отрасль права. Советское государство и право. М., 1997.
3. Иоффе О.С. Советское гражданское право. 1965.

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Казановская Ю.А.

доцент кафедры конституционного и международного права,
канд. юрид. наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

Никабадзе Н.Н.

студентка 4 курса, юридический институт,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются некоторые особенности принципа автономии воли, как одного из основополагающих начал частного права, а также некоторые меры по ограничению автономии воли сторон. В частности анализируется концепция «обхода закона» и влияние на рассматриваемый принцип так называемых сверхимперативных норм.

Ключевые слова: автономия воли, «обход закона», сверхимперативные нормы, международное частное право.

Среди наиболее общих современных тенденций развития международного частного права, присущих всем или, по крайней мере, большинству государств, а также мировому сообществу в целом, центральное место занимают такие направления, как переход в области коллизионного права (как на национальном, так и на международном уровне) от жестких абстрактных формул к более гибким, а также возрастание роли принципа автономии воли сторон.

Принцип автономии воли сторон как одно из основополагающих начал частного права связывают с именем крупнейшего французского юриста Шарля Дюмулена. Содержание данного принципа он сводил к тому, что к до-

говорам должно применяться то право, которое имелось в виду самими сторонами. Если же из договора это право обнаруживается недостаточно явно, то необходимо обращать внимание на обстоятельства, при которых была изъявлена воля сторон. То есть всегда важно уяснить то право, которое они имели в виду, хотя определенно и не называли [1, с. 22].

Безусловно, с момента своего возникновения данный принцип в процессе развития внешнеторгового оборота претерпел некоторые изменения, однако современное его состояние, в частности содержание ст. 1210 ГК РФ, свидетельствует о том, что принцип автономии воли на сегодняшний день сохранил все элементы теории Ш. Дюмулена: российское право позволяет сторонам внешнеэкономического договора в оговорке о применимом праве или в последующем соглашении предусмотреть возможность применения права любого государства [2, с. 70].

Право выбора сторонами договора может быть реализовано путем заключения соответствующего соглашения, которое возможно в двух вариантах: как оговорка о применимом праве, включаемая в текст самого договора, либо как отдельное соглашение о применимом праве. При этом сторонам договора всегда необходимо знать, до какого момента они могут осуществить выбор применимого к отношениям права.

В теории существует позиция, согласно которой применение института автономии воли к уже возникшим отношениям, когда действия сторон осуществлены, не возможно, так как разрешать сторонам в данной ситуации избирать право, по сути, означает возложение на них процессуальной функции установления близкого права для отношения, фактический состав которого уже завершен. Такой позиции придерживается В.Л. Толстых, который в частности говорит, что выбор права возможен только тогда, когда его можно осуществить до момента совершения действий, связанных с реализацией прав и обязанностей [5, с. 128].

Однако российское законодательство, а также законодательство множества других государств устанавливает, что стороны договора могут выбирать право при его заключении или в последующем (п. 1 ст. 1210 ГК РФ). Соответственно, моментом достижения сторонами согласия относительно выбора права может выступать как момент заключения самого договора, так и все последующие стадии развития правоотношений между контрагентами: исполнение договора, возникновение спора или рассмотрение спора в судебном порядке.

Достаточно активно в последние годы теоретиками обсуждалась такая проблема, как концепция «обхода закона» в международном частном праве. Данная концепция предлагает достаточно необычный подход: помимо законных и незаконных действий, необходимо выделять в особую группу также действия в «обход закона», т.е. те действия, которые букву закона не нарушают, но намеренно направлены на достижение результата, который с целью закона не соотнобразуется: «Обходом закона является образ действий, нарушающий предписание закона не прямо, но подрывающий цель, на достижение которой это предписание направлено» [4, с. 19]. В связи с этим в теории

обсуждался вопрос о необходимости ограничения автономии воли сторон договора в целях исключить возможность «обхода закона» какого-либо государства.

Тем не менее, современная российская и международная практика идет по пути непризнания данной концепции и невключения ее в законодательные акты. Некоторые теоретики считают, что данная концепция является надуманной, и подобной угрозы законности заключенного договора нет [4, с. 19].

Другие полагают, что данная проблема существует, однако отражение ее в законодательстве какого-либо государства повлекло бы ряд негативных последствий, таких как игнорирование печального опыта большинства развитых западных стран по данному вопросу, а также введение в российское законодательство внутренне противоречивого термина «обход закона».

Тем не менее, автономия воли сторон при заключении договора не является полностью безграничной. При рассмотрении вопроса о выборе сторонами права, подлежащего применению по отношению к заключаемому между ними договору, достаточно важным является определение круга вопросов, на который такой выбор распространяется и который выступает своего рода ограничителем автономии воли сторон, связанным с содержанием обязательств.

В отличие от современного российского законодательства, в нормативных правовых актах некоторых государств автономия воли подлежит так называемому пространственному ограничению. В таких странах действует принцип локализации договора, согласно которому стороны могут свободно выбирать право, но только такое, которое связано с данным договором. Данный принцип широко применяется, к примеру, в законодательстве и практике США [3, с. 381].

Другим ограничителем автономии воли сторон выступает применение так называемых сверхимперативных норм. Не являясь частью публичного порядка, они, тем не менее, подлежат обязательному применению и, по сути, устраняют коллизионные правила. При этом круг норм, являющихся сверхимперативными в соответствии с законодательством того или иного государства, включая российское, указывается неоднозначно.

В российском законодательстве сверхимперативные нормы именуются нормами непосредственного применения. При этом основная сложность при применении данных норм состоит в нахождении их среди всего массива императивных норм. Законодатель определил критерии, которым должны отвечать такие нормы: указание в самой норме, обеспечение прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота.

Однако, по нашему мнению, последний критерий является достаточно широким и не способствует четкому определению круга норм непосредственного применения, в связи с чем вопрос о том, какие нормы могут относиться к данной категории, остается не разрешенным.

Таким образом, автономия воли сторон договора на сегодняшний день не является абсолютной и подлежит некоторым ограничениям в целях обеспечения интересов как государств, так и контрагентов по договору. При этом,

выступая в качестве коллизионной привязки, она является наиболее предпочтительной, так как позволяет наиболее точно определить, исходя из положений законодательства какого государства сторонами определялись условия договора, а также наиболее явно отражает волю сторон при их участии в частноправовых отношениях.

Список литературы

1. Гетьман-Павлова И.В. Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве // Право. – 2009. – № 3. – С. 21-33.
2. Козлова Т.С. Исторические корни некоторых институтов международного частного права // Российская юстиция. – 2005. – № 8. – С. 70-72.
3. Международное частное право: Учеб. / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М., 2004. – 688 с.
4. Муранов А.И. «Обход закона» в международном частном праве: мнимость актуальности и надуманность проблем // Законодательство. – 2008. – № 7. – С. 18-21.
5. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – 2004. – 526 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Кирпа А.С.

студентка 4 курса, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Колесникова К.В.

доцент кафедры экологического, земельного и трудового права, к.ю.н., Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье освещаются вопросы правового регулирования организации сельского туризма в России. Обращено внимание на отсутствие в федеральном законодательстве понятия «сельский туризм» и необходимость разработки специализированного документа, регулирующего данную отрасль.

Ключевые слова: агротуризм, сельский туризм, туризм, сельское хозяйство.

Последние годы сельский (агро) туризм приобретает все большую популярность в России. Нестабильная международная ситуация привела к тому, что в 2015 году были закрыты сразу несколько популярных туристических направлений, что привело к неудовлетворенному спросу и поиску альтернативных предложений туроператорами, в частности, на рынке внутреннего туризма. Регионы с переменным успехом пытаются привлечь туристов, интересующихся этим направлением. Тем не менее, по оценкам Федерального агентства по туризму, в настоящее время доля сельского туризма не превышает 2% от всего рынка туризма в России. По подсчетам экспертов, рентабельность сельского туризма в России может составлять 15–30%, а по-

тенциальный финансовый эффект в общенациональном масштабе может достигать 30 млрд руб. в год [1].

В настоящий момент в России отсутствует концепция развития сельского туризма, не разработаны соответствующие федеральные и законодательные нормативные акты, регулирующие отдельные аспекты агротуристической деятельности. О необходимости развития сельского туризма упоминается только в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной в 2015 году, а также в ряде региональных документов, но не упоминается в Стратегии развития туризма в РФ. К сожалению, нет нормативно-правового акта, определяющего, что именно входит в понятие сельского туризма. Сегодня не существует универсального определения данного вида туристской деятельности, но общепринятое в мире определение выглядит примерно следующим образом: сельский туризм – это путешествия граждан с постоянного места жительства в сельскую местность с размещением в сельских гостевых домах, сельских усадьбах и на фермах с туристскими целями и без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в месте временного пребывания [4].

Не определена компетенция между ведомствами по регулированию этого вида туризма. Говоря о компаративистском подходе в изучении данной проблемы, стоит отметить, что в европейской практике агротуризм входит в компетенцию общеэкономических и сельскохозяйственных ведомств, а не институтов туризма. Основное достоинство такого регулирования заключается в том, что сельский туризм используется как способ решения социальными проблемами села и поддержки фермеров. Использование же сельского туризма в качестве инструмента развития внутреннего туризма считается не целесообразным. Некоторыми экспертами подчеркивается, что применение к сельскому туризму общенациональных туристических правил и регламентов просто парализует развитие отрасли [3].

Обсуждается включение сельского туризма в основные виды деятельности хозяйства в проекте ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона о КФХ». Депутат Государственной Думы РФ Светлана Максимова, комментируя законопроект, указывает, что принятие проекта федерального закона будет способствовать развитию сельских территорий, притоку капитала в региональные и местные бюджеты, устойчивости и повышению доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей, снижению рисков их банкротства, развитию агропромышленного комплекса страны, повышению интереса городского населения к проблемам сельских территорий и их жителей, а также устойчивому развитию российского агротуризма [4]. Стоит отметить, что проект, не смотря на долгое обсуждение, до сих пор не отправлен на рассмотрение в Государственную Думу РФ.

Очевидно, что агротуризм необходимо рассматривать как специфический сектор туристической индустрии, приносящий дополнительный доход сельскому населению, фермерам. Внесения изменений в несколько статей одного закона не решит проблему регулирования организации сельского туризма. Стоит

обратить внимание на следующие моменты. Как отмечалось выше, отсутствуют стандарты и нормативы, применимые в сфере агротуризма как специфического сектора туриндустрии и – одновременно – приносящей доход дополнительной (несельскохозяйственной, непроемкой, альтернативной) формы деятельности сельского населения. Следует особо подчеркнуть, что стандарты и нормативы, действующие в РФ в сфере гостиничного и рекреационного бизнеса, не могут механически переноситься на сектор малого семейного гостиничного бизнеса на селе в силу специфики последнего [4].

В агротуризме на первый план должны быть выдвинуты вопросы по безопасности туристов, как правило, городских жителей, не готовых к сельской жизни. В договорах с туристами должно быть включено обязательное условие об ознакомлении их с необходимыми для данной местности санитарно-эпидемиологическими правилами и нормативами.

Если агротуризм связан с вовлечением туристов в сельскохозяйственное производство, туристам должна быть обеспечена безопасность труда, предусмотренная законодательством.

Также, пробелы в правовом регулировании агротуризма влекут за собой отсутствие правовой основы для возможности использовать в случае осуществления агротуристической деятельности пониженной налоговой ставки земельного налога. В европейской практике существует решение ЕСПЧ по данному вопросу [2].

Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие направления дальнейшей работы:

1) Законодательно закрепить понятие сельского туризма путем принятия специального закона «О сельском туризме»;

2) Разработать концепцию развития сельского туризма, основными направлениями которой должны стать повышение квалификации владельцев подворий и фермерских хозяйств, проведение консультаций по организации технологического процесса сельского туризма, поиску финансовой поддержки, специализация на определенных целевых группах туристов (семьи, школьники, студенты). Концепция должна включать положения о разработке основных моделей сельского туризма (наличие элемента трудового соучастия, отдых без привязки к сельскому хозяйству). От разработанных моделей зависит правовое регулирование сельского туризма.

3) Разграничить полномочия между ведомствами, в частности между Министерством культуры и Министерством сельского хозяйства РФ. Большой объем полномочий, как уже отмечалось ранее, должен быть предоставлен Минсельхозу.

Список литературы

1. Мизин М. Сельский туризм: его роль в укреплении экономики агросектора // Агротехника и технологии. – 2016. – №2.
2. Постановление Европейского суда по правам человека от 12 января 2001 г. по делу № 44759/98 «Ферраццини против Италии» (Ferrazzini v. Italy).
3. Рыбаков А. Сельскому туризму нужна «дорожная карта» // «Крестьянские ведомости», 2015.
4. Уланов Д. А. Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы // Молодой ученый. – 2013. – №6. – С. 455-459.

ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЮРИСДИКЦИИ

Корень А.В.

кандидат на степень магистра юридического факультета,
Российская таможенная академия, Россия, г. Люберцы

В статье характеризуются основные подходы к определению понятия «юрисдикция», его признаки и структурные элементы. Рассмотрены причины, обуславливающие плюрализм мнения в характеристике содержания данной дефиниции. Показано различие в терминах «юрисдикция» и «юрисдикционная деятельность» как в формально-логическом, так и содержательном отношении.

Ключевые слова: юрисдикция, юрисдикционная деятельность, юрисдикция таможенных органов, признаки юрисдикции, элементы юрисдикции.

До настоящего времени термин «юрисдикция» не имеет правового закрепления и не существует четкого и однозначного определения данной дефиниции в юридической литературе. В тоже время, мы должны констатировать, что в последнее время термин «юрисдикция» все чаще, стал встречаться в нормативных правовых актах, включая Основной Закон РФ (ст. 67) [9, с. 110]. Его значимость велика в понимании сферы действия права. Кроме того, правильное определение юрисдикции имеет огромное значение как для теории права, так и для отраслевых правовых наук, особенно для науки административного права. Но, к сожалению, в теории права недостаточно уделено внимания данному правому институту. Чаше о нем дискуссии ведутся на страницах юридической литературы по процессуальному и административному праву.

Этимологически термин «юрисдикция» происходит от латинского *jurisdictio*, что означает «говорить право», «правовое суждение». Термин образован из двух слов «*ius*» (право) и «*dicere*» (говорю) и «означает «установление права», разрешение конфликта или применение надлежащей властью установленных правил» [26, с. 74].

Римскому праву термин «*jurisdictio*» был известен в древнейший период, с 753 по 510 г. до н.э. В период классического римского права (I в. до н.э. – III в. н.э.) *iurisdictio* принадлежала городскому претору (должность учреждена в 367 г. до н.э.) [8, с. 58], руководившего судопроизводством по гражданским делам и замещавшего консулов в их отсутствие. Преторы – это высшие римские магистраты, ведавшие судопроизводством. Первоначально – это собирательное название высших римских должностных лиц: диктатора и консулов [28, с. 174].

М.Х. Гарсиа Гарридо считает, что «содержание *jurisdictio* и вообще всей деятельности претора заключалось в так называемых «трех священных словах»: *do, dico, addico*» [10, с. 159]. Первое слово – *do* (*dare*) содержит два значения: выбор судьи спорящими сторонами или магистратом и выбор того или иного иска или его отклонение. *Dico* (*ius dicere*) обозначает деклариру-

ванную правовую информацию магистром, применяемую в судебном процессе. Addico (addicere) обозначает правовые акты, трактующие право в интересах одной из сторон процесса.

Таким образом мы видим, что в Древнем Риме термин «юрисдикция» отождествлялся с применением права к конкретному спору, так и с судопроизводством.

Отождествление юрисдикции с судопроизводством и правосудием встречается и сегодня в ряде энциклопедических источниках и словарях. Так, словарь иностранных слов отождествляет юрисдикцию с судопроизводством и правосудием [21, с. 472]. Аналогичной точки зрения придерживается И.А. Иванников, утверждающий, что «юрисдикция (от лат. *iurisdictio* – суд, судопроизводство) – установленная законом или иным нормативно-правовым актом подсудность, право производить суд или иное правовое решение вопроса, на которую распространяются полномочия данного государственного органа» [19, с. 116]. Чуть шире, но с уклоном в сферу правосудия трактует юрисдикцию другой словарь иностранных слов: «юрисдикция – подсудность, право производить суд, решать правовые вопросы и сферу полномочий юрисдикционного органа» [29, с. 610].

Более широкое определение юрисдикции содержится в домашней юридической энциклопедии, где акцент делается не на «деятельности» государственных органов, а на их правомочиях. Юрисдикция определяется как «установленная законом совокупность правомочий тех или иных государственных органов разрешать правовые споры, дела о правонарушениях, оценивать те или иные действия с точки зрения правомерности или неправомерности, применять юридические санкции к правонарушителям законов» [30, с. 634]. Аналогичное определение содержится и в других энциклопедических источниках по праву [12, с. 573].

Сегодня, чаще всего юрисдикцию отождествляют с подведомственностью государственных органов разрешать правовые споры [2, с. 14], иногда с судопроизводством [19, с. 116]. Данный термин также отождествляется с системой соответствующих юрисдикционных органов [4, с. 276]. Но, в большинстве своем, правоведы придерживаются высказываний известного советского юриста, дипломата и историка права И.С. Перетерского, который считал, что термин «юрисдикция» происходит от сочетания двух слов – *jus* и *dicere* и интерпретируется как разрешение конфликта, или использование властью правил в регулировании общественных отношений [26, с. 74].

В юридической литературе встречаются и вариации выше рассмотренных определений дефиниции «юрисдикция». Так, согласно утверждениям советских правоведов «юрисдикция – государственно-властная деятельность, состоящая в применении закона к юридическим конфликтам и принятии по ним правовых актов» [15, с. 63]. По мнению современного ученого-юриста С.С. Алексеева, под юрисдикцией следует понимать «деятельность компетентных органов, управомоченных на рассмотрение юридических дел и на вынесение по ним юридически обязательных решений» [7, с. 124]. Согласно утверждениям А.Б. Зеленцова юрисдикцию следует рассматривать, как пра-

воговорения, в содержании которого следует выделить полномочия: 1) полномочие руководить судебным делом, выступающим предтечей любому решению; 2) полномочие творить суд или находить решение на спорное дело перед судебным процессом; 3) полномочие по реализации принятого решения [17, с. 271-272]. Не смотря на содержательность данного определения, вся сущность юрисдикции сведена к полномочиям суда.

Интересное определение понятию «юрисдикция» предлагает доктор юридических наук, профессор И.И. Лукашук. По его мнению, «юрисдикция есть проявление государственного суверенитета. Она обозначает сферу действия государственной власти» [22, с. 112].

Согласно высказываниям А.П. Шергина, юрисдикция представляет самостоятельный вид государственной, подзаконной, правоприменительной, правоохранительной деятельности. При этом, А.П. Шергин акцентирует внимание на том, что юрисдикционная деятельность государства состоит в применении закона не иначе как к юридическим конфликтам [36, с. 11, 18].

Аналогичной точки зрения придерживается И.В. Панова, утверждающая, что юрисдикция представляет вид государственной деятельности, носящей подзаконный, правоприменительный, правоохранительный характер, возникающий при необходимости применения мер государственного принуждения, носящий состязательный характер, заканчивающийся изданием юрисдикционного акта и выполняющий охранительную, воспитательную и регулятивную функцию [25, с. 43-44].

Несмотря на многозначность понятия «юрисдикция», большего отличия между приведенными определениями по существу нет. Правовая теория чаще всего связывает юрисдикцию с определенной деятельностью государственных органов, в частности с правоприменительной и правоохранительной [4, с. 276]. Отличия в определениях термина «юрисдикция» по мнению правоведов обусловлены ходом исторической эволюции [35, с. 13]. А, по мнению А.В. Аргунова различия в дефиниции «юрисдикция» обусловлены позицией авторов данного термина [8, с. 56]. Так одни рассматривают юрисдикцию как совокупность правомочий государственных органов по реализации определенного рода деятельности, то другие утверждают, что юрисдикция представляет вид государственной деятельности. Некоторые авторы, считают, что плюрализм мнений в определении юрисдикции связан с неправильным перевод термина с латинского языка. По мнению А.П.Шергина неправильно отождествлять понятие «юрисдикция» с судопроизводством, которому соответствует слово *judicio*, правильней его образовывать от сочетания *jus* плюс *dicere* [36, с. 11].

В начале нашего дискурса было отмечено, что в теории права понятию «юрисдикция» недостаточно уделено внимания. Среди российских теоретиков права, уделявших внимание данной проблемы, можно отметить С.С. Алексеева [6, с. 123]. Больше дискуссий по данной проблеме имеет место в юридической литературе по гражданскому процессуальному и административному праву, а также по международному праву [23, с. 85; 14, с. 17]. Возможно поэтому Н.И. Ткачев определил данное понятие как межотрасле-

вое [31, с. 54]. При этом, каждая научная отрасль права вкладывает свое значение в термин «юрисдикция». Так, для науки гражданского процессуального права и международного права характерно связывать юрисдикцию с совокупностью полномочий органов государственной власти рассматривать и разрешать юридические дела [1, с. 130; 13, с. 5-6]. По мнению правоведов административного права, юрисдикция – это осуществление конкретной государственной деятельности по разрешению правовых конфликтов [36, с. 9].

Обобщив изложенное, можно под юрисдикцией понимать совокупность полномочий органов государственной власти по реализации определенного рода деятельности, а также саму эту деятельность.

По мнению А.В. Аргунова, объединить в единую дефиницию два подхода к понятию «юрисдикция» невозможно, «поскольку даже авторам, пытающимся это сделать, все равно приходится в итоге определять, является юрисдикция деятельностью компетентных органов либо правомочием осуществлять определенную деятельность» [8, с. 58].

Несмотря на такое утверждение, мы считаем, что перевод латинского слова *jurisdictio* дает нам право под юрисдикцией понимать правомочия рассматривать и разрешать юридические дела органами государственной власти в процессе правоприминительной и правоохранительной деятельности.

Плюрализм мнений в определении термина «юрисдикция» обусловил употребление в научно-правовой мысли двух близких по значению терминов: «юрисдикция» и «юрисдикционная деятельность». Многие правоведы, при характеристики юридической деятельности государства используют слова «юрисдикция» и «юрисдикционная деятельность» как синонимы, не отмечая их различия.

Попытку разграничить два этих понятия предпринял А.В. Аргунов. По его мнению, понятия «юрисдикция» и «юрисдикционная деятельность» не могут быть логически тождественными. «Юрисдикция – это совокупность полномочий, направленных на осуществление определенной деятельности. Юрисдикционная деятельность – это осуществление полномочий конкретным органом, форма осуществления юрисдикции» [8, с. 61].

По нашему мнению, А.В. Аргунов не сумел показать в чем же различия этих понятий. Различать их следует как в формально-логическом, так и содержательном отношении. В формально-логическом смысле это различные понятия, поскольку в них мыслится различная совокупность существенных признаков: юрисдикция – это совокупность полномочий, а юрисдикционная деятельность – это деятельность в пределах этих полномочий. С точки зрения формальной логики, это несовместимые понятия, находящиеся в отношении соподчинения. Общим, родовым по отношению к ним является понятие «юридическая деятельность». В содержательном отношении эти понятия также различны. Если понятие «юрисдикция» акцентирует внимание на правомочиях государственных органов, то «юрисдикционная деятельность» обращает внимание на деятельностьную сторону органов государственной власти, но в рамках их полномочий.

В диалектическом отношении эти понятия можно рассматривать с позиции соотношения формы и содержания. Юрисдикционная деятельность – это форма осуществления юрисдикции.

Автор статьи «Виды юридической деятельности таможенных органов» О.С. Жигалина на основе анализа содержания норм Таможенного кодекса РФ выделила такой вид юридической деятельности таможенных органов как юрисдикционный [16, с. 15]. Тем самым она подтвердила наши высказывания, что юрисдикционная деятельность наряду с юрисдикцией являются видовыми соподчиненными понятиями по отношению к родовому – юридическая деятельность. Утверждение автора статьи, что с помощью юрисдикционной деятельности «создается основа для возникновения особого вида правоотношений по разрешению споров в области таможенного дела», т.е. юрисдикционных правоотношений, свидетельствует о том, что автор отождествляет понятия: «юрисдикция» и «юрисдикционная деятельность».

В большинстве своем, ученые-правоведы, исследующие этих два понятия, не показывают их различия как в формально-логическом, так и содержательном отношении [5, с. 361].

Приведенные выше определения юрисдикции позволяют выделить ее основные признаки. Заслуживает внимания, в характеристике признаков понятия «юрисдикции», точка зрения О.В. Чекалиной [35, с. 16]. Первым признаком юрисдикции О.В Чекалина выделяет правовой конфликт, который по мнению С.С. Алексеева получает юридическое оформление в юридическом деле [7, с. 328]. Именно юридические (административные) дела по мнению многих ученых-правоведов составляют основу процессуальной деятельности [3, с. 385; 11, с. 52-53].

Вторым признаком, по мнению ученого, выступает орган власти, который должен разрешить правовой конфликт. Круг государственных органов, занимающихся юрисдикционной деятельностью устанавливается законодательством. Одним из таких правовых актов является КоАП РФ [20], определяющий состав органов и должностных лиц, обладающих правом рассматривать дела об административных правонарушениях. В таможенном деле, перечень органов и их правовой статус в вопросе юрисдикционной деятельности устанавливается ТК РФ, ФЗ РФ от 27.11.2010 № 311-ФЗ и др. [32, 33]. Можно с уверенностью констатировать, что юрисдикционными функциями в первую очередь обладают юрисдикционные органы, а также органы, «которые, как отмечает Ю.Г. Перепелкина в соответствии с законом имеют право рассматривать юридические дела о правонарушениях, принимать по ним решения и применять санкции к нарушителям права» [27, с. 17]. В настоящее время к органам юрисдикции относятся: суды и уполномоченные административные органы [18, с. 6]. Несмотря на то, что деятельность этих органов отличается своей специфичностью, в тоже время ей характерна общая направленность – расследовать дело по сути и утвердить решение. Аналогичная компетенция отсутствует в общественных организациях [34].

Следующим признаком юрисдикции выступает процессуальная форма, в которую облакается деятельность юрисдикционных органов. Процессуаль-

но форма представляет собой порядок расследования и разрешения дела. По мнению А.П. Шергина процессуальная форма «характерна для всех видов юрисдикционной деятельности» [36, с. 103] и «основана на нормах права и существует во их исполнение» [14, с. 18]. Это обуславливает формирование процедур правовыми нормами, что представляет собой процессуализацию. Процессуализация направлена на обеспечение эффективной деятельности органов государственной и муниципальной власти.

Наличие юрисдикционного акта, как итога юрисдикционной деятельности является четвертым признаком юрисдикции. Юрисдикционный акт по мнению А.П. Шергина, это «особый акт, отличающийся от иных видов правоприменительных актов как по назначению, так и по содержанию и форме» [36, с. 20]. Именно принятие юридически властного решения, т.е. юрисдикционного акта, является итогом деятельности субъектов административной юрисдикции.

На основе перечисленных признаков выделим основные элементы юрисдикции: 1) наличие компетентного органа; 2) наличие юридического дела; 3) рассмотрение юридического дела компетентным органом; 4) наличие обязательного для исполнения властного акта по рассмотренному юридическому делу.

Указанные элементы юрисдикции не могут существовать отдельно друг от друга, а находятся в тесном взаимодействии. Отсутствие хотя бы одного элемента, не только препятствует правоприменительному процессу, но и влечет за собой отсутствие юрисдикционной деятельности.

Список литературы

1. Абрамов С.Н. Гражданский процесс. М., 1948. 483 с.
2. Административная юрисдикция таможенных органов: Курс лекций / Колесов В.А. СПб.: СПб филиал РТА. 2005. 43 с.
3. Административное право: Учебник //Под ред. Ю.М. Козлова и Л.Л. Попова. М., 2001. 728 с.
4. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография /П. П. Серков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 480 с.
5. Актуальные проблемы административного права и процесса: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» /М.В. Костенников, А.В. Куракин, А.М. Кононов, П.И. Кононов, А.И. Стахов, Н.Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 495 с.
6. Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие. Москва: Проспект, 2010. 152 с.
7. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. 359 с.
8. Аргунов А.В. О понятии юрисдикции //Журнал «Законодательство: Право для бизнеса» №11. 2008. С. 58, 61.
9. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. 272 с.
10. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты /Перевод с испанского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. 812 с.
11. Горшенев В.М., Крупин В.Г., Мельников Ю.И. и др. Теория юридического процесса. Харьков, 1985. 192 с.
12. Гражданское право: словарь-справочник. М., 1996. 576 с.

13. Гражданский процесс: Учебник /Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1972. 439 с.
14. Гулягин А.Ю. Административное право и процесс //Государство и право. 2011. №11. С. 17, 18.
15. Добровольская Т.Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма. Докт. дисс. М., 1965. 34 с.
16. Жигалина О.С. Виды юридической деятельности таможенных органов //Журнал «Таможенное дело» №1. 2007. С. 15.
17. Зеленцов А.Б. Конфликты в управлении и управление конфликтами. М., 2001. 543 с.
18. Зубач А.В. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов Российской Федерации: учебное пособие /А.В. Зубач, П.Н. Сафоненков. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2012. 140 с.
19. Иванников И.А. Толковый словарь по теории права. Серия «Словарь». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005. 128 с.
20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ /СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч.1). Ст. 1 /с изм. и доп. ред. от 08.08.2015.
21. Краткий словарь иностранных слов /под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М., 1950. 438 с.
22. Лукашук И.И. Уголовная юрисдикция // Журнал «Государство и право» №2. 1998. С. 112.
23. Панова И.В. Курс административно-процессуального права России: Научный редактор проф. Э.Н. Ренов. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. 566 с.
25. Панова И.В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. Саратов, 2001. 452 с.
26. Перетерский И.С. Всеобщая история государства и права. Ч. 1. Древний мир. Вып. 2. Древний Рим: учебник для юрид. ин-тов. М., 1945. 194 с.
27. Перепелкина Ю.Г. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел на железнодорожном транспорте РФ: дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 225 с.
28. Струнников В.Н. Государство в Древнем Риме /История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 /Под общ. ред. д. ю. н., проф. О.А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н.А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004. 624 с.
29. Словарь иностранных слов. М., 1990. 624 с.
30. Ткач М.И. Домашняя юридическая энциклопедия. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 638 с.
31. Ткачев Н.И. Межотраслевые правовые понятия (методологический аспект) //Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов. Тверь, 1991. 133 с.
32. Таможенный кодекс Таможенного Союза от 27 ноября 2009 г. № 17 /СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615 /с изм. и доп. ред. от 08.05.2015.
33. Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ /СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252 /с изм. и доп. ред. от 13.07.2015.
34. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» / СЗ РФ. 1995. №21. Ст. 1930 /с изм. и доп. ред. от 08.03.2015.
35. Чекалина О.В. Административно-юрисдикционный процесс: дисс... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 205 с.
36. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М.: Юрид. лит., 1979. 144 с.
37. Юридическая энциклопедия. М., 1998. 526 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОФИЛАКТИКА КОРЫСТНЫХ И КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ УИС

Кочедыков С.С.

начальник кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права, к.т.н.,
ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, Россия, г. Воронеж

Хрипушин Э.Н.

инспектор отдела по работе с личным составом,
ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются криминологические особенности и некоторые меры профилактики корыстных и коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы, деятельность которых должна быть направлена на обеспечение и поддержание авторитета государства, позволяющего эффективно реализовывать функции властвования и управления через систему учреждений и органов федеральной службы исполнения наказаний России.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, злоупотребление должностными полномочиями, профилактика корыстных преступлений.

Корыстная и коррупционная преступность представляет собой распространенное криминогенное проявление в мире и имеет большие количественные показатели в странах с развивающейся экономикой.

Сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС) не стали исключением в этом негативном процессе, так по данным руководителя Управления собственной безопасности ФСИН России Е.В. Горощко, в системе ФСИН по итогам 2010 г. было возбуждено в 1,5 раза больше коррупционных дел, чем в предыдущем году, причиной такого роста является активная работа подразделений собственной безопасности территориальных органов [1].

Как показывает анализ статистических сведений, в последние годы сохраняется устойчивая тенденция к росту количества преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно – исполнительной системы. Так, в 2010 году в отношении сотрудников было возбуждено 317 уголовных дел, в 2011 году – 325, в 2012 году – 414, в 2013 году – 441, а в 2014 году – 349. Однако можно отметить, что преступления, совершаемые сотрудниками УИС по корыстным мотивам относительно общего числа преступлений в 2014 году составили 51%, что показывает динамику в сторону увеличения корыстных преступлений.

На фоне представленной криминогенной ситуации в УИС России особую тревогу вызывают факты совершения преступлений коррупционной направленности, удельный вес которых составляет около 50% от общего числа преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно – исполнительной системы. Так в 2010 году возбуждено 145 коррупционных уголовных дел, в 2011 году – 150, в 2012 году – 189, в 2013 году – 191, в 2014 году – 174. За этот же период выросло число уволенных сотрудников по отрицательным мотивам [2, с.18].

В 2011 году количество зарегистрированных нарушений законности, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий (ст.ст. 285, 286 УК РФ) увеличилось, по сравнению с 2009 годом на 5 %, а преступных деяний данного вида – на 34,9% [3, с 56]. Указанные преступления связаны, с: предоставлением условно-досрочного освобождения; необоснованным переводом осужденных из одного исправительного учреждения в другое за вознаграждение; предоставлением осужденным необоснованных льгот и послаблений в режиме отбывания наказания; закупкой техники, материалов и иной продукции у единого поставщика по значительно завышенным ценам за вознаграждение, получаемое от поставщика и т.д. [4].

Современное состояние корыстной преступности среди сотрудников УИС. В настоящее время в сложном процессе деятельности по предотвращению преступлений различают три составляющие его части: профилактику, предупреждение и пресечение. Профилактика преступлений рассматривается как деятельность по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению (общая профилактика), а также лиц, склонных к совершению преступлений, воздействию на них в целях недопущения с их стороны преступлений (индивидуальная профилактика).

Следует отметить, что большая часть нарушений служебной дисциплины стала возможной в результате игнорирования требований приказов и распоряжений ФСИН России, отсутствия целенаправленных действий по профилактике нарушений, формального участия руководителей различного уровня в воспитательном процессе, а также личной недисциплинированности личного состава.

В наибольшей степени данные упущения присущи сотрудникам служб охраны и режима, которыми на протяжении последних трех лет допускаются более четверти всех нарушений служебной дисциплины (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Количество нарушений служебной дисциплины
среди сотрудников по принадлежности к службам за период I полугодия 2012 года
в сравнении с I полугодием 2011 года**

Наименование подразделения	Рассматриваемый период	
	I п.г. 2011 года	I п.г. 2012 года
Охраны и конвоирование	2298 (10,5%)	2462 (10,8%)
Режима и надзора	5872 (27,0%)	6150 (27,0%)
Воспитательной работы с осужденными	2196 (10,1%)	2414(10,6%)
Оперативной службы	1929 (8,8%)	1868 (8,2%)

Таблица 2

**Нарушение служебной дисциплины сотрудниками различных служб УИС
в 2012-2013 годах**

Наименование службы	Рассматриваемый период	
	за 2012 год	за 2013 год
Безопасность (режим)	11453 (29,2%)	15835 (32,0%)
Охрана	4822 (12,2%)	7339 (15,0%)
Воспитательная работа с осужденными	3710 (9,5%)	4274 (8,5%)
Оперативная	2954 (7,5%)	3354 (6,6%)

Тенденция к росту преступлений в уголовно-исполнительной системе определяется прежде всего общими причинами, обуславливающими преступность: желание извлечь и получить личную выгоду, низкий уровень правовой культуры, коррумпированность чиновников и их сотрудничество с преступными группами.

Несмотря на то, что подавляющее большинство правонарушений, допускаемых сотрудниками службы, носит коррупционный характер, данное обстоятельство слабо отражено в положении проекта Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года [5].

Действительно, в Концепции речь идет о противодействии коррупции только в рамках кадрового обеспечения работников уголовно-исполнительной системы. В нем, в частности, предполагается: разработка и принятие мер, основных на единой системе обязанностей, запретов и ограничений, направленных на предупреждение коррупции; разработка и осуществление мер, направленных на предупреждение и пресечение коррупции работниками уголовно-исполнительной системы; реализация в рамках ведомственного плана комплекса мер по искоренению коррупции и должностных злоупотреблений в уголовно-исполнительной системе, определение в качестве приоритета в работе по предупреждению нарушений противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для нужд уголовно-исполнительной системы, незаконному содействию условно – досрочному освобождению и коррупционному содействию незаконному доступу в места лишения свободы предметов как разрешенных, так и запрещенных к использованию [6, с.50].

В целом надежду внушает то, что руководители службы понимают серьезность проблемы и готовы ее решать.

Рассмотрим некоторые причины и условия корыстных преступлений. Известно, что под причиной связью понимается такая объективная связь между явлениями, когда одно из них (причина) при наличии определенных условий порождает другое (следствие). Исходя из этой общей посылки, под причинами преступности принято понимать те негативные социальные явления и процессы, обусловленные закономерностями функционирования общества, которые порождают и воспроизводят преступность и преступления как свое закономерное следствие.

Говоря о причинной связи, следует иметь в виду, что сама по себе она не исчерпывает всех разновидностей взаимосвязи явлений природы и общества.

В конкретном преступлении и его причинах в большей степени, чем это происходит на общем уровне, проявляется их взаимосвязь с личностными особенностями индивида. Тем не менее, признавая индивидуальность каждого преступления и его причин, следует выделить те механизмы, которые являются единым для всех преступлений.

В общем виде причинам конкретного преступления является криминальная мотивация личности, базирующаяся на ее антиобщественной установке. Она складывается у лица постепенно под влиянием двух групп условий. К первой относятся те из них, которые формируют потребности, интересы, ценностные ориентации личности. Условия второй группы непосредственно

относятся к процессу совершения преступления, создают криминогенную ситуацию. Взаимодействия с личностными особенностями. Они вызывают намерение решимость совершить преступление.

Таким образом, совершение конкретного преступления является результатом взаимодействия образовавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных, нравственно – психологических свойств личности и внешних объективных обстоятельств, образующих криминогенную ситуацию. На уровне неблагоприятных условий нравственного формирования личности создаются предпосылки, рассматриваемые как возможность совершения преступления конкретным лицом. На уровне конкретной ситуации сложившаяся у лица криминогенная мотивация реализуется в действительность [7, с.100].

С точки зрения причин, преступление должно рассматриваться как результат взаимодействия личности и внешней конкретной ситуации.

Следует отметить, что у взрослого человека все значимые воздействия внешней социальной среды проходят через его сознание и личностные особенности, то есть между человеком и социальной средой существуют сложные причинно – следственные взаимосвязи.

Чтобы ответить на вопрос, в каком из звеньев цепочки событий коренятся причины совершения конкретного преступления, нужно рассмотреть их по существу. Только тогда можно получить данные о том, какие именно причины несут в себе наибольшую степень криминогенности, какие конкретно сферы внешней среды, и на каком жизненном этапе индивида оказали на него криминогенное влияние, какие психофизические свойства и особенности конкретного лица оказались наиболее податливыми к такому воздействию.

Принимая во внимание причины и условия, способствовавшие совершению корыстных преступлений в УИС можно разделить на несколько групп [8, с. 19].

Первая группа – это причины правовые и организационные. Несмотря на неоднократные попытки систематизации правовых и организационных мер борьбы с коррупцией в российском законодательстве, имеются определенные пробелы, позволяющие должностному лицу избежать ответственности. Несмотря на разнообразие норм, и требований нормативно-правовых актов антикоррупционной направленности, принятых на сегодняшний день, иногда они дублируют друг друга. В связи с этим создается впечатление, что нормативно – правовая база, с одной стороны, избыточна, а с другой – ее нельзя назвать в достаточной мере полной. При этом во многих случаях нормативные правовые акты так и не решают поставленных задач, поскольку были приняты под давлением узких групповых или ведомственных интересов. Также следует отметить, что многие принятые на сегодняшний день законы в полной мере не обеспечены ни организационно, ни материально, что открывает возможности коррупции.

Вторая группа – причины нравственные и моральные. Сложно бороться с коррупцией, когда ни взяточполучатель, не взяточдатель не считают, что они совершают деяния антинравственные и антиморальные, да и к тому же

противозаконные. Более того, современное общество относится к этому терпимо, и это входит в нормы социального поведения. Вместе с тем общий упадок нравственности в обществе, наблюдаемый в последнее время, сопровождается стремлением к стяжательству, необоснованному и противоправному обогащению.

Третья группа – причины экономические. В современном обществе весьма распространенным является мнение о том, что причиной коррупции является низкий уровень благосостояния. Однако, коррупционные преступления совершаются и сотрудниками с достаточно высоким уровнем дохода. Таким образом, нельзя однозначно утверждать о том, что, повышая уровень материального вознаграждения сотрудников УИС, мы ставим барьер коррупционной преступности. Вместе с тем уровень материального вознаграждения должен быть достаточно высоким, чтобы мотивировать сотрудников УИС на качественное выполнение должностных обязанностей.

Четвертая группа – субъективные причины. Распространению коррупции в УИС способствуют проблемы в воспитательной и кадровой работе с сотрудниками, а также недостаточный контроль руководителей за исполнительской дисциплиной, морально-нравственной обстановкой в коллективе и социальными проблемами своих подчиненных.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы

1. Профилактическая деятельность – система мер, реализуемых уполномоченными лицами правоохранительных органов, направленных на пресечение преступной деятельности должностных лиц УИС, а также на выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений рассматриваемой категории.

Таким образом, в процессе профилактической деятельности предупреждаютсяготавливаемые и пресекаются совершаемые преступления, выявляются причины и условия, способствующие совершению преступлений, и принимаются меры по недопущению с их стороны совершения преступлений.

Профилактическая деятельность в процессе раскрытия и расследования коррупционной направленности в УИС реализуется прежде всего путем использования средств специальной профилактики, базирующихся на определенных принципах, к которым можно отнести:

- а) средства оперативно – розыскной профилактики;
- б) средства следственной профилактики.

Использование средства оперативно – розыскной профилактики позволяет предупредить подготавливаемые и пресечь начатые преступления, также выявить лиц, склонных к совершению преступлений, и принять меры по недопущению с их стороны совершению преступлений.

Следует отметить, что профилактическая деятельность при расследовании преступлений коррупционной направленности в УИС России реализуется также и средствами следственной профилактики, в результате чего прежде всего выявляются причины и условия, способствовавшие совершению преступления, а также обнаруживаются и раскрываются ранее совершенные преступления. Профилактика стала обязательной функцией деятельности следователя.

2. Совершение преступлений сотрудниками уголовно – исполнительной системы способствует совокупность причин и условий как внешнего характера, которые обусловлены какими – либо идеологическими или экономическими состоянием общества, так и непосредственно внутреннего характера, зависящих от особенностей личности сотрудника, а также его профессиональной деятельности.

3. Личность с корыстной направленностью характеризуется такими чертами, как стремление к стяжательству, склонность к разгульному образу жизни, эгоизм. Подобного рода ориентации способствует совершению краж, мошенничеств, взяточничества и других корыстных преступлений. Криминологические исследования показывают, что многим совершающим такие преступления лицам присуща жадность, вера во всемогущество денег и пренебрежительное отношение к добросовестным труженикам.

4. Общая профилактика преступности направлена на обеспечение достойного существования человека в обществе, создание условий для достижения нормальных потребностей (в жилье, материальном достатке, работе, досуге и отдыхе) законными средствами.

Специальное предупреждение осуществляется путём воздействия на социальные группы, отдельных лиц и организации или сферы деятельности, в отношении которых есть основания полагать, что они обладают повышенной криминогенностью или виктимностью.

5. Важным средством общей виктимологической профилактики является правовое воспитание. Индивидуальная виктимологическая профилактика, которая является так же составной частью, состоит в выявлении лиц с повышенной виктимностью и проведении с ними защитно-воспитательных мероприятий, направленных на снижение риска стать жертвой преступных посягательств.

На основании проведенного исследования, анализа и выводов, предлагаем:

1. Кадровым аппаратам территориальных органов ФСИН России организовать профилактику по совершению корыстных преступлений, на регулярной основе для постоянного состава проходящих службу в учреждениях и органах ФСИН России, а также при приеме на службу и поступлении курсантов в специализированные учебные заведения.

Все кандидаты в рамках ВВК должны проходить через ведомственный психодиагностический центр, где с ними будут работать опытные специалисты, проводить индивидуальные собеседования и тестирования на склонность к совершению коррупционных преступлений и должностных правонарушений. Осуществлять и инструментальный психофизиологический опрос на полиграфе. Данные мероприятия помогут исключить всех профнепригодных кандидатов.

2. Необходимо установить контроль за деятельностью должностных лиц, отвечающих за реализацию соответствующих антикоррупционных плановых мер.

3. В исправительных учреждениях ФСИН России организовать работу по совершенствованию кадрово-воспитательной работы. В частности, повы-

силь требования к профессиональным, психологическим и морально-нравственным качествам кандидата на службу в исправительные учреждения. Кроме того, достичь более высоких результатов в профессиональной деятельности способен, на наш взгляд, тот специалист, который имеет высокую мотивацию при осуществлении своей профессиональной деятельности и испытывает удовлетворение от того дела, которым он занимается [9, с.10].

4.1. Руководителям территориальных органов УИС необходимо организовать работу, направленную на реальное обеспечение социальных гарантий и льгот, установленных законодательством для сотрудников, использовать все возможности для того, чтобы сотрудники УИС смогли достойно выполнять свой служебный долг.

4.2. Необходимо подробно и позитивно освещать работу пенитенциарной системы в средствах массовой информации, сделать ее максимально открытой.

5. Определить частные задачи профилактической работы, тактических способов их решения на основе анализа и оценки оперативной обстановки и ответственных за это лиц и эффективно использовать в данной работе общественные организации в тесном взаимодействии со всеми подразделениями.

6. Продолжить учет работы по профилактике правонарушений.

Список литературы

1. Горошко Е.В. В полтора раза больше коррупционных дел // Преступление и наказание. 2011. № 4 (URL http://www.fsin.su/Original_doc/Intervyu%20Goroshko.pdf).
2. Бодяков, В.Н. Профилактика коррупционных преступлений в Уголовно – исполнительной системе// Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. – 2015. – №1. – С. 18.
3. Кочедыков С.С., Хрипушин Э.Н. К вопросу об объекте злоупотребления должностными полномочиями в учреждениях УИС // Кримінально-правові та кримінологічні засади протидії корупції : Збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції [17 квітня 2014 року, м. Харків] / МВС України ; Харківський нац. ун-т внутр. справ ; Наук.-дослід. ін-т вивч. пробл. злочинності ім. акад. В. В. Сташиса НАПрН України; Кримінологічна асоціація України. – Х. : Золота миля, 2014. – С. 56.
4. Итоги работы службы собственной безопасности за 1 полугодие 2012 года (URL <http://www.fsin.su/structure/safety/obhie%20svedenia/index.php?month=6&year=2013&bxajaxid=>)
5. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ, 25.10.2010, N 43, ст. 5544.
6. Антикоррупционная деятельность в уголовно исполнительной системе: курс лекций/ под общ. ред. А.А. Рудого. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 150.
7. Курганов, С.И. Криминология. – Юнити – Дана, 2012. – С. 100.
8. Бодяков, В.Н. Профилактика коррупционных преступлений в Уголовно – исполнительной системе// Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – №1. – С. 19.
9. Ковтуненко Л.В., Кочедыков С.С. Актуальные вопросы профессиональной подготовки сотрудников для подразделений охраны и конвоирования //Ведомости уголовно-исполнительной системы – 2014. – №9. – С. 9-16.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ СОТРУДНИКАМИ ФСИН РОССИИ

Кочедыков С.С.

начальник кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права, к.т.н.,
ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, Россия, г. Воронеж

Хрипушин Э.Н.

инспектор отдела по работе с личным составом,
ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются вопросы определения объекта преступления при злоупотреблениях должностными полномочиями со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений, деятельность которых должна быть направлена на обеспечение и поддержание авторитета государства, позволяющего эффективно реализовывать функции властвования и управления через систему учреждений и органов федеральной службы исполнения наказаний России.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, злоупотребление должностными полномочиями, объект преступления.

Корыстная должностная преступность представляет собой распространенное криминогенное проявление в мире и имеет большие количественные показатели в странах с развивающейся экономикой.

Уголовно-исполнительная система (УИС) России не стала исключением в этом негативном процессе, так по данным статистической отчетности ФСИН России (по форме 3-ПР) можно увидеть: что в 2014 году произошло небольшое снижение, по абсолютной величине, с 441 до 349 уголовных дел, однако, можно отметить, что преступления, совершаемые сотрудниками УИС по корыстным мотивам относительно общего числа преступлений составили: в 2010 г. – 46,3%; в 2011 г. – 46,1%; в 2012 г. – 46,8%; в 2013 году – 43,7%, а в 2014 году превысили половину от общего числа преступлений и составили 51%, что показывает динамику в сторону увеличения корыстных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы (рисунок). Бесспорным является тот факт, что корыстные преступления как в целом по УИС, так и в отдельно взятых исправительных учреждениях, остаются на высоком уровне [1, с.5].

За период с 2010 по 2014 год от общего числа возбужденных корыстных уголовных дел в исправительных колониях самыми распространенными являются коррупционные преступления, а именно получение и дача взятки (41,1 %), затем следует превышение должностных полномочий (18,7 %), далее идет злоупотребление должностными полномочиями (13,2 %) и служебный подлог (0,2 %).

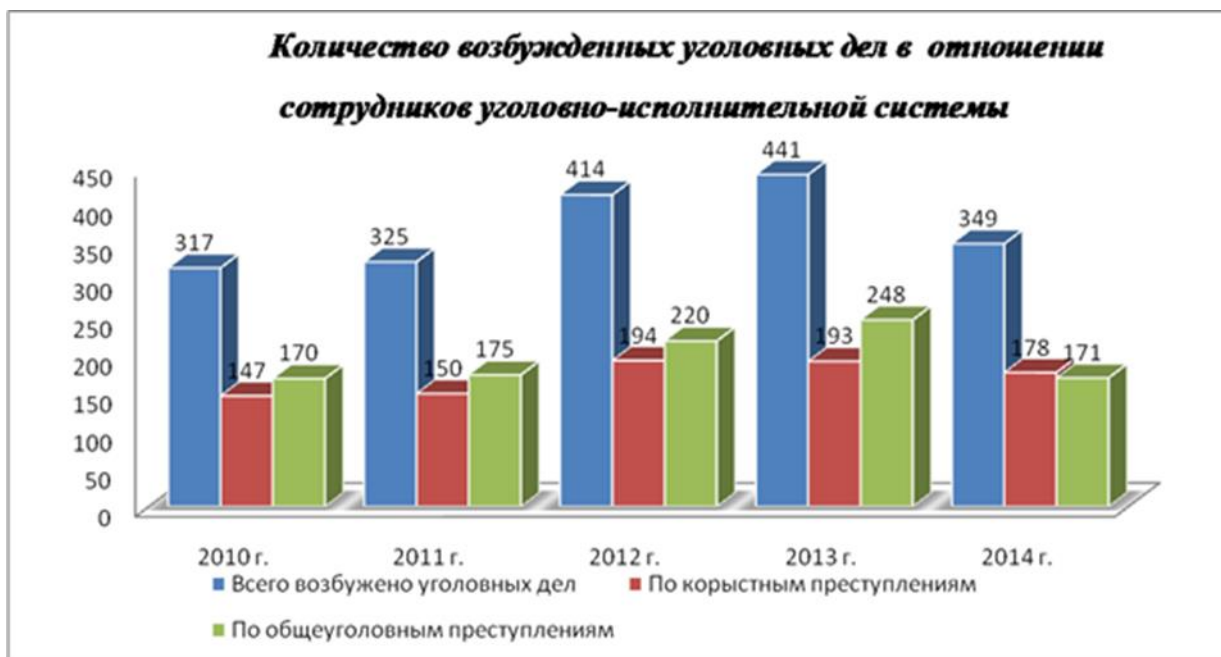


Рис. Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел в отношении сотрудников УИС

На наш взгляд, данные преступления связаны, с: закупкой техники; необоснованным переводом осужденных из одного исправительного учреждения в другое за вознаграждение; предоставлением условно-досрочного освобождения; предоставлением осужденным необоснованных льгот и послаблений в режиме отбывания наказания; материалов и иной продукции у единого поставщика по значительно завышенным ценам за вознаграждение, получаемое от поставщика и т.д. [2].

Неутешительным является и тот факт, что с каждым последующим годом увеличивается рост негативных проявлений в этой сфере.

Научные исследования вопросов уголовной ответственности за злоупотребления и превышения должностными полномочиями сотрудниками ФСИН России, как институциональных субъектов должностных преступлений, а также криминологические особенности их предупреждения, имеют на сегодняшний день перспективные направления, систематизация и раскрытие которых существенным образом повлияет на определение дальнейших направлений совершенствования и дальнейшего развития УИС России.

Проблема уголовно-правовой оценки и предупреждения таких преступлений является актуальной. Данные преступления повышают общественную опасность, подрывают саму основу существования органов, исполняющих наказания, а также формируют отрицательное отношение населения не только к этим органам, но и к наказанию в целом, приводят к неверию в охранительную функцию закона, способствуют развитию правового нигилизма среди осужденных.

На сегодняшний момент в уголовно-правовой науке многие положения относительно общего определения и содержания объекта преступления продолжают оставаться дискуссионными. В доктрине уголовного права из всего разнообразия позиций относительно понимания объекта преступления

наиболее устоявшейся является теория общественного отношения. Несмотря на свою распространенность и признание данная теория имеет как своих сторонников, так и противников.

Установление объекта преступления в злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) играет важное значение. Правильное установление данного элемента способствует разграничению смежных составов при квалификации деяния, отграничения преступлений от других правонарушений и т.д.

В рамках статьи, не вдаваясь в суть дискуссии относительно понимания родового и видового объектов преступлений, направленных против интересов государственной власти и государственной службы, подробнее остановимся на определении непосредственного объекта.

К непосредственному объекту злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК), относят общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование и авторитет отдельных звеньев государственного аппарата, органов местного самоуправления. Конкретизируя непосредственный объект ст. 285 УК РФ применительно к деяниям сотрудников уголовно-исполнительной системы следует понимать общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности (безопасности) личности, общества и государства от угроз в связи с нарушением установленных полномочий должностными лицами УИС России, деятельность которых должна быть направлена на обеспечение и поддержание авторитета государства для его граждан, позволяющего эффективно реализовывать функции властвования и управления через систему учреждений и органов ФСИН России [3, с.133].

Данные преступления препятствуют выполнению задач, нарушают порядок их работы, регламентированный нормами закона от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и другими нормативными актами. Таким образом, нормальная деятельность учреждений и органов УИС, безусловно, представляет собой общественное отношение, охраняемое уголовным законом, в связи, с чем и должно рассматриваться в качестве основного непосредственного объекта анализируемого преступления. Данное деяние подрывает авторитет УИС, в результате чего многие граждане не верят в возможность законного разрешения различных вопросов.

Тем не менее, вряд ли можно рассчитывать на эффективную деятельность государственного органа, лишённого какого-либо авторитета в глазах населения. Поэтому авторитет УИС, безусловно, является одной из важнейших составляющих их нормальной работы и, соответственно, входит в структуру основного непосредственного объекта анализируемого преступления [3, с.133].

В литературе можно встретить различные точки зрения относительно дополнительного объекта ст. 285 УК РФ, например, Наумов А.В. считает, что это «...конституционные права и свободы человека и гражданина, имущественные и иные экономические интересы граждан, организаций или государства» [4, с 632, 637]. При совершении такого преступления сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в качестве допол-

нительного объекта ст. 285 УК РФ обычно выступают имущественные интересы граждан и организаций, право граждан на доступ к правосудию, телесная неприкосновенность, здоровье и т.д. Наличие дополнительного объекта является обязательным, то есть он должен присутствовать в каждом таком составе, однако его конкретное содержание варьируется в зависимости от конкретной направленности того или иного деяния.

В научной литературе существуют утверждения, что в таком составе, как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) присутствует дополнительный непосредственный объект, в который входят общественные отношения в сфере обеспечения прав и законных интересов гражданина или организации, законных интересов общества или государства.

При этом отмечается, что именно причинение вреда дополнительному объекту и «придает уголовно-правовое значение посягательству на основной объект» [5, с.59]. Следовательно, особенностью данных преступлений является то, что «причинение конкретного вреда указанным в законе правам и интересам составляет как бы конкретную форму нарушения деятельности государственного аппарата, является способом этого нарушения» [6, с.11].

В юридической литературе ряд авторов, считают, что необходимо выделить в качестве факультативного непосредственного объекта коррупционные преступления в уголовно-исполнительной системе общественные отношения, охраняющие моральное и нравственное исправление осужденных. При этом отмечая, что если сам осужденный, находясь в системе исполнения наказаний, не только сталкивается с фактами должностных преступлений связанных с превышением и злоупотреблением субъектов наделенных такими полномочиями, он и сам, вовлекаясь в противоправные коррупционные связи, продолжает совершать преступления. В такой ситуации, нельзя говорить о возможности исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Он не прекращает их совершать [7].

На наш взгляд, указанные позиции требуют основательного переосмысления с точки зрения учения об объекте преступления и механизма причинения ему вреда. Во-первых, особенности конструкции состава, предусмотренного ст. 285 УК РФ позволяют утверждать, что никакого дополнительного непосредственного объекта при совершении указанного преступления нет и быть не может. Во-вторых, правильное функционирование службы в государственных учреждениях и органах, а также обеспечение прав и законных интересов гражданина или организации, законных интересов общества или государства рассматривать в отрыве друг от друга как содержание непосредственного объекта исследуемых составов невозможно [3, с.134].

Данные утверждения основываются на следующем: во-первых, правильное функционирование государственных учреждений и органов имеет главенствующее положение при реализации государственной власти различными субъектами; во-вторых, уголовно-правовые отношения при злоупотреблении должностными полномочиями возникают только тогда, когда причиняется реальный вред правам и законным интересам гражданину, организации или законным интересам общества или государства. В противном

случае, никаких охранительных уголовно-правовых отношений не возникает, так как вред объекту уголовно-правовой охраны не причиняется. В этом можно легко убедиться, проанализировав основные положения механизма причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Таким образом, можно увидеть, что при анализе ст. 285 УК РФ на первом плане находится не правильное или нормальное функционирование службы в государственных учреждениях и органах, а охраняемые законом интересы личности, общества и государства. Прослеживается, таким образом, определенная зависимость между объектом преступления и его последствиями, непосредственно указанными в законе.

Не ставя под сомнение обоснованность заявленных научных разработок, в то же время следует обратить внимание на ряд существенных положений. Прежде всего, на необходимость методологического подхода в обосновании самостоятельного выделения объекта исследуемого преступления. В значительной степени большинством авторов до сегодняшнего дня это не учитывалось, либо преподносилось в достаточно устоявшейся форме по схеме «основной непосредственный объект и дополнительный непосредственный объект».

Список литературы

1. О состоянии дисциплины, законности и дорожно-транспортных происшествий среди сотрудников УИС за 2015 год: обзор ФСИН России. М., 2015. С. 5.
2. Итоги работы службы собственной безопасности за 1 полугодие 2012 года (URL <http://www.fsin.su/structure/safety/obhie%20svedenia/index.php?month=6&year=2013&bxajaxid=>).
3. Кочедыков С.С., Хрипушин Э.Н. Особенности квалификации деяний, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы, предусмотренные статьей 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Теоретические и прикладные аспекты современной науки – 2015. – №7-5. С. 132-134.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т.2. Особенная часть. – М., 2004. С. 632, 637.
5. Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. – М., 1982. С. 59.
6. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. – М., 1975. С.11.
7. Букалорова Л.А. Коррупция в системе ФСИН. //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011, № 6.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Куканов А.З.

доцент кафедры теории и истории государства и права,
канд. юрид. наук, Таджикский национальный университет,
Таджикистан, г. Душанбе

В статье рассматривается проблемы понятия и классификации формы государственного устройства. Так же анализируются виды формы государственного устройства в том числе федеративное государство, унитарное государство, конфедерация, протекторат, уния, фузия и др.

Ключевые слова: федерация, конфедерация, унитарная государства, протекторат.

Одной из актуальнейших проблем в государствоведении является вопрос о понятии и содержании термина «государственное устройство», который в широком значении употребляется для характеристики государственного строя страны, системы государственного управления. В специальной юридической литературе данный термин используется все реже и лишь в узком значении для характеристики политико-территориальной и административно-территориальной организации государства, определения соотношения государства в целом с его составными частями (штатами, административно-территориальными единицами).

В отечественной литературе используются также такие термины как «национально-государственное», «административно-территориальное», «территориальное устройство», «территориальная организация государства», «территориальная организация государственной власти», «территориальная организация публичной власти», «политико-территориальная организация государства».

Ряд авторов понимают под формой государственного устройства, территориальную организацию государственной власти, соотношение государства как целого с его составными частями. В.В. Лазарев понимает под термином «форма государственного устройства» – административно-территориальную организацию государственной власти, характер взаимоотношений между государством и составляющими его частями, между центральными и местными органами. С.А. Комаров понимает под данным термином совокупность способов устройства государственной власти применительно к территории, внутреннее деление государства на части и взаимоотношения между этими частями [2, с.37].

По мнению Р.Ш. Сативалдыева, форма государственно-территориального устройства – это территориальная организация государственной власти, на основе которой складывается соответствующая модель взаимоотношения государства и его составных территориальных частей [8, с. 90].

Форма государственного устройства тесно связана еще с одним существенным свойством государства – территориальной организацией населения. При всей кажущейся абстрактности форма государственного устройства самым непосредственным образом касается, а то и напрямую определяет объем и качество прав и свобод граждан (подданных). Вовремя и правильно решенные вопросы государственного устройства в значительной мере обеспечивают стабильность государства, его плодотворное функционирование.

В политически организованных странах на современном этапе две взаимно противоположные тенденции. С одной стороны, народы, отдельные части общества территориально обособливаются. Это желание вызывается желанием больших групп населения сохранить национальную, религиозную идентичность, обеспечить их местные экономические интересы. Разница в обычаях, традициях, прошлые межэтнические, межплеменные конфликты толкают народы к разъединению.

По мнению М. А. Ильин каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой [6, с.135].

Взаимодействие этих тенденций более или менее точно выражаются в форме государственного устройства. В форме государственного устройства выражены юридические особенности политического строя. Поэтому государственное устройство стран нужно различать, прежде всего, по формальным, а не по содержательным критериям и признакам.

К. В. Арановский среди таких критериев выделяет:

- состав территорий, обладающих государственностью, суверенитетом;
- правовой статус территорий;
- право сецессии, то есть выхода из территориального политического образования; статус территориальных органов (являются ли эти учреждения высшими органами государственной власти);
- статус нормативных актов, издаваемых органами территорий (являются ли эти акты законами либо имеют подзаконное значение);
- юридическое определение статуса личности в ее взаимоотношениях с территорией. Иными словами, имеет ли территория свое гражданство, оформляющее ее правоотношения с жителями;
- система распределения полномочий между территориями и территориально-политическим образованием, в которое они входят;
- система привлечения финансовых средств в бюджет государства, государственного объединения [1, с.191].

Далее автор предлагает довольно любопытную классификацию форм государственного устройства:

1. Федерация и унитарные государства;

2. Государства, участвующие в политических объединениях и не участвующие в них. Причем встречается два вида политических объединений -союзы государств (конфедерация, уния, протекторат) и союзные государства (федерации). Союзы государств, в свою очередь, могут быть равноправными и неравноправными; одни из них основаны на договоре, а другие объединены под властью общего монарха;

3. Государства, признающие автономию территорий и не имеющие таковой.

Думается, что данная классификация форм государственного устройства заслуживает пристального изучения.

Однако в литературе высказываются и другие мнения. Так, О.О Миронов считает, что государство современного мира по форме национально-государственного устройства являются либо унитарными, либо федеративными». Такой же позиции придерживается М. Н. Марченко, который полагает, что существует две основные разновидности форм государственно устройства. Наиболее простая из них – унитарное государство. Более сложной формой государственного устройства является федерация. В последнее время стали выделять также такие разновидности политико-территориального устройства государства, как территориальная автономия, административно-территориальное деление, регионалистское государство [7, с.306].

Унитарное государство – это государство, в составе которого нет других государств либо государственных образований, а территории делятся на простые административно-территориальные единицы.

По мнению других ученых унитарное государство – это единое суверенное государство, состоящее из административно-территориальных единиц, не обладающих статусом государственных образований.

Территориальный аспект внутри воспроизводственного регулирования выступает в унитарном государстве в форме, прежде всего пространственного действия законов, а также функционирования органов государства в пространстве этого государства. В некоторых довольно мелких унитарных государствах нет административно-территориальных единиц. В качестве административно-территориальных единиц в унитарных государствах выступают, например, губернии, провинции, уезды, районы, города и т.д. Яркими примерами унитарного государства являются Франция, Финляндия, Эстония Таджикистан и др.

В унитарных государствах принимается одна конституция, действует один парламент, одно правительство, единая судебная система, единое гражданство.

Федерация представляет собой добровольное объединение нескольких ранее самостоятельных государственных образований в одно союзное государство. Федерация – сложное государство, состоящее из нескольких субъектов, объединившихся для решения общих задач. Профессор Сатывалдиев Р.Ш. считает, что федеративное государство это сложное, союзное государство, субъекты которого по территориальному и этническому признаку обладают статусом государства-члена или государственного образования.

К началу XXI в. в мире существует около 20 федеративных государств, каждая из которых имеет свои специфические особенности в построении федеративного государства.

Название формы территориального устройства наиболее типичны и прослеживаются практически у всех исследователей данного вопроса. Но считать, что перечень территориальных форм исчерпывается названными, было бы несерьезно.

Исторически известна и такая форма объединения государства, как конфедерация, сочетающая признаки международно-правовой и внутригосударственной организации. Конфедерации, как объединения государств создавались для достижения главным образом внешнеполитических и военных целей. В XX веке создавались конфедеративные государства. Создание конфедераций возможно и в будущем.

Конфедерация представляет собой менее распространенную по сравнению с другими форму государственного устройства. Это объединение или союз государств, при котором государства, образующие конфедерацию, сохраняют свою самостоятельность. Примерами конфедерации можно назвать, хотя и «формально», европейскую конфедерацию, Мусульмано-хорватскую Федерацию с Республикой Сербской в Боснии.

Л. И. Спиридонов, В. Н. Хропанюк, В. В. Лазарев, А. В. Венгеров и ряд других ученых выделяют конфедерацию, как одну из основных форм государственного устройства [9, с.49; 10, с.62].

При определении формы конфедерации, необходимо иметь в виду, что

форма государственного устройства описывает лишь внешнюю сторону территориальной организации. От нее в известной мере зависит реальный статус территорий. Но выявить объем их самостоятельности только по формальным признакам невозможно.

Какова самостоятельность Гамбии, входившей с 1982 по сентябрь 1989 г. в конфедерацию Сене Гамбия, если конфедерация была образована в результате вооруженных действий Сенегала, а ведь внешне конфедерация наиболее свободная форма политического союза. Или же Швейцарская конфедерация, которая на самом деле представляет собой федерацию.

Территория не застывшее, а динамично, закономерно развивающееся явление. Современная наука (территория государства) выдвигает ряд других форм государственного устройства, которые сформулированы из анализа исторических процессов, так и реалий современной действительности [4, с.124].

Так, А. Б. Венгеров выделяет такую форму государственного устройства, как содружество [3, с.128]. Содружество – это весьма редкое, еще более аморфное, чем конфедерация, но, тем не менее, организационное объединение государств, характеризующихся наличием общих признаков, определенной степенью однородности (экономика, право, язык). Для теории государства изучение такой формы организационного объединения государств, как содружество, стало относительно новым и особенно актуальным делом после распада СССР и образования Содружества Независимых Государств.

Рассматривая формы территориального устройства, теория государства сталкивается с их многообразием, которое позволяет по-разному оценивать эти формы, и, следовательно, проводить их классификацию. В процессе проведения классификации все зависит от того, что положено в основу классификации.

В ряду таких классификаций государств на формы по территориальному устройству в научной и учебной литературе встречается деление всех форм на основные и, следовательно, неосновные.

В основу данной классификации положена степень распространенности тех или иных государственных форм. К основным формам государственного устройства относят: унитарные государства, федерации. К неосновным формам относятся все остальные: унии, протекторат. Вместе с тем, по нашему мнению, такой подход к классификации форм государственного устройства по существу и терминологически неверен. В основу классификации государственных форм правильнее всего будет положить принцип внутреннего строения. Это позволит более правильно дать характеристику территориального устройства любого государства [5, с. 90].

В современной теории государственное устройство, все более часто разделяют на простой и сложное. Представляется правильной и основательной классификация, предложенная Л. И. Спиридоновым. Беря за основу данную классификацию, можно построить стройную систему форм государств по их устройству.

Простое государственное устройство – это унитарное устройство государства. С формулировкой «простое» следует согласиться.

Сложное государственное устройство предполагает существование государства, включающего в себя другие государственные образования.

В результате выделились такие классы сложных государств, как протекторат и уния.

Протекторат (покровительственные отношения) над той или иной территорией предполагает изначально договорные отношения между сильным и слабым государствами, устанавливающие особые взаимные обязанности и права.

Протекторат относят к числу разновидностей государственного устройства лишь по традиции, ибо после заключения международного договора о покровительстве нового (третьего) государства не появляется, а, следовательно, не возникает вопроса о его территориальной организации.

Тем не менее, например, образуется единое оборонное пространство. Если на государство, над которым осуществляется покровительство, нападает на другое государство, это означает объявление войны и государству, осуществляющему покровительство.

Примерами протектората являются: протекторат Испании над Монако (с 1524), а с 1643г. протекторат Франции над Монако, протекторат России над Молдавией и Валахией, после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и др.

Под унией понимается союз, соединение, объединение государств. Среди уний различаются федерации, конфедерации, объединение монархических государств в форме реальной и личной унии, фузии, инкорпорации, империи.

К униям также можно отнести и такие формы государственного устройства как содружество и кондоминиум.

Объединение монархических государств существуют в форме личной (персональной) или реальной унии. Общим у обеих форм является то, что они возникают вследствие совпадения монархов двух или нескольких государств в одном лице.

Личная уния имеет основанием случайное непреднамеренное совпадение независимых друг от друга прав на корону в нескольких государствах на различных порядках престолонаследования. Она продолжается до тех пор, пока эти различные правомочия персонифицированы в одном лице. Так, в прошлом веке, прекратилась личная уния между Великобританией и Ганновером в 1837 г. и др.

Реальная уния возникает в результате соглашения государств, в силу которого у них появляется общий монарх. Реальными были унии между Норвегией и Швецией, Австро-Венгрия и др.

Империя – сложное государство, созданное насильственным путем. Степень зависимости основных частей империи бывает различной. Некоторые государствоведы пришли к выводу, что у составных частей империи никогда не было единого государственно-правового статуса. Круг империи достаточно широк. Они существовали во все исторические эпохи (Римское государство, Великобритания, Российская империя и др.).

Фузия (слияние государств) и инкорпорация (внешне оформляемое как

слияние, присоединение одного государства к другому) представляют большой интерес.

Фузией было, например, воссоединение ФРГ и ГДР. Инкорпорацией является, как полагают многие присоединение стран Прибалтики к СССР в 1940 г.

Кондоминиум – совместное владение, управление одной и той же территорией двумя или несколькими государствами.

Так, в период 1899-1951 гг. Великобритания и Египет осуществляли кондоминиум в отношении Судана. На современном этапе, как один из вариантов разрешения острых межэтнических конфликтов, предполагается форма кондоминиума.

Таким образом предложенная классификация наиболее полно отражает многообразие форм государственного устройства.

Список литературы

1. Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран. М., 1999. 483 с.
2. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997. 156 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: часть 1: теория государства. 520 с.
4. Гукешоков М.Х. Проблемы классификации форм государства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов 2000. 185 с.
5. Гукешоков М.Х. Формы государственного (территориального) устройства государств: исторический подход, основание, современный взгляд на проблему/Сборных научных трудов молодых ученых Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик 1998. С.124-132.
6. Ильин И.А. О государственной форме // Советское государство и право. 1991. №11. С. 135.
7. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2006. 637 с.
8. Р.Ш. Сотиволдиев Теория государства и права. Душанбе 2014. 720 с.
9. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. СПб., 1995. 304 с.
10. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1995. 450 с.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОРГАНОВ, ТКАНЕЙ И ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, ПОДВЕРГШИХСЯ ЗАМОРОЗКЕ С ЦЕЛЬЮ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ОЖИВЛЕНИЯ ИХ В БУДУЩЕМ

Кулицкая Л.И.

доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности,
канд. юрид. наук, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Россия, г. Владивосток

В статье рассматривается правовой режим органов, тканей и тела человека, подвергшихся заморозке с целью последующего оживления их в будущем. Автор указывает на недостатки правового регулирования данной сферы общественных отношений с точки зрения гражданского законодательства и ставит вопрос о возможности признания крионирования одной из форм погребения.

Ключевые слова: органы, ткани и тело человека, крионирование, волеизъявление умершего, достойное отношение к телу после смерти.

Вопросы правового режима органов, тканей и тела человека, подвергшихся заморозке с целью последующего оживления их в будущем, являются одними из мало изученных в цивилистической литературе.

В последние годы участились случаи, когда человек ещё до своей смерти выражает волеизъявление о заключении договора о заморозке своего тела после смерти либо о заморозке отдельных его органов с целью оживления в будущем (крионировании). Многие пациенты попадают в криокамеру еще живыми, некоторых замораживают сразу же после смерти. Современные технологии предусматривают возможность заморозки целотельных пациентов и нейропациентов (когда осуществляется заморозка головы, мозга или другой части тела умершего человека). Кроме этого есть категория клиентов, которые могут быть подвергнуты криопохоронам. Криопохороны предполагают только лишь дальнейшее сохранение нетленности мертвого тела, так как шансы на оживление личности после того, как прошло установленное для заморозки время, ничтожно малы. Спрос на такие услуги возрастает. К примеру, Владимир Рузский, поклонник певицы Жанны Фриске, предлагает «экспортировать тело Жанны с целью его сохранения с помощью крионирования» для того, чтобы постараться максимально сохранить человека, талант которого он уважает [4]. Возникают проблемы морального, этического, медицинского и юридического характера. Криофирме приходится взаимодействовать с медиками, похоронными службами, работниками различных органов (например, органами ЗАГС), родственниками умершего клиента, а также со всеми людьми, которые наблюдают за деятельностью фирмы. Юридические вопросы такого взаимодействия на сегодняшний день урегулированы довольно слабо либо вовсе не урегулированы.

Понятия «криоконсервация», «крионика», «криопохороны», действующее законодательство не содержит: ни ФЗ "О погребении и похоронном деле", ни Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 29.11.2007) "О трансплантации органов и (или) тканей человека", ни Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "Об актах гражданского состояния", ни Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) [3] даже не упоминают о наличии таких медицинских технологий. Вопрос юридического состояния тела человека и его органов, вопрос его жизни или смерти после заморозки тела, а также после заморозки головы, мозга или другой части тела умершего человека, остаётся открытым. Если крионированного человека не считать умершим, то за ним в полной мере сохраняется гражданская правоспособность и дееспособность. Кому в этом случае принадлежит тело умершего? Самому умершему? Кто вправе решать вопросы его дальнейшего криосохранения и на ком лежит обязанность оплачивать содержание таких лиц в криокамерах, поскольку изначально не известна длительность нахождения тела в подобном состоянии и, следовательно, вопросы материального содержания на момент заключения договора о криосохранении не могут быть до конца разрешены? Открытым остается и вопрос о возможности совершения таких действий с телом умер-

шего в случае отсутствия волеизъявления на их совершение. Ведь вопросы возможности криопохорон иногда возникают относительно лица, которое уже было похоронено с учётом его волеизъявления с применением обрядовых действий в соответствии с традициями и (или) обычаями. Очевидно, когда речь идёт о нейросохранении, к определению правового режима органов и тканей законсервированного можно было бы применять нормы права, регулирующие правовой режим органов при трансплантации органов и (или) тканей человека (Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 29.11.2007) "О трансплантации органов и (или) тканей человека") [3]. Однако, при крионировании речь идёт об оживлении человека в будущем. Кроме того, разница между трансплантацией органов и (или) тканей человека и заморозкой тела умершего человека, головы, мозга или другой части состоит в цели изъятия органов: трансплантация служит средством спасения жизни и восстановления здоровья человека, а крионика, имея целью оживление человека в будущем, призвана служить интересам науки и общества в целом. На данном этапе развития науки при крионировании отсутствует полезный эффект для общества, по крайней мере, до тех пор, пока возможность оживлять криопациентов не стала реальностью.

Существующие традиции погребения изложены в Федеральном законе от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 14.12.2015) "О погребении и похоронном деле" (ст.5) [3], в соответствии с которым погребение умершего должно осуществляться с учетом волеизъявления лица о достойном отношении к его телу после смерти. Волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти (далее – волеизъявление умершего) – пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме: о согласии или несогласии быть подвергнутым патолого-анатомическому вскрытию; о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела; быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими; быть подвергнутым кремации; о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу.

Таким образом, понятие «волеизъявление» раскрывается в законе не через определение (дефиницию), а путем перечисления конкретных действий, которые могут совершаться с телом умершего после его смерти.

При отсутствии такого волеизъявления погребение осуществляется с учётом пожеланий супруга, близких родственников, иных родственников, законных представителей или иных лиц, взявших на себя обязанность осуществить погребение умершего. Федеральный закон "О погребении и похоронном деле" в ст.3 закрепляет, что погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации). «Обряд погребения останков или праха именуется также похоронами» [2]. Вопросы возможности признания «криоконсервации» или «криопохорон» погребением либо «похоронами» в традиционном смыс-

ле в настоящее время не урегулированы в законе и не нашли освещения в научной литературе.

По общему правилу «заморозка тела происходит сразу после физической смерти человека (мозг после остановки сердца живет еще несколько минут). Однако есть желающие, которые хотят попасть в криокамеру еще живыми – их примерно 30%» [6]. Известно, что при современном развитии технологии криоконсервации невозможно оживить человека после его заморозки. Тем более невозможно оживить ампутированную и замороженную часть тела или головной мозг. Поэтому, тело человека либо его часть подвергается криоконсервации только в случае юридически зафиксированного факта смерти. Иначе, криоконсервацию можно было бы считать убийством. Считается, что смерть мозга умершего человека юридически является смертью, но теоретически может и не быть окончательной смертью человека.

Вопреки формам погребения, изложенным в законе, тела «криопациентов», их головной мозг, хранятся в жидком азоте. Местами содержания замороженных тел, например, компании Alcor и института Крионики, являются сосуды Дьюара. Тела погружаются «в жидкий азот при температуре – 196 градусов по Цельсию. Жидкий азот постепенно испаряется, поэтому его периодически восполняют» [5].

Так можно ли крионику считать похоронами? А деятельность криофирм (помимо научной) считать похоронной деятельностью? Можно ли заключение договора на заморозку считать волеизъявлением лица быть похороненным определённым образом исходя из того, что крионика (заморозка) нацелена на оживление человека в будущем?

Право на достойное отношение к телу умершего предполагает, что любой гражданин может при жизни выразить волеизъявление о порядке ритуального обслуживания в случае смерти. Это обстоятельство обуславливает необходимость учитывать специфику правового регулирования не только имущественных, но и личных неимущественных отношений в этой сфере, к числу которых относится право человека на физическую неприкосновенность, которая охватывает не только прижизненный период существования человеческого организма, но и достойное отношение к его телу после смерти [1, с.21].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что в области правового регулирования погребения и похоронной деятельности остаётся нерешённым целый ряд вопросов, в том числе, связанных с правовым режимом органов, тканей и тела человека, подвергшихся заморозке с целью их последующего оживления в будущем. Выходом из ситуации могла бы стать более детальная регламентация отношений, возникающих в результате заморозки людей с целью оживления их в будущем, что требует проведения дальнейших научных исследований.

Список литературы

1. Барков А.В., Грачёв Р.Ю. Рынок ритуальных услуг: проблемы гражданско-правового регулирования. Монография. М., 2013.

2. «Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ "О погребении и похоронном деле" (постатейный) (Грачев Р.Ю., Корнеева О.В., Вахрушева Ю.Н.). СПС КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 14.12.2015) "О погребении и похоронном деле"; Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 29.11.2007) "О трансплантации органов и (или) тканей человека"; Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "Об актах гражданского состояния"; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cg? req/](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cg? req/) (дата обращения 16.02.2016).

4. [Электронный ресурс]: URL:<http://kriorus.ru/news/Shok-budushchego-i-sudba-tela-Zhanny-Friske/> (дата обращения 05.01.2016).

5. Alcor/ Материал из Википедии – свободной энциклопедии / [Электронный ресурс]: URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 02.01.2016).

6. [Электронный ресурс]: URL:<https://hi-tech.mail.ru/news/cryo-people/> (дата обращения 02.01.2016).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА

Ланина Т.Г.

магистрант юридического факультета,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж

В статье представлены предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего государственную политику в отношении казачества в России. Отмечено, что казачье общество недостаточно охарактеризовано в законодательстве как самостоятельная организационно-правовая форма юридического лица, есть разные легальные определения казачьего общества. Сделан вывод, что внимание к культуре казаков и к их роли в укреплении Российского государства является важным направлением современной конституционно-правовой и культурной политики России.

Ключевые слова: казачество, государственная политика, казачье общество, право-порядок.

В 2012 г. Президент Российской Федерации утвердил Стратегию развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г.

Казачество как культурное явление связано с реалиями российской истории, становлением государства, охраной его границ, поддержанием правопорядка [1]. На пути построения по-настоящему культурного государства [2, с.47] отдельного внимания заслуживает правовое регулирование государственной политики в отношении казачества. Одним из новых современных видов деятельности российских казаков, предусмотренных в законодательстве, является создание народных дружин [3, с.107] из числа членов казачьих обществ.

Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края по праву

считаются не только житницей страны, но и вотчиной казачьих традиций и ценностей. Казачество является особой политической силой, уникальным культурным феноменом и действенным институтом патриотического воспитания [6].

Согласно ч.1 ст.2 ФЗ от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» «российское казачество – граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ».

Согласно п. 1 ст. 123.15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «казачьими обществами признаются внесенные в государственный реестр казачьих обществ в РФ объединения граждан, созданные в целях сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества, а также в иных целях, предусмотренных Федеральным законом «О государственной службе российского казачества», добровольно принявших на себя в порядке, установленном законом, обязательства по несению государственной или иной службы». Из этого определения следуют три признака казачьих обществ: 1) это объединения граждан, которые в добровольном порядке приняли обязательства публичного характера; 2) создаются только в определенных, нормативно закрепленных целях; 3) внесены в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. Ни один из этих признаков не характеризует казачье общество как самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица, все они касаются особенностей, присущих ему как общественному объединению, способному выполнять публично значимые функции в связи с несением его членами государственной и иной службы. Особенности данных организаций, принципы их структуры и функционирования как субъектов гражданского права закрепления не нашли.

Проблемой является определение круга лиц, относящихся к членам некоммерческой корпорации, имеющей форму казачьего общества. Из содержащегося в ГК РФ определения казачьего общества следует, что таковыми являются только граждане, которые добровольно приняли на себя в установленном порядке обязательства по несению государственной или иной службы. Но данная норма не может служить ориентиром, ибо, подобные обязательства способны принимать члены лишь тех казачьих обществ, которые уже сформированы и обладают статусом юридического лица. Суть казачьих обществ предполагает объединение в них самых разных людей.

Казачье общество, являясь особым общественным формированием, не в полной мере укладывается в традиционное предусмотренное гражданским законодательством понятие корпоративного юридического лица. Однако это не может быть основанием для вывода о том, что нормы о казачьем обществе не соответствуют сути гражданских правоотношений. Мы разделяем мнение, что нужно закреплять гражданско-правовые нормы, которые бы обеспечили оптимальное организационное оформление казачьих обществ в качестве юридических лиц, учитывая при этом особенности их общественной природы, внутреннего устройства и характера осуществляемой публичной деятельности [5].

Необходимо решить вопрос о том, является ли государственная служба российского казачества отдельным самостоятельным видом государственной службы.

Таким образом, согласно российскому законодательству российское казачество – это только граждане, являющиеся членами казачьих обществ.

Государственная политика в отношении казачества включает в себя самые разные направления: от развития культуры и сохранения традиций казачества до привлечения казаков к участию в правоохранительной деятельности и общественном контроле. Внимание к традиционной культуре казаков и к их роли в укреплении Российского государства является важным вектором современной конституционно-правовой и культурной политики России [4, с.7].

В ФЗ «О государственной службе российского казачества» и Гражданском кодексе Российской Федерации даны несколько отличные друг от друга определения казачьего общества, что требует их унификации.

Список литературы

1. Рожкова Л.П. Российское казачество: происхождение, история, правовой статус / Л.П. Рожкова, Е.В. Лаптева, Т.В. Гориленко // История государства и права. – 2012. – № 2. – СПС «КонсультантПлюс».
2. Сазонникова Е.В. «Культурное государство» и взаимосвязанные с ним понятия / Е.В. Сазонникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 2. – С.47–52.
3. Сазонникова Е.В. Добровольные народные дружины (о брошюре В.С. Основина и В.В. Труфанова) / Е.В. Сазонникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (21). – С.107–112.
4. Сазонникова Е.В. Конституционная культурология: постановка проблемы / Е.В. Сазонникова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 12. – С.4–7.
5. Сойфер Т.В. Казачье общество – некоммерческая корпоративная организация? / Т. В. Сойфер // Гражданское право. – 2015. – № 4. – СПС «КонсультантПлюс».
6. Усатов С. В. Правоохранительный потенциал современного казачества / С. В. Усатов // Общество и право. – 2010. – № 2. – СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА ИНФОРМАЦИЮ – ОСНОВНОЙ ИНСТИТУТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Муслимов Ш.Р.

доцент кафедры административного и финансового права, канд. техн. наук,
Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан, г. Бишкек

На основе общетеоретических подходов о правах гражданина проведен анализ важнейшего института формирующегося информационного права – права гражданина на информацию, сделан вывод, что «право на информацию», «информационные права» являются юридическими выразителями свободы информации.

Ключевые слова: права гражданина, право на информацию.

Признавая человека высшей социальной ценностью, Конституция КР предоставляет каждому человеку и гражданину определенный круг прав,

свобод и интересов во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Только на фундаменте и вокруг прав гражданина может учреждаться и практически функционировать правовое демократическое социальное государство, которое признается Конституцией КР главным ориентиром развития. Одним из фундаментальных конституционных прав гражданина есть право на информацию. По мнению А. В. Малько: «... конституционное закрепление данного права – шаг вперед в расширении информационных возможностей, а значит и свободы личности, в развитии новых информационных отношений между человеком и государством. Вместе с тем, для того, чтобы оно стало живым и действенным правом, необходимы соответствующие гарантии, которые состоят из условий, обеспечивающих беспрепятственное осуществление этого права и составляющих по сути дела механизм его реализации» [1, С. 14].

«Право на информацию, которое получает закрепление в Конституции как право каждого свободно производить, искать, получать, передавать, распространять информацию, также становится основным правом и условием любой жизнедеятельности человека, предпосылкой осуществления любых других прав и свобод» – утверждает и А.Б. Венгеров [2, С. 306].

Но прежде чем рассматривать право на информацию и сформулировать его понятие нам представляется необходимым остановиться на более общем теоретическом вопросе, в частности определиться с термином «права гражданина».

Степень реализации прав гражданина является показателем уровня развития личности как субъекта права, действительных социальных возможностей человека [3, С. 57].

Права граждан неоднократно были предметом исследования ученых, в связи, с чем можно найти большое количество подходов к их определению. В частности, В. В. Копейчиков, определяет право гражданина как возможность осуществлять определенные действия для удовлетворения своих жизненно важных материальных и духовных интересов, установленных государством и закрепленных в Конституции и других нормативно-правовых актах [4, С. 25]. По мнению А. В. Зайчука и Н. М. Онищенко, права гражданина – это совокупность возможностей, закрепленных в нормативно-правовых актах, которые определяют степень свободы субъекта, имеющего постоянную политико-правовую связь с определенным государством [5, С. 86]. М. В. Цвик, В. Д. Ткаченко, Л. Л. Богачева рассматривают права граждан как правовые возможности, необходимые для существования и развития личности в определенной сфере, они признаются неотъемлемыми, должны быть общими и равными для каждого, обеспечиваться и защищаться государством в соответствии с международными стандартами [6, С. 134].

По мнению Д.А. Шевчука, права гражданина есть совокупность естественных правомочий, получивших отражение в нормативно-правовых государственных актах, и приобретенных правомочий, выработанных в ходе развития общества и государства. Права гражданина обязательно закрепляются в конституциях и иных законодательных актах и также обязательно государ-

ством декларируется и обеспечивается их защита. Они квалифицируют человека как члена государственно-организованного сообщества [7, С. 264].

Итак, как видим, исследователи понимают под правом гражданина определенные возможности, реализация которых необходима ему для нормального существования в обществе. Однако, на наш взгляд, такой подход несколько неполный. В связи с тем, что мы рассматриваем право гражданина, а не просто лица или человека, необходимо также учитывать связь лица как гражданина с государством, представителем которого он является. Таким образом, *под правом гражданина целесообразно понимать установленную государством и закрепленную в нормативно-правовых актах юридически возможное поведение, которое необходимо для жизнедеятельности и развития личности, находящейся в правовой связи с конкретным государством.*

Переходя от сделанного вывода к исследуемому вопросу, отметим, что в юридической литературе проблематика права на информацию получила определенное развитие, однако единства мнений относительно его содержания на страницах научных изданий не наблюдается. Так, одни ученые рассматривают право на информацию только как право на получение информации. В частности, И. Д. Тиновичская считает, что право на информацию в общепринятом смысле – это право на получение различного рода данных и сведений, необходимых для выполнения всех жизненных функций как каждого человека в отдельности, так и различных объединений людей, общества в целом, всех его структур [8, С. 29]. Однако, по мнению Л. К. Терещенко, право на информацию представляет собой право на получение и использование реально выраженных данных и сведений, исходящих от реальных субъектов, владеющих этими данными и сведениями [9, С. 19]. В свою очередь, А. Б. Венгеров под правом на информацию понимает правомочность на доступ к информации, на ознакомление с информацией, разъяснение информации, получение копий документов, справок [10, С. 112].

Вместе с этим необходимо отметить, что отдельные ученые пытаются придать более объемное определение права на информацию. В частности, В. А. Дозорцев считает, что право на информацию состоит из двух элементов – права на получение информации и права на ее распространение. Первое вообще принадлежит не к частным, а к публичным правам. Право же на передачу информации имеет гражданско-правовое содержание и представляет собой исключительное право [11, С. 28]. Л. А. Сергиенко как субъективное право на информацию, кроме права на получение информации, рассматривает также и право гражданина на защиту информации, содержащей персональные данные [12]. В. С. Хижняк под правом человека и гражданина на информацию понимает право любого человека (гражданина или иностранного гражданина, лица без гражданства) искать, получать, передавать, производить любые сведения о фактах, событиях, процессах и явлениях любым законным способом [13, С.76].

Такие ученые, как И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов, Н. Н. Ковалева определяют право на информацию как порядок реализации полномочий различных субъектов (физических, юридических лиц, органов

государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, корпоративных структур) в области создания, получения (доступа), сбора, хранения, использования, распространения информации в целях, не противоречащих свободам, правам и интересам личности, государства, общества и обеспечивают реализацию других прав и обязанностей этих субъектов, предусмотренных и гарантированных законодательством и нормами международного права.

В. М. Боер, А. Г. Павельев считают, что право на информацию составляет целый комплекс непосредственно действующих основных и производных субъективных правомочий, возникающих в связи и по поводу информации [14, С. 28]. А. И. Марущак отмечает, что универсальное конституционное право на информацию содержит конкретные возможности, которые в совокупности и составляют так называемые информационные права субъектов информационных отношений [15, С. 234]. В. В. Михайлов в категорию «право на информацию» включает три вида субъективных прав: 1) право на получение информации о себе; как обладатели данного права указываются физические лица; 2) право на получение информации об окружающем мире; 3) право на тайну. Исследователь считает, что одним из важнейших конституционных прав является право на создание, получение и распространение информации, но, с другой стороны, существует не менее важное право на тайну гражданина, государства и других субъектов [16, С. 39].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о существовании двух основных доктринальных подходов к пониманию права на информацию – узкого и широкого. В рамках узкого подхода право на информацию – это право на получение информации и доступ к информации. Широкий подход предусматривает отнесение к праву на информацию всех субъективных прав, направленных на информацию или соответствующие действия с ней, то есть право на поиск, создание, сбор, получение, хранение, использование, распространение, охрану, защиту информации. Мы придерживаемся широкого подхода и предлагаем под правом граждан на информацию понимать систему существующих для личности в обществе и государстве возможностей в сфере информации.

Попутно следует отметить, что ученые иногда различают такие понятия как «информационные права» и «право на информацию». Эти понятия не являются тождественными, а соотносятся между собой по схеме общее-частное, то есть информационные права значительно шире относительно права на информацию, а именно права искать, собирать, хранить, использовать и распространять информацию, ведь первое охватывает и право на свободу мысли и слова, и право на свободное выражение своих взглядов и убеждений и т.д. [17, С. 365]. Следует отметить, что содержание информационных прав, прежде всего, определяется содержанием конституционного права на информацию. В соответствии с действующей Конституцией КР: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений (ч. 2 ст. 29); не допускается сбор, хранение, использование и распространение конфиденциаль-

ной информации, информации о частной жизни человека без его согласия, кроме случаев, установленных законом (ч. 3 ст. 29); каждому гарантируется защита, в том числе судебная, от неправомерного сбора, хранения, распространения конфиденциальной информации и информации о частной жизни человека, а также гарантируется право на возмещение материального и морального вреда, причиненного неправомерными действиями (ч. 4 ст. 29); каждый имеет право свободно искать, получать, хранить, использовать информацию и распространять ее устно, письменно или иным способом (ч. 1 ст. 33); каждый имеет право на ознакомление в органах государственной власти, органах местного самоуправления, учреждениях и организациях со сведениями о себе (ч. 2 ст. 33); каждый имеет право на получение информации о деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, юридических лиц с участием государственных органов и органов местного самоуправления, а также организаций, финансируемых из республиканского и местных бюджетов (ч. 3 ст. 33); каждому гарантируется доступ к информации, находящейся в ведении государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц (ч. 4 ст. 33); никто не может быть подвергнут уголовному преследованию за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности (ч. ст. 33)». Кроме того, Конституция КР содержит ряд прав и свобод, которые являются информационными по форме, но экономическими или социальными по своему содержанию.

Наряду с правовыми категориями «право на информацию», «информационные права» в юридической литературе используется категория «свобода информации». Существует мнение, что право искать, собирать, хранить, использовать и распространять информацию является составной частью правовой категории «свобода информации». В 1946 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла одну из своих первых резолюций, в которой утверждалось, что свобода информации является фундаментальным правом человека и критерием для всех свобод[18], ради чего и создана Организация Объединенных Наций. Свобода информации является не только определяющим естественным правом человека, она лежит в основе построения свободного информационного общества, которое не может полноценно состояться без обеспечения свободы информации своих граждан [19, С. 229]. Подытоживая рассмотрение правовых категорий «право на информацию», «информационные права» и «свобода информации», можно указать, что право на информацию, информационные права являются юридическими выразителями свободы информации.

По международным нормам право на информацию принадлежит к общечеловеческим естественным правам и свободам человека и гражданина [20]. Этой же позиции придерживаются ряд ученых, которые неоднократно подчеркивали, что право на информацию является естественным правом, таким, что возникает у человека с момента его рождения [21, С. 17].

Мы также считаем, что право на информацию имеет естественный характер, который проявляется в том, что человек развивается, создает новое,

накапливает и передает свои знания, опыт в той или иной сфере с помощью информации. Право на информацию основывается на универсальных принципах, общечеловеческих ценностях (достоинство, уважение к себе и к окружающим, обеспечения благосостояния и равенство) [19, С. 134]. Применение естественно-правового подхода позволяет понимать право на информацию как такое, что: неотъемлемо принадлежит человеку; основывается на свободе и равенстве всех людей; не зависит от воли государства, а лишь признается, гарантируется, обеспечивается государством; государство может ограничить его исключительно на основании закона и в интересах общества. Однако недостатками естественно-правового правопонимания, в том числе и в контексте права на информацию, является отсутствие четкого разграничения права и морали, игнорирование общественно-исторических условий для реализации прав человека и гражданина [22, С. 5].

Исследование трудов ученых дает основания утверждать, что в настоящее время наблюдается процесс диалектического сближения естественно-правовой и нормативно-позитивистской теории правопонимания и освещение права на информацию с позиции синтетического (интегративного) подхода. Положительную роль в снятии противостояния между обеими теориями сыграла конституционная практика развитых государств – закрепление основных прав и свобод человека, признание их неотъемлемыми правами и приоритетными по отношению к государству [23, С. 182].

Список литературы

1. Малько А. В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации / А. В. Малько. // Правоведение. - 1995. - № 3. - С. 12 – 20.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. – 8-е изд., исправленное и дополненное. – М.: СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 608 с.
4. Копейчиков В.В. Правоведение / В. В. Копейчиков. – М.: Интер, 2002. – 152 с.
5. Теория государства и права. – М.: Интер, 2006. Академический курс: учебник / Под ред. А. В. Зайчука, Н.М. Онищенко. – 688 с.
6. Общая теория государства и права: учебник / М. В. Цвик, В. Д. Ткаченко, Л. Л. Богачева и др.; под ред. М. В. Цвика, В. Д. Ткаченко, А. В. Петришина. – Х.: Право, 2002. – 432 с.
7. Шевчук Д.А. Теория государства и права. Конспект лекций. Эксмо, 2009 – 299 с.
8. Тиновическая И.Д. Право на информацию и механизм его реализации. // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. М., 1992. №52. С. 29-41.
9. Терещенко Л.К. Разработка проекта Закона РФ «Об охране прав граждан в условиях информатизации» // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – М., 1993. – № 7. – С. 18-20.
10. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
11. Дозорцев В.А. Информация как объект исключительного права / В. А. Дозорцев // Дело и право. – 1996. – № 4. – С. 27-35.
12. Сергиенко Л. А. Субъективные права в информационной сфере / Л. А. Сергиенко, И. Д. Тиновическая // Проблемы информатизации. – 2000. – Вып. 3. – С. 25-26.
13. Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: спец. 12.00.02 / В. С. Хижняк. – Саратов, 1998. – 157 с.

14. Боер В.М. Информационное право: учеб. пособие. Ч. 1 / В. М. Боер, А. Г. Павлева. – СПб.: ГУАП, 2006. – 116 с.
15. Марущак А. И. Информационное право: Доступ к информации: учеб. пособие. / А. И. Марущак. – К.: КНТ, 2007. – 532 с.
16. Михайлов В. В. Право на информацию / В. В. Михайлов //Закон. – 1999. – № 10. – С. 36-43
17. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А.. Информационное право СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 789 с.
18. Резолюция 59(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации».
19. Бачило И. Л. Информационное право: Учебник для ВУЗов. М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – 454 с.
20. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 04.11.50) (ред. от 13.05.2004).
21. Алексеева М. В. О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина [Текст] / М. В. Алексеева. //Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 16-19.
22. Шарнина Л.А. Человек, его права и свободы как высшая ценность // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 11. С. 4-9.
23. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 790 с.

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ, ДОПОЛНЕНИЙ В ЕЖЕГОДНЫЕ ПЛАНЫ ПРОВЕРОК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Порохнявая Е.Л.

аспирант кафедры отраслей права, Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрены проблемы выполнения Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека плана проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Особое внимание уделено вопросам проведения плановых проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при изменении фактического адреса осуществления деятельности, реорганизации юридических лиц.

Ключевые слова: ежегодный план проверок, плановая проверка, уклонение от проведения проверки.

Деятельность Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по проведению проверок соблюдения и исполнения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты прав потребителей направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Наиболее эффективной формой проведения проверки деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей является плановая проверка, в ходе проведения которой проводится проверка соблюдения совокупности обязательных предъявляемых требований, т.е. всех предъявляемых требований.

Вместе с тем, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей в 2010-2014гг. планы проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по Российской Федерации были выполнены на 92-94%. По Управлению Роспотребнадзора по Приморскому краю в среднем процент выполнения плана плановых проверок в 2010-2015г. составил – 91,7.

Основной причиной невыполнения планов проверок является невозможность проведения плановых проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В Приморском крае плановые проверки не были проведены в связи с тем, что в 68% случаев к моменту начала проведения плановых проверок юридические лица и индивидуальные предприниматели не осуществляли деятельность по указанному в плане адресу; в 20% случаев прекратили осуществление деятельности; в 12% случаев – реорганизовали юридическое лицо.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве, устанавливающем порядок организации и проведения проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3], отсутствуют основания, позволяющие проводить плановые проверки: в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в случае изменения фактического адреса осуществления деятельности; в отношении правопреемника реорганизованного юридического лица, в случае реорганизации юридического лица, включенного в план проверок; также не предусмотрена возможность переноса срока проведения плановых проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, препятствующих и уклоняющихся от проведения проверок.

Согласно п. 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее Правил) [2], внесение изменений в ежегодный план допускается в следующих случаях:

- невозможность проведения плановой проверки деятельности юридического лица в связи с его ликвидацией или реорганизацией;
- прекращение юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем деятельности, эксплуатации (использования) объектов защиты, объектов использования атомной энергии, опасных производственных объектов, гидротехнических сооружений, подлежащих проверке;
- изменение класса опасности подлежащего проверке опасного производственного объекта – в части исключения плановой проверки из ежегодного плана;
- принятие органом государственного контроля (надзора), органом муниципального контроля решения об исключении соответствующей проверки из ежегодного плана субъектов малого предпринимательства в 2016-2018гг.;

- наступление обстоятельств непреодолимой силы.

Во всех вышеперечисленных случаях внесение изменений в ежегодный план осуществляется только путем исключения проверок. При этом прекращение юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем деятельности по указанному в плане адресу не является основанием для внесения изменений в ежегодный план проверок. Вместе с тем, провести проверку юридического лица, индивидуального предпринимателя при смене адреса осуществления деятельности не предоставляется возможным. Согласно требований ч. 4 ст. 9 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и Правил, оснований для проведения проверки в отношении лица, не соответствующего всем реквизитам, указанным в плане, нет.

Недостатки в действующем законодательстве позволяют отдельным предпринимателям уклоняться от проведения плановых проверок. Например:

1. В июне 2013г. Управлением не проведена плановая проверка в отношении ООО «Азер Багир оглы», по причине прекращения с июня 2013г. деятельности по производству кондитерских изделий по указанному в плане адресу (г. Владивосток, ул. Руднева, 12). В ответ на направленное в адрес ООО «Азер Багир оглы» распоряжения о начале проведения плановой проверки, юридическим лицом представлена информация о том, что по указанному в плане адресу (г. Владивосток, ул. Руднева, 12) с 1 июня 2013г. будет осуществлять деятельность ИП Юсибов Джамир Багил оглы.

При этом, согласно представленным документам: решение участника ООО «Азер Багир Оглы» от 25.05.2015г. № 5 – ИП Юсибов Джамир Багил оглы является единственным участником ООО «Азер Багир оглы». 30 мая 2015г. ИП Юсибов Джамир Багил оглы представил уведомление о начале осуществления предпринимательской деятельности № 25.ПЦ.01.000.В.001700.05.13 от 30.05.2013г. по производству хлебобулочных и кондитерских изделий в помещениях, расположенных по адресу г. Владивосток, ул. Руднева, 12. Специалистами Управления в июне 2013г. в ходе осмотра помещений, расположенных по адресу г. Владивосток, ул. Руднева, 12, установлено, что деятельность по производству кондитерских изделий осуществляет ИП Юсибов Джамир Багил оглы.

2. В августе 2015г. Управлением не проведена плановая проверка в отношении ИП Макаровой И.К., по причине не осуществления ИП Макаровой И.К. с апреля 2015г. деятельности по производству кондитерских изделий по указанному в плане адресу (г. Владивосток, ул. Интернациональная, д. 58). В ответ на направленное Управлением распоряжение о начале проведения плановой проверки ИП Макаровой И.К. представлена информация о том, что по указанному в плане адресу (г. Владивосток, ул. Интернациональная, д. 58) с апреля 2015 г. осуществляет деятельность другой индивидуальный предприниматель – ИП Макарова О.А., также представлена копия уведомления о начале осуществления предпринимательской деятельности № 25.ПЦ.01.000.В.003076.04.15 от 09.04.2015г. ИП Макаровой О.А. по ука-

занному адресу. Специалистами Управления 8 августа 2015 г. при осмотре помещений, расположенных по адресу г. Владивосток, ул. Интернациональная, д. 58 установлено, что деятельность по производству кондитерских изделий осуществляет ИП Макарова О.А.

3. В сентябре 2015г. Управлением не проведена плановая проверка в отношении ООО «Солвент», по причине прекращения юридическим лицом с 1 сентября 2015 г. деятельности по переработке и производству рыбной продукции по указанному в плане адресу (г. Владивосток, ул. Фонтанная, 3). 2 сентября 2015 г. в ответ на врученное 31 августа 2015г. распоряжение о начале проведения плановой проверки, ООО «Солвент» представлена информация о том, что с 1 сентября 2015 г. рыбоперерабатывающее предприятие ООО «Солвент», деятельность по указанному в плане адресу: г. Владивосток, ул. Фонтанная, 3 прекратил, и с 1 сентября 2015г. предприятие переехало на новый адрес г. Владивосток, ул. Приморская, 8 «в».

2 сентября 2015 г. ООО «Солвент» подано новое уведомление о начале осуществления предпринимательской деятельности № 25.ПЦ.01.000.В.003337.09.15 от 02.09.2015г. (производство рыбной продукции на предприятии, расположенном по адресу: г. Владивосток, ул. Фонтанная, 3). Специалистами Управления 7 сентября 2015г. при осмотре помещений, расположенных по адресу г. Владивосток, ул. Фонтанная, 3 установлено, что деятельность по переработке и производству рыбной продукции ООО «Солвент» не осуществляет.

Из приведенных примеров ясно, что юридические лица и индивидуальные предприниматели прекратили деятельность по указанному в плане адресу накануне проведения в отношении них плановых проверок.

Также следует остановиться на вопросе проведения плановых проверок в отношении юридических лиц в случае их реорганизации. При реорганизации юридического лица права и обязанности юридического лица переходят к вновь возникшему субъекту предпринимательской деятельности (ст. 58 ГК РФ часть 1) [1]. Следовательно, плановая проверка должна проводиться в отношении вновь возникшего юридического лица. Вместе с тем, в соответствии с требованиями п. 7 Правил [2] – в случае реорганизации юридического лица из ежегодного плана проверок, проверка в отношении юридического лица исключается.

Следует отметить, что в результате проводимой в нашей стране реформе по снижению административного давления на бизнес, число проводимых Управлением Роспотребнадзора по Приморскому краю плановых проверок сократилось в 5,8 раз (с 4790 в 2008г. до 828 в 2015г.). Уменьшение объемов контрольно-надзорных мероприятий сопровождается ростом числа выявленных нарушений, ужесточением санкций при выявлении нарушений.

Имеющиеся сложности в реализации правового механизма внесения изменений, дополнений в ежегодные планы проверок позволяют отдельным предпринимателям уклоняться от проведения плановых проверок.

В целях недопустимости необоснованного освобождения субъектов предпринимательства от проверочных мероприятий необходимо дополнить

ст. 9 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» следующего содержания:

1. При невозможности проведения в текущем году плановых проверок в отношении юридических лиц в связи с их реорганизацией, а также юридических лиц, индивидуальных предпринимателей по причине уклонения, оказания препятствия проведению проверок, в ежегодный план проверок включаются проверки в отношении: правопреемника реорганизованного юридического лица; юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, препятствующих, уклоняющихся от проведения проверок.

2. При изменении юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем адреса фактического адреса осуществления деятельности проверка проводится по новому месту фактического осуществления деятельности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31.01.2016 N 7-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – N 32. – ст. 3301.

2. Постановление Правительства РФ от 30.06.2010 N 489 (в ред. Постановления Правительства РФ от 24.12.2015 № 1421) «Об утверждении Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – N 28. – ст. 3706.

3. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (в ред. Федерального закона от 09.03.2016 № 68-ФЗ) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – N 52 (ч.1). – ст. 6249.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ПРЕБЫВАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Савина Т.А.

соискатель кафедры «Уголовного права и криминологии»,
Тольяттинский государственный университет, Россия, г. Тольятти

Уголовным законом не определено, что необходимо применять к несовершеннолетним, систематически нарушающим условия пребывания в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. Данная принудительная мера воспитательного воздействия применяется при освобождении от наказания в виде лишения свободы, поэтому автор считает, что при ее отмене необходимо приводить в исполнение уже назначенное наказание.

Ключевые слова: специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, лишение свободы, освобождение от наказания, принудительная мера воспитательного воздействия, несовершеннолетний, систематическое нарушение.

В соответствии с ч. 4 ст. 90 УК РФ при систематическом неисполнении несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия, она

по представлению специализированного государственного органа отменяется, и материалы направляются для привлечения к уголовной ответственности.

Для меры в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа такая норма никак не подходит. Эта норма применима лишь к мерам, предусмотренным ч. 2 ст. 90 УК РФ и назначаемым при освобождении от уголовной ответственности. Будучи самой строгой из всех предусмотренных принудительных мер воспитательного воздействия, ее назначение возможно при освобождении от наказания, причем именно в виде лишения свободы. Таким образом, обвинительный приговор судом вынесен, определен вид наказания и его размер. Однако при наличии соответствующих обстоятельств и личности несовершеннолетнего подсудимого, наказание не приводится в исполнение, а заменяется иной мерой уголовно-правового характера – принудительной мерой воспитательного воздействия.

Очевидно, что как при отмене любой другой принудительной меры воспитательного воздействия, так и при отмене меры в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, несовершеннолетний должен систематически ее нарушать. Это может быть выражено в нарушении условий пребывания в данном учреждении, совершении правонарушений, неповиновении сотрудникам, уклонении от прохождения обучения и др.

Н.Ю. Скрипченко полагает, что при систематическом неисполнении данной меры, ее необходимо отменить и назначить наказание [3, с. 630]. Не согласимся с данным мнением, потому что наказание уже назначено, причем в виде лишения свободы. Несовершеннолетний лишь освобожден от исполнения наказания путем применения к нему принудительной меры воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Здесь можно провести аналогию с условным осуждением, которое назначается, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Сущность условно осуждения заключается в том, что суд, вынося обвинительный приговор и указывая конкретный вид и размер наказания, не приводит его реально в исполнение, о чем указывается в приговоре. Это делается исходя из личности виновного под условием выполнения требований и соблюдением обязанностей.

В ст. 74 УК РФ говорится о случаях отмены условного осуждения. В соответствии с ч.3 данной статьи, если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо скрылся от контроля, суд по представлению органа осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. В данном случае наказание уже назначено приговором суда, и, отменяя условное осуждение, суд может назначить реальное отбывание наказания, установленного приговором. Но суд никак не привлекает к уголовной ответственности снова.

Противоположную позицию, и правильную на наш взгляд, занял А.А. Горшенин, говоря, что отбытие назначенного приговором суда наказания в виде лишения свободы отодвигается во времени [2]. В противном случае нарушается принцип справедливости, согласно которому никто не может нести уголовную ответственность за одно и то же преступление. Освобождая несовершеннолетнего от наказания в виде лишения свободы и помещая в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, суд как бы применяет отсрочку. Так, получается, что при правомерном поведении во время нахождения в данном учреждении в течение всего назначенного срока, несовершеннолетний освобождается от отбытия наказания. А если несовершеннолетний нарушает правила пребывания в специальном учреждении, совершает противоправные деяния, тем самым уклоняется от исполнения принудительной меры воспитательного воздействия, данную меру необходимо отменять и приводить в исполнение, назначенное приговором суда, реальное отбытие наказания в виде лишения свободы в воспитательной колонии.

А.А. Горшенин пишет, что в таком случае актуальным видится правило, в соответствии с которым время пребывания лица в специальном учебно-воспитательном учреждении может засчитываться в срок наказания, если несовершеннолетний привлекается к его отбыванию [2].

Анализируя раздел III УК РФ «Наказание», мы видим, что законодатель предусмотрел замещающие наказания. Так, например, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы. Время отбытия обязательных работ учитывается при определении срока принудительных работ или лишения свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ [1].

Таким образом, администрацией специального учреждения направляются материалы в отношении несовершеннолетнего в суд, а суд, отменяя принудительную меру воспитательного воздействия за нарушение условий ее исполнения, не привлекает к уголовной ответственности и не назначает наказание несовершеннолетнему, а приводит в исполнение уже назначенное наказание в виде лишения свободы.

Применяя закрепленное законодателем правило о зачете отбытого времени исполнения наказания в счет замещающего наказания, можем сказать, что время, в течение которого несовершеннолетний находился в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, учитывается из расчета один день лишения свободы за один день пребывания в данном учреждении.

Такой вариант обеспечения целей уголовного законодательства в данном случае видится наиболее подходящим. Уголовная политика должна стремиться к тому, чтобы в итоге несовершеннолетние вставали на путь правопослушной жизни.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24.05.1996 г.: по состоянию на 30 декабря 2015 г. – СПС КонсультантПлюс, 2016.

2. Горшенин А.А. Освобождение от наказания (ст. 92 УК РФ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. – СПС Консультант-Плюс, 2015.

3. Скрипченко Н.Ю. Пути совершенствования законодательства, регулирующего применение принудительных мер воспитательного воздействия, связанные с изоляцией несовершеннолетнего от общества // Научные труды РАЮН: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 630-631.

ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Салиева Н.Ш.

соискатель кафедры теории и истории государства и права,
Таджикский национальный университет, Таджикистан, г. Душанбе

В статье обосновывается идея подчиненности приоритетов современной правовой политики целям построения правового государства, осуществляется краткий обзор истории формирования и современного преломления идеи правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, приоритеты правовой политики, верховенство закона, права человека, правовая политика.

Изменения в различных сферах жизни общества, а так же интенсивное проведение правовой реформы вызвали необходимость углубленного исследования понятия правового государства. Идея правового государства издавна находилось в центре внимания целого ряда поколений мыслителей и продолжает волновать многих современных мыслителей, что определило различные подходы к данной идее и многообразие её трактовок. В свою очередь всё это не может не повлиять на эффективность правовой политики при определении её приоритетов в сфере построения правового государства.

Идеи взаимосвязанности государственных и правовых начал жизнедеятельности общества, верховенства закона, прав человека своими корнями уходят в древность. В.С. Нерсисянц указывает, что именно в этот период начинаются поиски принципов, форм и конструкций для установления надлежащих взаимосвязей и согласованного взаимодействия права и власти [1, с.94] Но своё более отчётливое выражения она получила в Новое время и последующие за ним периоды истории. Так, с философским обоснованием либеральной теории правового государства выступил И.Кант, в котором государство оценивается как объединения множества людей, подчиненных правовым законам. Он утверждал, что государство это правовая организация, не что иное, как организационное и материальное выражение и средство обеспечения правил правомерного поведения, совокупность средств, институтов, обеспечивающих правовое регулирование. В природе государства ничего другого нет. Если появляется что то ещё, то это случайное. Природа государства правовая [2, 231-233].

Термин правовое государство впервые появился в трудах К.Т. Велькера, Р. Моля, Ф.Ю. Шталя и других в первом трети XIX в. С критикой либе-

ральной трактовки правового государства выступил Гнейтс, который полагал, что либерализм не способен обеспечить свободное развитие общества и индивидов к самостоятельности и индивидуальности [3, 37].

В рамках юридического позитивизма разрабатывается позитивистская конструкция правового государства, суть которого, как утверждает В.С. Нерсисянц, состоит в попытке создать ту или иную конструкцию самоограничения государства самим созданным правом [4, 104]. По словам В.В. Лапаевой, позитивистский подход не способен формулировать критерии разграничения правового и не правового начал в общественной жизни [5, 47].

В России идея правового государства на основе либеральных принципов активно разрабатывалась в конце XIX – начале XX вв. В трудах Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, Л.И. Петрожитского, Е.Н. Трубецкого детально разработаны многие правовые вопросы власти и иерархии правовых актов [6].

В условиях Союза ССР формируется понятие законности как требование неукоснительного соблюдения правовых актов. Право рассматривается в качестве орудия государственной власти в решении её задач [7, 93-94]. Важнейшая особенность советского государства – руководящая роль коммунистической партии, которая подбирала кадры на все руководящие государственные должности с помощью механизма номенклатуры. Идея о верховенстве закона в государстве возникла только в конце 1970-х начале 1990-х годов. Например Н.В. Витрук в 1979г. обосновал идею о том, что правовое государство предполагает создание правовых институтов, позволяющих народу контролировать власть [8, 16].

С распадом СССР идея правового государства становится официальной и весьма популярной. Появляются статьи, книги, учебники в которых акцент делается на правовом самоограничении государства. К примеру, Г.В. Мальцев исследовал правовое государство как проблему организации взаимоотношений власти и человека на основе права [9, 239].

Как видно, идея правового государства имеет долгую историю развития. Существуют также различные модели правового государства – либеральная, неопозитивистская, либертарная и др. При этом, как показал проведённый анализ, большинство данных моделей – западного происхождения, что, несомненно, поднимает вопрос об уживчивости этих идей в других странах, в частности, в Таджикистане. По словам А.Э. Рахматулоева, «формирование правового государства в Таджикистане не может ограничиваться исключительно западноевропейским и американским опытом. Оно должно сопровождаться сохранением самобытных черт народа и самобытных начал государства. В противном случае процесс формирования правовой государственности исключительно по западным стандартам может вызвать ряд проблем [10, 16-17].

Проблему уживчивости западных моделей правового государства нельзя упускать из внимания при определении приоритетов правовой политики Таджикистана. Так как приоритет правовой политики служит ориентиром деятельности субъектов данной политики.

Республики Таджикистан в соответствии со ст.1 Конституции 1994 г. является суверенным, правовым, демократическим, светским, унитарным государством. Однако построение правового государства – это пока цель, к которой следует стремиться. Достижение данной цели предполагает решение ряда политико-юридических задач, включая первоочередные, актуальные, приоритетные задачи.

По словам Р.Ш. Сативалдыева, правовое государство – «это качественно новый тип организации и функционирования государственной власти, форма организации жизнедеятельности людей и общества на основе провозглашения человека и его прав и свобод высшей социальной ценностью, верховенства права и правового закона, самоограничения власти правом, взаимной ответственности государства и личности» [11, 161].

Приоритеты современной правовой политики должны быть подчинены целям построения правового государства. Построение правового государства – проблема комплексная. Ее успешное решение зависит от эффективных экономических, социальных, политических и иных реформ, проводимых в обществе, от темпов социально-экономических преобразований, от качества жизни человека, уровня правовой культуры общества, эффективной работы правоохранительных органов и др. Соответственно приоритеты экономической, социальной, правоохранительной и иных разновидностей политики подчинены стратегическим целям построения правового государства.

Более того, признаки или свойства правового государства выступают в качестве приоритетов правовой политики. Они представляют собой актуальные проблемы и задачи, решение которых позволит достигнуть перспективной цели по формированию правовой государственности. Верховенство или господство права, обеспечение прав и свобод человека, разумное взаимоотношение государства и личности на основе партнерских отношений и их взаимной ответственности, качество закона как условие его верховенства, самоограничение государства правом (правовыми нормами, идеями, ценностями), высокая правовая культура, включая необходимый уровень правосознания, разделение властей с целью предотвращения концентрации власти в руках одной ветви власти и злоупотребления ею, конституционная законность на основе эффективной системы конституционного контроля выступают одновременно как признаки правового государства, ценности, идеи, приоритеты правовой политики.

Список литературы

1. Нерсисянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа ИНФРА • М – НОРМА, 1997. – 652 с.
2. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие).- Т. 4. Ч. 2.- 478 с.
3. Правовое государство и административные суды Германии / Гнейст Р.; Под ред.: Свешников М.И.; Пер.: Фустов Ф.С.. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1896. – 379 с.
4. Нерсисянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа Норма – Инфра-М, 1998. – 652 с.
5. Лапаева В.В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву: материалы Философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / сост. В.Г. Графский. – М., 2006. – С.35-61.

6. История русской правовой мысли / под. ред. С.А. Пяткиной. – М.: Остожье, 1998. – Выпуск 5. – 2011. – 603 с.
7. Тихомиров Ю.А. Правовое государство: проблемы формирования и развития./ Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – Научная дискуссия. – Выпуск 5. – М., 2011. – С.93-109.
8. Витрук Н.В. Общая характеристика конституционных прав, свобод и обязанностей граждан СССР // Социализм и личность / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. – М., 1979. – С. 3-16.
9. Мальцев Г.В. Социалистическое государство: исторический опыт и традиции // Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М., 1990. – С. 239.
10. Рахматулов А.Э. Социокультурные доминанты и концептуально-правовые начала формирующегося правового государства в постсоветском Таджикистане: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2004. – 23 с.
11. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и права: учебник. – Душанбе: «Империял-Групп», 2009. – 358 с.

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Саркисян В.Г.

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
канд. юрид. наук, Южный институт менеджмента, Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается момент окончания преступления, и, в частности момент окончания подстрекательства, так как от момента окончания преступления, зависит решение многих специальных вопросов ответственности подстрекателя.

Ключевые слова: подстрекательство к преступлению, момент окончания преступления, соучастие в преступлении.

В соответствии с ч.1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным Кодексом РФ. Понятие «момент окончания преступления» относится к числу тех, которые не упоминаются в законодательстве, но активно используются в научных трудах, правоприменительной практике [5, с. 51]. Однако его содержание до настоящего времени четко не определено. В своих трудах разные ученые затрагивают вопрос о моменте окончания преступления в связи с различными понимаемыми ими теоретическими и практическими проблемами, среди которых стадии совершения преступления, добровольный отказ от преступления, соучастие в преступлении и т.д. [11, с. 272].

При характеристике объективной стороны подстрекательства, необходимо рассмотреть вопрос о том, с какого момента оно может быть признано оконченным преступлением. Данный вопрос имеет большое научное и практическое значение, поскольку от этого зависит решение многих специальных вопросов ответственности подстрекателя. В теории уголовного права высказаны различные точки зрения по этому вопросу.

Одни ученые полагают, что более правильной является точка зрения, согласно которой подстрекательство будет оконченным с момента получения согласия подстрекаемого лица совершить преступление, независимо от того, совершено преступление или нет. По их мнению, термин «склонение», предусмотренный в ч. 4 ст. 33 УК, не означает совершение преступления. Цель, которую преследует подстрекатель, – возбудить желание у подстрекаемого и получить его согласие совершить преступление [12, с. 265].

Другие авторы считают, что подстрекательство следует считать оконченным с начала приготовительных действий. Так, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, подстрекательство является состоявшимся, когда исполнитель не только согласился совершить преступление, но и приступил к его реализации хотя бы на стадии приготовления [6, с. 118]. Простое согласие исполнителя совершить преступление без выполнения других действий, подкрепляющих его согласие, не образует подстрекательства [4, с. 285].

Наконец, некоторые ученые полагают, что подстрекательство признается оконченным только в случае, если склоненное подстрекателем лицо совершит преступление, либо будет покушаться на его совершение [7, с. 406]. Отдельные сторонники этой подхода, в частности, З.А. Абакаров, делают вывод, что подстрекательство является материальным составом, которое считается оконченным с момента, когда исполнитель совершил преступление или только начал выполнение объективной стороны преступления [1, с. 77].

Две последние точки зрения объединяет то, что в данном случае термин «склонившее» трактуется как достижение подстрекателем определенного результата – фактического совершения подстрекаемым лицом преступления, которое может быть как оконченным, так и неоконченным. Однако их представители связывают момент окончания подстрекательства либо с началом приготовительных действий, либо с началом выполнения объективной стороны преступления, то есть с неоконченным покушением. В последнем случае З.А. Абакаров относит подстрекательство к материальному составу преступления.

В связи с этой дискуссией следует обратить внимание на формулировку ч. 4 ст. 33 УК РФ, где подстрекатель определяется как лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления. В данном случае термин «склонившее» употреблен в законе в прошлом времени, что, на наш взгляд, предполагает фактическое совершение исполнителем преступления. Простое получение согласия подстрекаемого лица совершить преступление еще не превращает подстрекателя в соучастника, поскольку эти действия сами по себе являются приготовлением к преступлению в виде «приискания соучастника» [9, с. 70].

Однако и другой подход к оценке момента окончания подстрекательства вызывает определенные возражения [10, с. 99].

Во-первых, вышеуказанные авторы допускают противоречие в своих рассуждениях, предполагая наличие оконченного подстрекательства при наличии неоконченного преступления в целом [2, с. 240]. На наш взгляд, подстрекательство может принять оконченный характер только при условии,

что исполнителем преступление доведено до конца. Данный вывод вытекает из положений ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которой «в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление».

Во – вторых, как представляется, при определении конструкции состава подстрекательства следует исходить из конструкции состава преступления, совершенного исполнителем (формальный или материальный), что непосредственно влияет на определение момента окончания преступления [3, с. 113]. Сам факт начала совершения преступления еще не является тем преступным результатом, к достижению которого стремится подстрекатель. Этим результатом являются тот вред, который причинен охраняемому уголовным законом объекту.

Как справедливо отмечает В.С. Комиссаров, исполнитель является обязательной фигурой при совершении преступления в соучастии [13, с. 863]. Без любого другого соучастника преступление может быть совершено; физическое же отсутствие исполнителя означает невозможность совершения преступления. По его действиям определяется степень завершенности преступления, совершаемого в соучастии. Не может быть окончено преступление у соучастников, если исполнитель не довел преступление до конца [8, с. 393]. Отсюда подстрекательство можно считать оконченным лишь в случае совершения исполнителем оконченого преступления.

Список литературы

1. Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дисс. ... канд.юрид. наук. Саратов. 2006. 205 с.
2. Бешукова З.М. Особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации // В сборнике: Проблемы современного российского законодательства Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. Иркутск-Москва, 2012. С. 239-243.
3. Зелик В.А., Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России/ диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2001. 183 с.
4. Капица В.С. Понятие и сущность способа преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды // Российский научный журнал. 2015. № 5 (48). С. 285-287.
5. Киек Т.З. Способы и методика предупредительной деятельности преступлений в сфере экономики // В сборнике: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА Сборник научных трудов. Под ред. Ермоленко А.А., Хашевой З.М., Ключко Е.Н.. Краснодар, 2015. С. 50-53.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. / Под. ред. А.И. Чучаева. 2-е изд., исправ., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 916 с.
7. Курс советского уголовного права. Т. 2. М., 1970. 496 с.
8. Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М.Тяжковой. М.: ИКД Зерцало. М., 2002. 624 с.
9. Мирзоян В.Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном уголовном праве. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 211 с.

10. Помазан С.В. Уголовно-правовая ответственность за организованные формы преступной (экстремистской, террористической) деятельности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 99-101.

11. Стацура А.Г., Кулик С.А. К вопросу об общей характеристике экстремистской ситуации в современном российском обществе как одной из проблем национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 272-275.

12. Уголовное право РФ. Общая часть: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева М.: ИНФРА-М, 2008. 560 с.

13. Чапурко Т.М. Преступность несовершеннолетних: Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. 898 с.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАЧЕСТВА ЗАКОНА

Сативалдыев Р.Ш.

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
д-р юрид. наук, профессор, Таджикский национальный университет,
Таджикистан, г. Душанбе

В статье исследуется гуманистический аспект качества закона, раскрываются его понятие, содержательные компоненты и формы проявления. Главное внимание уделяется правам человека как критерию качества закона, приводятся аргументы в его научное обоснование, раскрываются аспекты исследуемой идеи, формы ее доктринального и нормативного воплощения, определяются основные подходы и перспективность исследования поставленной проблемы.

Ключевые слова: права человека, качество закона, содержание закона, правовой закон, правовое регулирование.

В литературе предлагаются различные (социально-политические, технико-юридические и др.) критерии качества закона [4; 5; 6; 16; 30]. В последние годы получил широкое распространение комплексный подход к качеству закона [32; 33; 41; 44], который имеет веские основания. Одним из критериев качества закона является соответствие закона правам человека, естественно-правовым требованиям, морально-правовым ценностям.

Идея соответствия закона правам человека имеет давнюю историю. В Декларации прав человека и гражданина Франции (1789 г.) было закреплено положение о том, что цель «каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» [42, с. 209]. В рамках естественно-правовых теорий была выдвинута идея о том, что естественные права человека составляют критерий разумности, справедливости законов. Данной идеи придерживались различные естественно-правовые теории Нового времени, в частности, протестантизм, неотомизм, Г. Гроций, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье и др. Естественные права как исходное правовое начало позитивного законодательства получают нормативное воплощение в Декларации независимости США, Конституции США, Декларации прав человека и гражданина Франции.

После Второй мировой войны в возрожденной теории естественного права (Штаммлер), в концепциях неотомистов (Ж. Маритен, Ж. Дабен и др.), неопротестантов (К. Барт, Э. Вольф и др.), естественно-правовых концепциях светского направления (Г. Райнер и др.), философских школах (младогегельянцы, неокантианцы) естественное право провозглашается как критерий позитивного права. В антропологической естественно-правовой концепции (Й. Месснер, А. Ауэр и др.) человеческое достоинство провозглашается исходным критерием закона. В конце XX в. и начале XXI в. неотъемлемые права человека и связанные с ними ценности свободы, справедливости, разумности, равенства и др. получают воплощение в международных правовых актах и конституциях. Их воплощение во внутреннем законодательстве (национальном праве) становится обязанностью государств [35; 36, с. 307-312].

Таким образом, в процессе развития естественно-правовых теорий поэтапно формировалась идея о том, что естественное право служат критерием качества законов, законодательства в целом и иных форм позитивного права. На данном этапе права человека, получив нормативное воплощение на уровне международного и национального права, служат исходно-правовым началом правотворческой деятельности и критерием качества законов.

Права человека как критерий качества закона составляют гуманитарный аспект качества закона наряду с другими (политический, социальный, технико-юридический и др.) аспектами. Данный аспект качества закона имеет принципиальное, исходно-правовое, определяющее значение для обеспечения социальной ценности человека и всей совокупности его прав и свобод. В Докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации подчеркивается, что качество закона выступает одним из факторов эффективности государственного управления качеством жизни человека [13, с. 467].

Гуманизм является одним из постулатов современного цивилизованного правотворчества [12, с. 106]. Обеспечение гуманитарного аспекта качества закона обусловлено необходимостью выполнения законом функции по защите и гарантированию прав человека. В соответствии со ст. 5 Конституции Республики Таджикистан человек и его права и свободы являются высшей ценностью, а государство признает, соблюдает и защищает права и свободы человека и гражданина [19].

Права человека выступают необходимым инструментом правового регулирования. Регулятивный потенциал прав человека проявляется в том, что последние имеют силу прямого действия. Такая норма закреплена в конституциях многих государств, в том числе в Конституции Республики Таджикистан. Эффективность регулятивной функции права [1, с. 5; 2; 17, с. 177; 34; 39, с. 72] зависит во многом от качественности закона, в частности, его соответствия правам человека.

Гуманистический аспект содержания закона как критерий его качественности обусловлен гуманизмом права и предполагает служение закона целям признания, защиты и обеспечения прав человека, его человеческого достоинства, свободной экономической, интеллектуальной, художественной и иной творческой деятельности. «Личностная ценность права, — пишет

Л.И. Спиридонов, – выражает гуманистическую ориентацию права, его способность обеспечивать интересы и цели личности, ее творческое развитие и социальную активность» [40, с. 95]. Потенциал прав человека как критерия качества закона намного повышается благодаря также другому не менее важному факту. Дело в том, что на данном этапе права человека на доктринальном уровне признаны источником действующего права [28, с. 403].

Права человека по отношению к законам выполняют две неразрывно связанные функции: 1) они определяют правовое содержание законов; 2) служат критерием их качественности. Первая из указанных функций уже получила нормативное воплощение в конституциях. К примеру, по Конституции Республики Таджикистан права человека определяют содержание законов. Вторая функция получает признание на уровне доктрины.

Многие авторы, которые занимаются исследованием проблемы качества закона, так или иначе, затрагивают его гуманистические аспекты [10; 11]. При этом соотношение категорий «правовое содержание закона» и «качество закона», послужившее основой разграничения указанных выше функций, требует дальнейшей научной разработки. Категория «правовое содержание закона» требует углубленного анализа, поскольку содержание закона не может ограничиваться лишь его правовыми аспектами. Кстати, такой анализ уже осуществляется в отношении категории «качество закона». Большинство современных авторов исходит из того, что качество закона включает социальные, политические, экономические, культурные, технико-юридические аспекты. С такой постановкой вопроса следует согласиться. Не случайно, выдвинутое в литературе понятие «правовое качество закона» [14; 15, с. 7-12] встречает критическую реакцию многих авторов, поскольку отодвигает на задний план социальные, политические и иные общесоциальные аспекты качества закона.

Исходно-правовое значение прав человека как критерия качественности закона объясняется тем, что, во-первых, права человека являются одним из факторов, которые определяют социальную обусловленность закона, являются неотъемлемым компонентом содержания права, непременно (как конституционное требование) учитываются при разработке законопроекта и в силу этого служат проявлением идеи правового закона. Во-вторых, права человека входят в число инструментария правового регулирования, причем в сравнение с другими правовыми средствами непосредственно регламентируют жизнедеятельность человека, имеют социальную ценность, ибо нацелены на обеспечение качества жизни. В-третьих, права человека формулируются в тексте закона в строгом соответствии с правилами юридической техники (терминологическое обозначение прав человека, прав гражданина, конституционных обязанностей и др.), входят в число свойств технико-юридического качества закона, служат критерием его технико-юридического качества.

Как известно, на протяжении довольно долгого периода времени наблюдалось идеологическое, мировоззренческое, концептуальное противоречие между естественно-правовыми и позитивистскими теориями прав человека. После Второй мировой войны, в результате признания естественных

прав человека на уровне международных документов и конституций были созданы условия для преодоления такого мировоззренческого дисбаланса на уровне теоретических конструкций.

Соответствие закона правам человека служит проявлением верховенства права, связанности государства и его органов правом. Следует согласиться с С.А. Воробьевой, которая пишет: «Если государство связано правом, то издаваемые им законы не должны противоречить праву и, в частности, тем правам человека, которые в теории называют естественными и неотъемлемыми» [7, с. 9].

Нормативно-правовое оформление прав человека обусловлено также тем, что право является мерой свободы и справедливости. По словам Гегеля, право «есть вообще свобода как идея» [8, с. 89]. Дж. Локк констатировал, что свобода людей «заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем» [22, с. 50]. Ш. Монтескье писал: «В государстве, т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принужденным делать то, чего не должно хотеть» [26, с. 289]. Б.Н. Чичерин выступал за принятие «общего закона, определяющего область каждого лица» [43, с. 424].

Права человека служат необходимой предпосылкой любого закона, условием правотворческой деятельности. В соответствии с Декларацией прав человека и гражданина Франции общество, «в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции» [42, с. 209]. И. Кант утверждал, что право человека «должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти» [20, с. 185]. Р. Гнейст был уверен, что именно парламентское государство призвано регламентировать «сожительство людей в разных кругах владения, заработка, профессии посредством твердых норм» [9, с. 37]. По мнению Б.А. Костяковского, правовое государство есть вполне и последовательно развитое конституционное государство, в котором «соблюдаются права и свободы человека» [21, с. 420].

Качество закона можно трактовать по-разному в рамках различных типов правопонимания. Права человека также неотделимы от того или иного типа правопонимания. В позитивистских теориях «права и свободы личности лишаются объективного и самостоятельного смысла и оказываются октроированными, дарованными сверху «благами» [29, с. 104]. В естественно-правовых концепциях права человека трактуются как неотчуждаемые, неотъемлемые, неприкосновенные блага личности. Как отмечает Н.И. Матузов, «десятилетиями в сознание людей внедрялась мысль о том, что права даруются, предоставляются государством, партией, правительством, а то и отдельным лицом (вождем). Теперь признан примат естественных и неотъемлемых прав человека, «пожалованных» ему самой природой» [24, с. 235].

В постсоветское время произошел качественный методологический скачок в понимании прав человека. Как утверждает Н.И. Матузов, «в недале-

ком прошлом юридическая наука исследовала в основном лишь формальные свойства и атрибуты права, без наполнения их реальным «человеческим содержанием», в то время как она должна быть обращена к живому индивиду, его сознанию, воле, интеллекту» [24, с. 223]. В постсоветской юридической литературе активно проводятся идеи приоритета прав человека в государстве, правового самоограничения государства правами человека, выстраивания партнерских договорных отношений между государством и личностью [3, с. 660; 18, с. 68; 23, с. 178-179; 31, с. 305].

Указанные выше аргументы служат основанием выделения гуманитарного аспекта качества закона. *Гуманитарный аспект качества закона – это совокупность свойств, которые определяют степень соответствия закона правам и свободам человека, естественно-правовым требованиям, морально-правовым ценностям.*

Гуманитарный аспект качества закона служит целям формирования правового социального государства. Во-первых, закон, изданный на основе соблюдения прав человека как критерия его правового содержания и требуемого качества, является необходимым признаком правового государства. Верховенство правового закона отличает правовое государство от иных ранее известных исторических типов государства. Во-вторых, законы, издаваемые в соответствии с комплексом личных, политических, социальных, экономических, культурных прав человека и гражданина, нацелены на обеспечение необходимого качества жизни. Они способствуют реализации социальной функции государства.

Признавая права человека в качестве требуемого критерия качества закона необходимо констатировать, что права и свободы человека неразрывно взаимосвязаны с его обязанностями. Именно единство прав и обязанностей служит критерием качества закона. Как пишет С.А. Воробьева, «закон – это не просто текст определенного нормативного содержания, а правовое предписание, которое должно быть благом для человека, обеспечивать, с одной стороны, его права, свободы, законные интересы, с другой – налагать обязанности в целях достижения гармонии отношений в обществе» [7, с. 20].

Гуманитарный аспект качества закона проявляется также в его соответствии морально-правовым ценностям. Качественным является закон, который в полной мере отражает ценности свободы, справедливости, равенства, разумности, добросовестности и др. Отражение в законе морально-правовых ценностей является условием его ценности. В таком случае качество закона дополняется таким его свойством, как ценность. Качественный закон – это тот закон, который обладает необходимыми качественными ценностями. Такой закон выступает как мера справедливости, свободы и равенства. Закон призван быть качественным в морально-правовом отношении. Качественный закон – это одновременно совершенный (качественный) в нравственно-правовом отношении нормативный правовой акт.

Однако издание законов в соответствии с правами человека еще не гарантирует их качество в полном смысле этого слова. Законы, если они не будут реализованы практически, будут иметь идеальный, декларативный харак-

тер. Критерий реализуемости прав человека, провозглашенных в законе, служит предпосылкой качества закона.

Качественный закон, принятый в соответствии с правами человека, будет успешно реализован также при условии осознания людьми, которым он адресован, самой сути прав человека. Восприятие, осознание, понимание прав человека во многом зависит от типа правовой культуры, культурно-цивилизационных устоев общества, сознания, психологии, менталитета местного населения, национальных традиций. С одной стороны, не существует проблем в восприятии и адекватной интерпретации тех правовых ценностей, которые исторически вырабатывались и апробированы в рамках собственной культуры, способствуют реализации национально-культурной идентичности. Так, права человека как идея и концепция были знакомы также восточной политико-правовой мысли. Идеи о человеческом достоинстве, свободе личности, правах человека высказали восточные перипатетики (Фараби, Ибн Сина и др.), восточные мыслители (Насуриддин Туси, Низам ал-мульк, Джамии, Ахмад Дониш и др.). К примеру, таджикский просветитель Ахмад Дониш писал, что государство необходимо представлять в образе некоего живого организма, от которого каждый человек правомочен требовать свои собственные права [37; 38].

С другой стороны, по мере углубления культурно-цивилизационных различий реализация универсальных стандартов в сфере прав человека становится проблематичным. Права человека в их западной интерпретации с трудом воспринимаются представителями других культур и цивилизаций. Как отмечает В.С. Нерсисянц, идеология естественных и неотчуждаемых прав человека, порождена «не российской социальной практикой... они до сих пор должным образом не восприняты массовым и профессиональным правосознанием» [27, с. 720].

Отсюда возникает проблема уживчивости западных концепций прав человека. А это не может не сказаться на качестве закона с точки зрения его практической реализации. Поэтому «недопустимо игнорирование культурно-цивилизационного различия, поскольку права человека отражают духовный мир человека, воспринимаются и оцениваются им в рамках его мировоззрения, морали, нравственных убеждений, религиозного, нравственного сознания» [25, с. 91].

Обеспечение гуманистического аспекта качества закона требует решения комплекса проблем. Они связаны с правопониманием, пониманием прав человека, их осознанием, восприятием, культурно-цивилизационными различиями, уровнем законопроектной работы, совершенствованием юридической техники, гарантированием прав человека и т.д. Они не могут быть успешно решены в отрыве от уровня доктринальных разработок, юридической практики и эффективности правового регулирования. Это служит подтверждением того, что данная проблема актуальна и требует дальнейшей научной разработки.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. 187 с.

2. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия. – М., 1999. 712 с.
3. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. 752 с.
4. Бектепова З.А. Качество закона: анализ содержательного аспекта / З.А. Бектепова // Журнал Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 271-275.
5. Белоусов С.А. Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных последствий законодательного дисбаланса / С.А. Белоусов // Вестник ПАГС. 2014. С. 1117.
6. Брыжинский А.А., Лукьянов А.А. Техничко-юридические критерии качества законодательного акта / А.А. Брыжинский, А.А. Лукьянов // Государство и право. Юридические науки. 2011. № 1. С. 70-74.
7. Воробьёва С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. 24 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. 524 с.
9. Гнейст Р. Правовое государство и административные суды Германии. – СПб., 1896. 371 с.
10. Гойман И.В. Теория государства и права: учебник для вузов / И.В. Гойман. М., 2005. 465 с.
11. Гойман (Червонюк) В.И. Действие права: методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.И. Гойман (Червонюк). – М., 1992. – 40 с.
12. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М., 2004. 464 с.
13. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2008 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. – М.: Совет Федерации, 2009. 512 с.
14. Игнатенко В.В. Правовое качество закона об административных правонарушениях / В.В. Игнатенко. Иркутск, 1998. 43 с.
15. Игнатенко В.В. Правовое качество закона как научная категория / В.В. Игнатенко // Сибирский юридический вестник. – Иркутск, 1998. №1. С. 7-12.
16. Иванюк О.А. Качество закона и проблемы юридической техники (обзор научно-практической конференции) / О.А. Иванюк // Журнал российского права. 2008. №2. С. 150-162.
17. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. 472 с.
18. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. В 3 т. – М.: Современный гуманитарный ун-т., 2003. Т. 3. Правовое государство. 82 с.
19. Конституция Республики Таджикистан. Принята 6 ноября 1994 г. Душанбе, 1994.
20. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. – М., 1963. 162 с..
21. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское). Лекции // Философия и социология права. СПб., 1999. 559 с.
22. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2 т. М., 1960. Т. 2. 188 с.
23. Лукашева Е.А. Права человека, политика, мораль // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2001. С. 234-276.
24. Матузов Н.И. Право и личность // Общая теория права / под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. С. 222-246.
25. Миралиев И.К. Правовое государство и права человека: монография / отв. ред. Р.Ш. Сативалдыев. – Душанбе: Изд-во «Сино». Типография Таджикского национального университета, 2015. 258 с.
26. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. 803 с.
27. Нерсисянц В.С. Постсоциалистическое общество, право и государство в России // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. – М., 2001. С. 714-732.

28. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. 552 с.
29. Нерсисянц В.С. Философия права. – М., 1998. 652 с.
30. Оносов Ю.В. Техничко-юридическое качество нормативного правового акта как критерий его эффективности / Ю.В. Оносов // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2012. №18. С 37-42.
31. Перевалов В.Д. Теория государства и права. – М., 2005. 379 с.
32. Поленина С.В. Качество закона и совершенствование правотворчества / С.В. Поленина // Советское государство и право. 1987. № 7. С.12 – 19.
33. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства / С.В. Поленина; под ред. Я.А. Куник. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. 56 с.
34. Реутов В.П. Функциональная природа системы права. – Пермь: Изд-во Пермского госуниверситета, 2002. 163 с.
35. Сативалдыев Р.Ш. История политических и правовых учений: учебник для вузов (на тадж. яз.). – Душанбе: «Эр-граф», 2011. 460 с.
36. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и права: учебник для вузов (на тадж. яз.) – Душанбе: «Империял-Групп», 2014. С. 307 – 720 с.
37. Сативалдыев Р.Ш. Политическая и правовая мысль раннесредневекового мусульманского Востока: монография. – Душанбе: Дониш, 1999. 358 с.
38. Сативалдыев Р.Ш., Кенджаев Ш.Ю. Учение Джами о праве и государстве. Изд. 2-е. Душанбе-Худжанд, 2014. 224 с.
39. Синюков В.Н. О функциях права // Вопросы теории государства и права. – Саратов, 1991. Вып. 9. С. 76 – 77.
40. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. СПб., 1995. 301 с.
41. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. / Е.В. Сырых. – М., 2001. 221 с.
42. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юрид. литература, 1984. 472 с.
43. Чичерин Б.Н. Наука и религия. – М., 1999. 495 с.
44. Червонюк В.И. Качество закона: современная проблема и проблемы демократизации / В.И. Червонюк // Юридическая техника. Ежегодник: Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. 2014. № 8. С. 488-491.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, СПЕЦИФИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Свиридова М.В.

юрист, Торговая фирма «Авто161», Россия, г. Таганрог

В статье показано, что реализация принципов правозащитной деятельности является залогом формирования правового государства. В РФ существуют механизмы противодействия злоупотреблению правом, но возможности защиты прав человека и гражданина остаются до сих пор на низком уровне, что показывает практика обращения в судебные органы. Поэтому актуальной становится проблема выявления механизмов противодействия злоупотреблению правом и соотношения между законами государства и правозащитной деятельностью.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, правовой нигилизм, правозащитная деятельность, принципы правового государства.

В процессе защиты прав человека приходится сталкиваться с трудными концептуальными и моральными проблемами, которые зачастую приводят к отчаянию и сомнениям. Прежде всего, задается вопрос, а нужны ли человеку права человека, что защищать? Эта проблема существует потому, что есть точка зрения, согласно которой свобода человека, прежде всего, внутренняя свобода, а не только внешняя. Если человек свободен внутренне, то важно ли для него, что происходит в мире. В настоящее время в правозащитной деятельности образовался разрыв между законодательством и реальной жизнью, причиной которого стали конституционные положения, относящиеся к защите прав и свобод человека и гражданина в большей степени ориентированные на международную практику, которая далека от современного положения дел в стране, а в некоторой степени даже противоположна ей.

В российском обществе существуют механизмы противодействия злоупотреблению правом со стороны государственных органов, но практика показывает, что обращение в судебные структуры не всегда оправдывает ожидания граждан. Возможности защиты прав человека и гражданина в РФ остаются до сих пор на низком уровне, поэтому актуальной становится проблема выявления механизмов сложившегося положения и формирование концепции противодействия злоупотреблению правом в процессе реализации принципов правового государства.

Актуальным является вопрос о соотношении между законами государства и правозащитной деятельностью, то есть, какими законами следует руководствоваться в ней и на какие законы нужно ссылаться. Эта проблема интересна для РФ, когда в стране существуют законы федеральные и республиканские, и в каждой республики может быть своя система законодательства. В любом случае для правозащитной деятельности источником права являются акты, принятые международными организациями, особенно ООН, поскольку они занимают более высокое место, чем национальные правовые акты. К актам международного права относятся: Декларация Прав Человека Организации Объединенных Наций и Заключительный документ Венского совещания по безопасности и сотрудничеству, Заключительный документ Копенгагенского совещания по правам человека и другие. Но если национальный закон не соответствует международным актам по правам человека, то, следует действовать в соответствии с международными правовыми актами.

В условиях реформирования российской правовой системы продолжает оставаться низкой эффективностью судебной защиты, которая приводит к правовому нигилизму населения и неприятию идей гражданского общества политическими элитами. Становление гражданского общества предполагает политическую активность граждан и более высокий уровень правозащитной деятельности, которая будучи сложным и многоплановым явлением охватывает большинство сфер жизни общества. Правозащитная деятельность направлена на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод человека. Восстановление и защита нарушенных прав и свобод должна осуществляться правовыми методами характерными для конкретных субъектов власти и в соответствии с установленными законом процедурами.

На основании анализа Конституции РФ и, в частности, п. «в» ч. 1 ст. 71 и п. «б» ч. 1 ст. 72 [1], можно сделать вывод о единстве конституционной системы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в стране. Вместе с тем в законодательстве субъектов РФ могут быть закреплены особенности культуры, истории, традиции характерные для их многонационального населения, которые позволят сделать более эффективной правозащитную деятельность.

В условиях разграничения полномочий и предметов ведения между Федерацией и субъектами, правозащитная деятельность государственных органов субъектов РФ имеет свои особенности, свой объект и осуществляется в специфических формах с использованием методов, закрепленных в законодательстве субъектов Федерации. Следовательно, задачами правозащитной деятельности государственных органов является борьба со всеми нарушениями прав человека, что должно способствовать изменению взаимоотношений между человеком, обществом и государством в направлении установления принципов правового государства.

М.В. Мархгейм пишет, что «поскольку современная концепция прав и свобод человека не может быть охарактеризована, как завершенная теория, то претендовать на исчерпывающее освещение и непреложность принципов, лежащих в ее основе контрпродуктивно» [5, с. 35]. Следовательно, когда мы имеем дело с процессом формирования правового явления, то необходим научный анализ его базовых, эмпирически апробированных исходных положений. Принципы правозащитной деятельности соотносятся с концепцией правового государства, поскольку отражают отношения, связанные с правами человека, его местом в обществе и государстве, которое берет на себя обязанность защищать их. К их числу можно отнести, принцип равенства всех перед законом и судом, принцип неотчуждаемости прав и свобод человека, принцип непосредственного действия прав и свобод человека, включающий право на судебную защиту и т.д.

Принципы правового государства – это основные идеи, по своей совокупности определяющие начала формирования безупречной модели (конструкции) государства, которое могло бы именоваться правовым [3]. Концепции правового государства – это особый синтез представлений о вероятной и желаемой реализации публичной власти согласно особенностям представлений о справедливом разделении индивидуальных и массовых интересов, основывающихся на верховенстве свободы личности, как основополагающем постулате подавляющего большинства идеологий и теорий [4]. Следовательно, если принципы правового государства – это его основные конструкции, то механизмы их реализации – это средства, которые приводят эти конструкции в движение, которое должно быть синхронизировано и отлажено.

В истории формирования правовой государственности основными началами всегда служили интересы личности, а их приоритет всегда был превыше всего, в том числе и государства. Эта идея заключалась лишь в том,

что права человека, его жизнь, здоровье и интересы всегда являются высшей ценностью, поэтому вся деятельность правового государства должна быть направлена на улучшение жизни личности и общества и создание органов деятельности, которых направлена на защиту и реализацию прав человека. Другими словами: человек, личность есть всегда и во всем только цель, но никогда не является средством, даже ради достижения великой и благородной цели. Это исходный принцип правовой государственности, можно рассматривать как принцип гуманизма. Ранее указанный принцип, по мнению И.Канта, являлся основополагающим при формировании правовой государственности. Он же дал и определение государства: «Государство – это объединение множества людей, подчиненных правовым законом» [2].

Современная юридическая наука выделяет иные требования, предъявляемые к правовому государству включающие:

- наличие развитого гражданского общества, понятие которого неоднозначно, многоаспектно, и представляет собой общественные отношения, которые выстраиваются на договорной основе между гражданами и государством. Вмешательство государства в эти отношения не допустимо, особенно путем применения административных методов;

- признание суверенитета народа, формирование обществом законодательных органов государственной власти. Как правило, этим органом является парламент, обладающий правом издания законов, имеющих высшую юридическую силу среди иных нормативных правовых актов государства. Из чего вытекает принцип демократизма;

- разделение властей, обязательное условие формирования правовой государственности. Особо место в ней занимает судебная власть, предназначенная для разрешения споров и конфликтов, возникающих гражданами, гражданами и государством.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что правозащитная деятельность включена в общие начала организации правового государства и его соотношение с гражданским обществом, она должна соответствовать внутреннему законодательству государства и общепризнанным нормам и принципам международного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета 21 января 2009 г. № 4831.
2. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах. – М., 1964. – Т.3,
3. Корельский В. Д. Перевалов. Теория государства и права. – М., 2002. С.151.
4. Мамаев К. Правовое государство: социальный идеал и реальность // Законодательство. 2003. №2.
5. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. – Ростов н/Д, 2006. С.35.

ПРЕВЕНТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тихонов Я.И.

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Россия, г. Вологда

В статье предпринимается попытка дать понятие наднационального и национального превентивного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина с учетом имеющихся в науке точек зрения. Затронут вопрос о правовых основаниях превентивного механизма, а так же о его возможной структуре.

Ключевые слова: юридическая превенция, предупреждение правонарушений, превентивный механизм, защита прав и свобод.

В качестве высшей ценности мировым сообществом признаются права и свободы человека и гражданина. В области защиты прав и свобод принято множество международных документов. На международном уровне одним из основных таких документов признается Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Однако данный документ имеет рекомендательный характер. Пакты о гражданских и политических, об экономических, социальных и культурных правах имеют обязательный характер только для подписавших их стран. Принятие подобных документов указывает на то, что мировое сообщество стремится консолидировать усилия в защиту прав человека и гражданина. Конкретизация превентивных мер по защите прав человека и гражданина происходит уже в национальном законодательстве стран. Вся совокупность актов, нацеленных в целом или в части на недопущение нарушений прав и свобод человека и гражданина может именоваться правовым основанием превентивного механизма.

Конституции и основные законы практически всех развитых современных государств устанавливают систему запретов в защиту прав и свобод человека и гражданина. При этом любые изменения и поправки, как правило, могут быть внесены только в «жестком», то есть усложненном порядке. «Жесткий» порядок внесения изменений является так же действенной превентивной мерой, средством обеспечения стабильности.

Конституции большинства современных государств могут быть охарактеризованы как «жесткие». Например, глава вторая Конституции Российской Федерации 1993 года содержит ряд прямых запретов таких как: запрет применения пыток, умаления достоинства личности, принуждения к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, повторного осуждения за одно и то же преступление. При этом пересмотр положений главы второй осуществляется в усложненном порядке, в соответствии с положениями статьи 135 Конституции Российской Федерации. Основным закон Федеративной Республики Германия 1949 года в разделе первом «Основные права» так же устанавливает систему запретов в защиту основных прав. Например: запрет унижения человеческого достоинства, причинения ущерба или оказания

предпочтения вследствие пола, происхождения, расы, языка, места рождения и родства, вероисповедания, религиозных или политических воззрений, причинения ущерба вследствие имеющихся у человека недостатков [1, с. 165]. Абсолютное большинство конституций развитых зарубежных стран могут служить примерами установления подобной системы запретов в защиту прав и свобод человека и гражданина.

Я.Ю. Реент оговаривает существование так называемого «национального превентивного механизма» стоящего на пути возможных нарушений прав человека и гражданина, олицетворенного в модели уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в конкретном государстве. Или вообще этим механизмом могут являться контролирующие органы. По мнению автора, существует национальный превентивный механизм, а значит, вероятно, должен быть и наднациональный превентивный механизм. Это подразумевается автором, когда говорится о возможности допуска при определенных обстоятельствах международных организаций к наблюдению за деятельностью правоохранительных органов конкретного государства [2, с. 79]. Я.Ю. Реент понятие национального превентивного механизма не раскрывает, однако из содержания авторского исследования можно установить, что под ним понимаются органы контроля, осуществляющие контрольную деятельность за исполнением положений, изложенными в международных пактах.

Ранее омбудсмен, как национальный превентивный механизм против пыток, рассматривался В.В. Чуксиной. По мнению ученого, он представляет собой систему специализированных действий уполномоченных омбудсменов, целенаправленных на формирование поведения должностных лиц в отношении субъектов, лишенных свободы, и организационно-правовых осуществления регулятивной и правозащитной функций конституционного и международного права по правам человека [3, с.143].

Мы считаем данный подход к понятию верным, но узкоспециализированным в связи с привязкой к лицам, лишенным свободы.

Отмечая отсутствие широкого понятия национального превентивного механизма защиты прав и свобод человека как недостаток, попытаемся предложить определения наднационального и национального превентивного механизма. Наш взгляд, наднациональный превентивный механизм – это система организационно-правовых и иных средств воздействия, как на международные, так и на внутригосударственные общественные отношения конкретных стран в целях предупреждения и недопущения нарушений прав человека и гражданина. Соответственно, национальный превентивный механизм – это система организационно-правовых и иных средств воздействия на внутригосударственные общественные отношения конкретных стран в целях предупреждения и недопущения нарушений прав человека и гражданина.

Таким образом, превентивный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина структурно в общем виде можно выразить через следующие элементы:

- 1) превентивные правовые основания;

2) предупредительная деятельность государства, организаций и граждан по обеспечению прав и свобод, соблюдению установленных запретов;

3) реализация карательных мер в отношении виновных в нарушении прав и свобод.

Действенность превенции нарушения прав и свобод человека и гражданина зависит не только от совершенства и стабильности правовых оснований, проведения предупредительной работы, но и от пристального постоянного внимания научного сообщества к данной теме, обеспечения единства теории и практики, обеспечения целостности осмысления происходящих процессов общественной жизни. Необходима дальнейшая разработка единой научной терминологической базы с учетом современных тенденций общественного развития.

Список литературы

1. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 615 с.

2. Реент Я.Ю. Организация и правовое регулирование общественного контроля за обеспечением прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся в уголовно-исполнительной системе России: дисс. ...канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 226 с.

3. Чуксина В.В. Институт омбудсмана как национальный превентивный механизм против пыток // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 3. 2012. С. 140-144.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ СТРАНАМИ ЗАПАДА И СНГ НА ПРАКТИКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

Цуканов О.В.

доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института,
канд. юрид. наук, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Гармашев М.А.

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического института,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассматривается понятие электронная коммерция, её правовая природа, легитимность использования в современном законодательстве, а также само соотношение понятий электронная сделка и электронная коммерция, как составляющая предпринимательской деятельности, законы затрагивающие электронную коммерцию странами Запада и СНГ, включающие в себя определение электронной сделки.

Ключевые слова: сделка, электронная коммерция, ЮНСИТРАЛ, Директива ЕС.

В узком значении «под электронной торговлей можно понимать производство, рекламу, продажу и распространение товаров с использованием телекоммуникационных сетей». В этом смысле электронная торговля рассматривается как особая форма совершения сделок, при которой их непосредственное заключение и исполнение осуществляется при помощи электрон-

ных средств коммуникации(связи). Сама же Правовая природа сделок остается неизменной, следовательно, их нужно регулироваться нормами права, складывающими отношения соответствующего вида (купля-продажа, подряд, аренда и т.д.). Электронный обмен данными согласно данной позиции не меняет сущности взаимоотношений сторон и влияет только на форму, в которой эти отношения строятся [3, с. 58-62].

Существующие различные подходы определения электронной коммерции обусловлены способами и средствами ее осуществления как экономической деятельности или как вида сделок, а также вопросами технической составляющей, то есть с помощью каких средств телекоммуникации она может осуществляться (посредством сети Интернет или с помощью других современных технических средств: телефона, факса, телевидения, систем электронных платежей и перевода денег, электронного обмена данными и других компьютерных сетей) [3, с. 14].

Таким образом можно отметить, что электронная торговля предполагает заключение сделок путем электронного обмена данными и другими электронными средствами передачи данных. К сделкам в электронном виде относятся сделки, заключаемые и исполняемые с использованием электронных средств связи, современных информационно-коммуникационных систем и сетей.

Такой подход соответствует положениям рамочного законодательства и конвенций, регулирующих электронную торговлю. Наибольший вклад в данной сфере сделан Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» 1996 года построен на концепции «электронного обмена данными» (ЭОД). В пункте а) статьи 2 названного Типового закона отмечается: «Сообщение данных обозначает информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими» [5]. Под электронным обменом данными (ЭДИ) (пункт b) понимается электронная передача с одного компьютера на другой информации с использованием согласованного стандарта структуризации информации. отождествление системы «электронного обмена данными» с «электронной торговлей» позволило ЮНСИТРАЛ в руководстве по применению Типового закона принять его в форме единого законодательного акта, носящего рекомендательный характер. Однако он получил возможность введения в действие различными способами, в том числе и в форме отдельных норморегулирующих положений и подзаконных актов, в нормах применимого гражданского, договорного, уголовного и процессуального права.

В сфере ведения Всемирной торговой организации анализируемое понятие включает в себя не только использование Интернета, других компьютерных сетей, телекса и телефакса, но и голосовой телефонии.

В связи с увеличением числа сделок в международной торговле, которые совершаются посредством электронного обмена данными и другими средствами связи, 23 ноября 2005 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция об использовании электронных сообщений в международных договорах. Сферой применения Конвенции является использование электронных сообщений при заключении или исполнении договоров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. Однако именно сеть Интернет стала основной технологической средой обмена электронными сообщениями при заключении и исполнении международных договоров.

Хотелось бы отметить, что упомянутые принятые документы ООН дают возможность оформления договорных отношений в электронном виде без составления предварительных соглашений на бумаге.

По классификации Всемирной торговой организации (ВТО) электронная торговля определяется как совокупность любых коммерческих сделок, реализованных на основе использования средств компьютерной и телекоммуникационной техники, и подразделяется на три категории: торговля продукцией на оцифрованных носителях, торговля товарами или услугами в режиме онлайн с доставкой, торговля услугами.

Большинство членов Совета ВТО считает, что большая часть продукции, поставляемой электронным способом, должна классифицироваться как услуги. США считают, что хотя передача по электронной сделке представляет собой услугу, сама продукция (данные, изображение, звук) при этом равноценна товарам. Европейский союз считает, что все три категории электронной торговли являются услугами. Директивы ЕС об электронных подписях (1999 г.), об электронной коммерции (2000 г.) подробно определяют сферу правового регулирования электронной коммерции и оказания услуг, связанных с осуществлением электронной предпринимательской деятельности. Под ними понимаются услуги, оказываемые по индивидуальному запросу клиента на расстоянии, обычно за вознаграждение, посредством электронной передачи и хранения данных. Устанавливается также перечень требований к участникам электронной коммерции, особенно к поставщикам информационных услуг. К ним относят лиц, оказывающих услуги электросвязи и информационного обмена на постоянной основе.

Директива ЕС об электронной коммерции выдвигает определенные требования к сообщениям, направляемым в рамках осуществления коммерческой деятельности, то есть коммерческим сообщениям – это идентификация коммерческих сообщений как таковых и идентификация отправителей коммерческих сообщений.

В Европейском союзе применяется достаточно жесткий внутренний режим электронных подписей, связанный с субъективными критериями надежности.

В штатах Америки Национальной комиссией уполномоченных штатов разработаны два единообразных закона: об электронных сделках (1999 г.) и о сделках в сфере компьютерной информации (2000 г.), основанные на Типо-

вом законе «Об электронной торговле». В них предусмотрены нормативные положения, устраняющие барьеры для электронной торговли, вызванные бумажным делопроизводством. Установлены также минимальные требования по юридическому признанию электронных сообщений, электронных подписей и иной электронной документации без предоставления преимуществ для определенных видов технологий или методов.

Важным международным правовым актом, направленным на регулирование отношений в области осуществления электронной торговли, стал модельный закон «Об электронной торговле», принятый 25 ноября 2008 года Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ (постановление № 31-12), рекомендованный для использования в национальном законодательстве. Целью данного модельного закона является правовое обеспечение условий для электронной торговли на основе признания электронных сообщений. Определены базовые понятия «электронная торговля», «электронная сделка», «электронное сообщение», «электронный договор». Так, электронная торговля – это торговля, осуществляемая с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур. Электронная сделка – это любая сделка, совершенная сторонами сделки посредством проведения электронных операций по сделке. Электронный договор – это гражданско-правовой договор, осуществляемый на основе использования информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур.

В России до сих пор отсутствует специальное законодательство, которое бы должным образом регулировало отношения в сфере электронной коммерции, определяло бы ее правовое обеспечение. В настоящей правовой ситуации в РФ так и не сложилась единообразная терминологическая база и общеправовое употребление терминов «электронная торговля», «электронная коммерция(торговля)», «электронная сделка», «электронный документ», «электронная база данных». Существует определенный законодательный базис по частичному регулированию электронной торговли, который включает Федеральные законы «Об электронной цифровой подписи» (2002 г.), «О связи» (2003 г.), «Об информации, информатизации и защите информации» (2006 г.). В комитетах Государственной Думы находится на рассмотрении несколько проектов законов «Об электронных сделках», «Об электронном документе», «Об электронной торговле». Необходимо разработать достаточно конкретно-направленный закон, который бы мог обеспечить гражданско-правовое регулирование и обеспечение электронных сделок в электронной коммерции.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] от 30.11.1994 №51-ФЗ действующая редакция от 23.05.2015 – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072/>.
2. Об электронной подписи [Электронный ресурс]: федер. закон Рос. Федерации от 01.07.2011 № 169-ФЗ – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171278//

3. Электронная коммерция: Учеб.пособие / Под общ. ред. Л.А. Брагина. М.: Экономистъ, 2005.

4. Васильева Н.М. Электронная коммерция как правовая категория [Электронный ресурс] Электронный портал «E-commerce law» – Режим доступа: <http://ecommercelaw.ru/elektronnaya-kommerciya-kak-pravovaya-kategoriya.html>

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле> [англ.] (Вместе с <Руководством по применению Типового закона (1996)>) (Принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 – 14.06.1996 на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ) (с изм. и доп. от 01.06.1998-12.06.1998) – Режим доступа:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card;page=splus;;ts=018927155065534619064>
82

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Чебуренков А.А.

доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии, канд. юрид. наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, г. Саранск

Зобнин А.С.

магистрант юридического факультета, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, г. Саранск

В статье рассмотрены вопросы о понятии принципов деятельности по расследованию преступлений, предложена оптимальная структура системы данных принципов, включающая общеправовые, уголовно-процессуальные, организационно-управленческие и тактические принципы расследования преступлений.

Ключевые слова: расследование преступлений, принципы, деятельность, система.

Уголовно-процессуальный закон, регламентируя деятельность по расследованию уголовных дел, далеко не для всех возможных ситуаций правоприменения предусматривает четкие и конкретные правила (нормы) поведения субъектов данной деятельности. Уголовно-процессуальная и криминалистическая науки также не предлагают исчерпывающего перечня рекомендаций для действий следователя, дознавателя в каждом конкретном случае расследования того или иного преступления. Поэтому важное значение придается выработке таких исходных положений, правил, условий осуществления следственной деятельности, которые позволяли бы на практике всегда точно действовать в соответствии с ее назначением, в полном объеме использовать предусмотренные законом и разработанные криминалистикой средства расследования преступлений. Такие исходные положения, основные правила, важнейшие условия могут рассматриваться в качестве принципов деятельности по расследованию преступлений.

Само понятие «принцип» в литературе употребляется прежде всего для

обозначения принципов науки, результатов научных исследований. В этом смысле любой принцип представляет из себя определенный теоретический вывод общего характера, важнейшую идею, базирующиеся на совокупности определенных знаний. Принципом в таком понимании может считаться какой-либо постулат, исходная посылка, важнейшее отношение, фундаментальная закономерность и т.п. [1, с. 165].

Наряду с пониманием принципов как выражения теории выделяют также и принципы практической деятельности, которые являются основными правилами, важнейшими условиями организации и осуществления определенной деятельности. Принципы в таком виде должны отражать сущность и содержание конкретного вида практической деятельности, учитывать ее специфику и назначение, служить средством оформления структуры данной деятельности в соответствии с ее объективно-закономерным характером. Система принципов любой практической деятельности одновременно является и критерием при оценке качества и эффективности этой деятельности по достижению поставленных перед ней целей.

Принципы деятельности по расследованию преступлений – это отражающие закономерности данного вида деятельности основные положения, исходные начала и условия ее осуществления, соблюдение которых обеспечивает оптимальное достижение целей расследования преступлений [8, с. 136].

Принципами могут признаваться не любые характеризующие расследование положения, а только те, которые отражают основные свойства (черты) деятельности по расследованию преступлений; объективно обусловлены содержанием и назначением этой деятельности; отличаются высокой степенью общности и имеют определяющее значение для всей системы следственной деятельности.

В литературе сформулировано большое число различных принципов, имеющих отношение к расследованию преступлений, что является закономерным результатом выделения и изучения разных сторон данного вида деятельности. Так, выделяется группа процессуальных принципов предварительного следствия, выражающих специфику применения основополагающих условий уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования [6, с.6-12]. В криминалистике разработаны принципы формирования и применения методик расследования отдельных видов преступлений, и некоторые из них характеризуют те требования и условия, в соответствии с которыми должна осуществляться следственная деятельность [7, с. 121-128; 3, с. 201-203; 9, с. 118-119]. В.А. Образцовым предпринята попытка сформировать систему специальных – криминалистических принципов деятельности по выявлению и расследованию преступлений, в которую входят группы базовых и технологических принципов [5, с. 74-76].

В связи с различной формой выражения принципов деятельности по расследованию преступлений возникает вопрос о степени обязательности положений, образующих содержание того или иного принципа, для следователей и дознавателей при выполнении ими своих профессиональных функ-

ций. Представляется, что обязательными для субъектов деятельности по расследованию преступлений должны быть не только принципы, прямо сформулированные в нормах закона. Необходимо исходить из того, что все принципы деятельности следователя – не просто научные категории, идеи, взгляды и т. п., это правовые требования, которыми следователь должен не только руководствоваться, но и осуществлять их на практике [2, с. 34-35]. Принципы, выработанные криминалистической наукой и не получившие законодательного закрепления, могут считаться обязательными в силу того, что они оптимизируют следственную деятельность, являются основой для выбора допустимых и эффективных средств расследования преступлений, ориентируют следователя (дознателя) на получение достоверных и полных сведений по делу. Несоблюдение принципов, не имеющих нормативного характера, как правило, влечет отрицательные последствия для расследования, может привести к нарушениям закона, что также придает этим принципам свойство обязательности.

Наличие различных систем принципов деятельности по расследованию преступлений указывает на то, что пока не существует их исчерпывающего перечня, включающего все необходимые в практической сфере правила (условия) организации и осуществления расследования. Это актуализирует задачу разработки научно обоснованной классификации принципов расследования.

Среди предложенных в литературе вариантов классификаций принципов деятельности по расследованию преступлений наибольшее теоретическое и практическое значение имеет деление рассматриваемых принципов на общие и частные [4, с. 15-16]. К *общим принципам* относятся те основные положения, которые характерны для всех аспектов и видов практической деятельности, в том числе и в сфере борьбы с преступностью. Выражаемые данными принципами обязательные требования должны быть применимы в полном объеме к расследованию преступлений как одному из видов деятельности. *Частные принципы* образуют исходные начала, основные положения, которые отличают деятельность по расследованию преступлений от иных видов деятельности (по характеру, назначению, порядку осуществления и т. д.). Данные положения характеризуют какой-либо аспект следственной деятельности, отражающий ее специфику и важнейшие свойства. Все частные принципы регулируют непосредственно деятельность по расследованию преступлений, и их предписания адресованы только следователю (дознателю) как основному субъекту данной практической деятельности.

В структуре выделенных групп общих и частных принципов расследования возможна также их классификация на другом уровне, в зависимости от сферы разработки и применения положений, составляющих содержание того или иного принципа. Здесь целесообразно различать *общеправовые, уголовно-процессуальные, организационно-управленческие и тактические принципы* деятельности по расследованию преступлений.

Все самостоятельные принципы расследования преступлений должны образовывать единую целостную систему. Конструирование данной системы

необходимо производить только после тщательного анализа содержания всех положений, относимых к числу принципиальных (с точки зрения степени общности, объективной обусловленности, полноты и т. п.) и выявления их соотношения (логической связи) между собой (взаимной независимости и вместе с тем взаимосвязи друг с другом, непротиворечивости и др.). В эту систему могут быть включены лишь наиболее общие, исходные положения, которые объединены единством целей (задач) следственной деятельности и не зависят от субъективного усмотрения отдельных лиц. В соответствии с условиями построения системных объектов все принципы должны быть самостоятельными по содержанию, но взаимосвязанными и дополняющими друг друга. Как сложное интегративное образование, система принципов расследования должна обладать внутренней структурой, при этом отдельные принципы могут располагаться по иерархии, включать положения более низкого уровня.

С учетом изложенной классификации принципов деятельности по расследованию преступлений и требований к форме их целостной организации можно предложить систему данных принципов в следующем виде.

1. Общие принципы расследования преступлений:

- 1.1. Общеправовые принципы (законность; гуманизм; справедливость);
- 1.2. Уголовно-процессуальные принципы (уважение чести и достоинства личности; охрана прав и свобод человека и гражданина; неприкосновенность личности, жилища, личной жизни, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту и др.);
- 1.3. Организационно-управленческие принципы (планирование; взаимодействие; кооперирование труда; экономичность; сочетание единоначалия и коллегиальности и т.д.).

2. Частные принципы расследования преступлений:

- 2.1. Уголовно-процессуальные принципы (полнота, всесторонность и объективность расследования; публичность; процессуальная самостоятельность и ответственность следователя и др.);
- 2.2. Тактические принципы (внезапность; избирательность; ситуационность применения средств расследования; недопустимость разглашения данных предварительного следствия и пр.);
- 2.3. Организационно-управленческие принципы (быстрота и оперативность; полное использование существующих возможностей подразделений правоохранительных, иных государственных органов и специализированных служб, экспертных учреждений и т.д.).

Предложенная система принципов расследования может рассматриваться как единая совокупность основных положений, регулирующая следственную деятельность, обеспечивающая ее внутреннее единство и отражающая специфику данного вида деятельности в уголовном судопроизводстве и криминалистической практике.

Список литературы

- 1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.

2. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1981. 192 с.
3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М.: Новый Юрист, 1997. 400 с.
4. Лукьянчиков Е.Д., Кузьмичев В.С. Тактические основы расследования преступлений: учеб. пособие. Киев: Киев. высш. школа МВД, 1989. 49 с.
5. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. Курс лекций. М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 400 с.
6. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М.: ИНФРА-М, 1998. 732 с.
7. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.
8. Чебуренков А.А. Основы теории расследования. М.: Юрлитинформ, 2010. 176 с.
9. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. М.: Юстицинформ, 2006. 464 с.

РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

Чивела В.В.

магистрант 2 курса кафедры академии права и национальной безопасности,
ЧОУ ВО «Южный университет» (ИУБиП), Россия, г. Ростов-на-Дону

Научный руководитель – доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины»
ЧОУ ВО «Южный университет» (ИУБиП), канд. юрид. наук Семенцова И.А.

В статье защита прав членов семьи рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений деятельности органов опеки и попечительства. Данное направление позволяет осуществить действенную помощь всем членам семьи, как ребенку, так и взрослому, обеспечить уровень социальной и нравственной стабильности семьи, что является основой благополучия и укрепления семьи и развитие правовой культуры семейных отношений в целом.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, защита прав, социальная и нравственная стабильность семьи, развитие правовой культуры семейных отношений.

В настоящее время защита прав человека и гражданина, в том числе и членов семьи, является одной из приоритетных задач как международного, так и отечественного права. Все люди равны перед законом и принадлежащие им права и свободы охраняются государством.

Основные права и свободы граждан Российской Федерации закреплены в ее Конституции и подлежат охране со стороны государства.

Согласно ст. 38 Конституции материнство, детство и семья находятся под защитой государства, и забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. [1, с. 15]. Но часто случается так, что родители не могут по объективным причинам или не хотят заботиться о своем ребенке, и тогда государство берет на себя заботу о ребенке. Каждому гарантируется

социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

Государственные и муниципальные органы и учреждения, призванные защищать права и свободы членов семьи, реализуют государственную политику, устанавливают определенный порядок взаимодействия органов и учреждений, межведомственных взаимосвязей, направленных на поддержку несовершеннолетних детей и их родителей.

Обеспечение элементарных потребностей семьи в личной безопасности, жилье, образовании, здравоохранении, создающих необходимые условия для процесса эффективной социализации детей и семьи – это задача компетентных органов, комитетов, комиссий, организаций, учреждений и ведомств, наделенные соответствующими полномочиями.

Защита семейных прав осуществляется различными органами, в том числе органами опеки и попечительства, то есть органами местного самоуправления, наделенными полномочиями по решению вопросов местного значения и не входящими в систему органов государственной власти, но только в случаях, непосредственно предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации. Вопросы организации и деятельности этих органов определяются уставами муниципальных образований в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

Семейный кодекс Российской Федерации отводит значительную роль в защите прав членов семьи именно органам опеки и попечительства. Согласно статье 78 Семейного кодекса Российской Федерации органы опеки и попечительства должны быть привлечены судом к участию в деле при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту ребенка [2, с. 23].

Весьма значимой и ответственной является функция попечения над ребенком, который передается органам опеки и попечительства по решению суда в случаях, установленных законом (лишение родителей родительских прав, ограничение родительских прав, отмена усыновления ребенка и т.д.).

Обязательным является участие органа опеки и попечительства в исполнении решений суда по отобранию ребенка и передаче его другому лицу. В безотлагательных случаях, то есть при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, орган опеки и попечительства вправе самостоятельно отобрать ребенка у родителей [3, с. 23].

В некоторых случаях перечисленные формы защиты семейных прав органами опеки и попечительства являются взаимосвязанными, взаимодополняющими. Так, например, лишение родителей родительских прав осуществляется судом, как по заявлению, так и с участием органов опеки и попечительства.

Для осуществления функций по защите семейных прав в рамках названных выше форм органы опеки и попечительства наделены необходимыми полномочиями.

Помимо участия в судебных заседаниях специалисты органов опеки и попечительства проводят консультативную работу с семьями по различным

вопросам в рамках семейного, гражданского, административного, жилищного и трудового законодательства.

Приоритетным направлением в деятельности органов опеки и попечительства является защита прав членов семьи и от того, как профессионально будут работать специалисты органов опеки и попечительства, зависит разрешение многих спорных ситуаций и проблем, возникающих при работе с каждым из членов семьи.

Специалисты органов опеки и попечительства на местах должны быть проводником между членами семьи и органами государственной власти для урегулирования спорных вопросов и полной защиты семьи.

Таким образом, гарантом процесса эффективной социализации личности в современных условиях при непосредственном участии всех ее субъектов выступает система социальной защиты, но непосредственно функцию защиты прав и свобод каждого ребенка и его семьи выполняют органы опеки и попечительства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ], Москва, ИНФРА-М, 2015, 15 с.

2. Семейный кодекс Российской Федерации, № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015 [федеральный закон принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 8 декабря 1995 г., введен в действие с 1 марта 1996 г.], Москва, Эксмо, 2015, 23 с.

3. Семейный кодекс Российской Федерации, № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015 [федеральный закон принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 8 декабря 1995 г., введен в действие с 1 марта 1996 г.], Москва, Эксмо, 2015, 23 с.

ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ДУХЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА

Чудаев А.К.

старший специалист отдела,
УФМС России по г. Москве по району Чертаново-Северное,
референт ГГС РФ 1 класса, член Ассоциации Юристов России,
советник Российской Академии Естествознания,
аспирант, Международного юридического института,
ветеран боевых действий, капитан полиции в запасе, Россия, г. Москва

В данной статье автор рассматривает систему гражданско-патриотического воспитания молодёжи в ВУЗах, проводит анализ её недостатков, а также предлагает способы совершенствования данной системы, осуществляемое в Российской Федерации на современном этапе, анализируя аналогичные мероприятия, осуществляемые Советским государством в период существования СССР. При этом выделяет основные проблемы, связанные с недостаточным охватом масштаба и несовершенства методов и форм воспитания.

Автор устанавливает конечную цель патриотизма и видит ее в стремлении гражданина к благополучию государства и ее народа.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание молодежи, гражданское патриотическое сознание, гражданская активность, высокие гражданские идеалы, патриот, гражданственность, подлинный патриотизм, духовно нравственное воспитание.

Россия без каждого из нас обойтись может,
но никто из нас без нее не может обойтись;
горе тому, кто это думает, двойное тому,
кто действительно без нее обходится.

Тургенев И.С.

Введение

Многими исследователями состояние, в котором пребывает Российское общество, характеризуется как кризис идентичности, сопровождающийся отходом от многих традиционных ценностей.

Одной из злободневных является проблема формирования гражданской идентичности современной молодёжи. Ведь Российская молодёжь это многочисленная социальная группа, социализация которой происходит в непростых условиях. Значение этой группы в социальном отношении обусловлено той большой ролью, которую она играет в общественной жизни России. Молодёжь является наиболее социально активной частью населения. Она наследует степень развития общества, формирует образ будущего и должна рассматриваться как инновационный потенциал, роль которого возрастает во всех сферах жизнедеятельности общества. Учитывая социальные реалии нашего государства и, в частности, смену ценностных ориентиров в системе социализации подрастающего поколения, проблема формирования гражданской идентичности молодёжи в настоящее время приобрела особую остроту. В современном мире трудно воспитывать у молодых людей моральные качества, присущие настоящему гражданину России. Причины в основном понятны: это и трудности, которые переживает страна, так же и трудности каждого человека в отдельности. Но если не уделять особое внимание воспитанию патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения, это приведёт к падению нравственности и духовности, а в дальнейшем может привести и к разрушению государства. О проблемах нравственного воспитания молодёжи, а в более узком смысле о проблеме воспитания в ней патриотизма и гражданственности пойдёт речь в моей работе.

I. Патриотизм и патриотическое воспитание

В современной России **патриотизм** занимает особое место в обществе, являясь тем самым фактором, который объединяет большое количество граждан нашей страны. Несомненно, важным и основополагающим в патриотизме является патриотическое воспитание молодёжи как фундамент сильного и стабильного государства.

Патриотическое воспитание — это сложная система формирования патриотического сознания, готовности к выполнению гражданского долга, конституционных обязанностей по защите интересов Отечества. *Подлинный*

патриотизм основан на глубоком усвоении культуры и истории своего народа, общественной активности и гражданственности личности, осознающей социальную значимость собственной деятельности в интересах укрепления и развития Родины [1].

В настоящее время в нашей стране уделяется большое внимание патриотическому воспитанию студенческой молодежи. Патриотическое воспитание молодежи в вузах преследует цель: привить понимание и осознанное использование или выполнение прав и обязанностей гражданина. Условно патриотическое воспитание молодежи можно разделить на следующие элементы: **духовно-нравственное воспитание, физическое воспитание, культурно-массовая и творческая деятельность, студенческое самоуправление и студенческая научно-исследовательская работа** [2].

Практически все эти направления активно реализуются в ВУЗах. В частности, на базе многих образовательных организаций проводятся мероприятия, приуроченные к государственным праздникам и памятным датам, ведется пропаганда достижений национальной науки, культуры и государственности, отечественного спорта, трудовых свершений граждан, подвигов защитников Отечества, государственных символов, разрабатываются методические пособия, проводятся социологические исследования в данной области.

Представляется интересным практический пример патриотического воспитания молодежи в Международном юридическом институте при Министерстве Юстиции РФ, в котором проводятся следующие мероприятия направленные на патриотическое воспитание студентов: реализуются проекты гражданско-патриотического характера, такие как возложение венков к могиле неизвестного солдата, в Александровском саду. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в Москве прошли такие мероприятия как: «Память и гордость в сердцах поколений», «Имена героев», студенческий фестиваль «Победа добытая единством», проводятся встречи с Ветеранами ВОВ, встреча с войнами афганцами, принимают активное участие в концерте посвящённом «Дню защитника отечества» и многие другие, направленные на патриотическое воспитание молодежи.

Рассмотрим опыт Международного юридического института как одного из примеров по отношению ко многим другим, в Москве по воспитательной работе со студентами. МЮИ ежегодно проводит межфакультетские конкурсы «А ну-ка, парни!», направленный на военно-патриотическое воспитание молодёжи, в рамках которого проходит смотр строя и песни, проверка участников на знание истории Отечества, основ военной подготовки, проверка их физической подготовки [4-9].

Студентами МЮИ создана и активно действует молодежная общественная организация «Студенческое научное общество», являющаяся, на мой взгляд, ярким примером патриотического воспитания в духе гражданственности. В рамках научного сообщества реализуются такие проекты, как Парламентские дебаты и Дискуссионный клуб «К барьеру», где студенты учатся спорить и отстаивать свою точку зрения по наиболее злободневным вопросам современной политической жизни. Проводятся викторины на зна-

ние истории и современности России. Проходят научно-практические мероприятия, в том числе круглые **столы** и диспуты, на которые приглашаются видные общественные и государственные деятели различных научных, общественных и иных организаций, с которыми в рамках диалога обсуждаются проблемы, которые волнуют молодежь. Выработанные в рамках проводимых научно-практических мероприятий предложения направляются в органы государственной и местной власти. Проводятся и активно участвуют в множестве других мероприятий, на которых студенческая молодежь многому учится и воспитывает в себе активную гражданскую позицию и другие качества, необходимые в дальнейшей жизни как гражданину России. Сообщество работает по принципу самоуправления, планирование деятельности и решение всех вопросов осуществляется самими студентами, тем самым ими приобретается опыт студенческого самоуправления [10].

Деятельность студенческого научного сообщества» представляется полезной и интересной. Студенты МЮИ приняли участие в Фестивале Русского географического общества.

Таким образом, гражданско-патриотическое воспитание является необходимым элементом образовательного процесса в высших учебных заведениях. Патриотическое воспитание находится в приоритете у государства, поэтому данное направление необходимо всячески развивать, совершенствовать и вовлекать в него большую часть студенческой молодежи [15].

II. Цель патриотического воспитания

Целью патриотического воспитания: является формирование в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития. Исходя из выше сказанного, *патриотическое воспитание призвано* стать отдельной системой воспитания личности [11]. Но почему же возникает потребность в формировании всех этих качеств, казалось бы, естественных для граждан сильной и могучей державы? Для этого необходимо понять, что же такое «патриотизм» и что значит быть патриотом своей Родины. Несмотря на относительную понятность этого термина, который чаще всего трактуется как «любовь к Родине», исторически сложились разные точки зрения относительно него. Ученые, философы, писатели оценивают патриотизм исходя из своих политических, философских убеждений, учитывая ситуацию в стране, поэтому и существуют кардинально различные мнения. Например, точка зрения Льва Толстого по поводу патриотизма идет вразрез с привычным пониманием данного слова. По его мнению, для правителей патриотизм – это орудие достижения властолюбивых целей. А для управляемых – рабское подчинение тем, кто у власти. Патриотизм есть рабство [12]. Тому, что подобный «патриотизм» существовал, свидетельствуют мировые и гражданские войны, национализм и т.д. Существует и другое определение понятия «патриотизм». Патриотизм – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием

которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы [14]. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности, идентификация себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа. Исторический источник патриотизма – веками и тысячелетиями закреплённое существование обособленных государств, формировавшие привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии. Как же такой патриотизм превращается в то явление, которое определяет Толстой? Профессор Чикагского университета Пол Гомберг сравнивает патриотизм с расизмом, потому что тот и другой предполагают моральные обязанности и связи человека, прежде всего с представителями «своей» общности [11]. Критики патриотизма отмечают также следующий парадокс: если патриотизм – добродетель, а во время войны солдаты обеих сторон являются патриотами, то они одинаково добродетельны; но именно за добродетель они и убивают друг друга, хотя этика запрещает убивать за добродетель. Слово патриотизм наиболее часто употребляется, когда говорят о подвигах солдат, подвергших себя лишениям, презревшим страх, **и, наконец, отдавшим жизнь во имя Родины**. Здесь идет речь о военно-патриотическом воспитании, как объекте, которому уделяется наибольшее внимание со стороны государства и который является наиболее пропагандируемым. Мужество и отвагу необходимо воспитывать в настоящем гражданине, потому что каждый настоящий патриот должен считать **честью для себя защищать интересы Отечества**, когда оно подвергается военной угрозе, но многие согласятся, что война – это экстренная ситуация, к которой нужно быть готовым, но не стоит забывать и о патриотизме в повседневной жизни. Военная мощь – это во многом гарант стабильности и безопасности государства на международной арене, но является ли она основным показателем престижа и авторитета страны? Готовность к защите Родины – это очень важный аспект, но неужели лишь на этом строится патриотизм граждан? Уже давно сложилось как традиция то, что авторитет государства и престиж на международной арене завоевывают другие национальные герои. Речь идет о спортсменах. Мы можем гордиться своими соотечественниками, которые, несомненно, являются образцами мужества, отваги, трудолюбия и терпения, но как обычный гражданин может гордиться собой как патриотом своей страны? Большинство населения не является ни военными героями, ни великими спортсменами. Что же такое патриотизм для обычного человека? Неужели это только гордость за своих великих атлетов, воинов, ученых писателей, поэтов, композиторов и т.д.? Ведь чувство патриотизма должно быть общенародным, оно должно греть изнутри каждого человека, потому что он должен быть горд за свою страну и за себя, как гражданина своего Отечества. Он должен видеть все это вокруг себя, а не смотреть по телевизору, слушать по радио и читать в газетах. Патриотизм – это ежедневный труд каждого, который в итоге складывается в большой подвиг

всего государства. Чувство патриотизма естественно в человеке, когда он знает, что работает во благо себе, своим близким, своей стране, а не пытается выживать, наблюдая по телевизору тех, кто живет намного лучше его. Каждый человек мечтает быть таким патриотом, который знает, что своим повседневным трудом делает вклад в развитие искусства, культуры, науки, образования, медицины и т.д. В настоящее время мировоззрение студентов ВУЗа отличается прагматичным отношением к образованию, направленным на получение престижной специальности, как средству достижения материальных благ и высокого социального статуса, потребительское и пассивное отношение к культуре, приверженность западным идеалам карьеризма и социальной успешности. Однозначно оценить данные черты достаточно сложно, но также необходимо отметить, что именно в период студенчества формируется ценностная и профессиональная ориентация. Студенты – это один из самых активных социальных слоев населения, обладающий высоким интеллектуальным потенциалом. Однако, неопределенность в будущем, обусловленная трудностью в определении последующего места работы по полученной специальности, падения престижа многих профессий, а также служба в армии после окончания ВУЗа, заставляют задумываться о возможностях легкого заработка, о поиске вариантов избежать воинской повинности, об эмоциональной разгрузке и т.д. Результаты опроса Института социологии РАН, проведенного в 2009 году показали, что среди молодежи 55% – те, кто готов переступить через моральные нормы для достижения успеха. Значительная часть – от 30 до 50 % молодежи – не считают неприемлемым обогащение за счет других, хамство, проституцию, пьянство, дачу и получение взятки, аборт, супружескую измену, публичное проявление неприязни к людям других национальностей [13]. Семенов отмечает, что ценностные ориентации молодежи за последние 30-40 лет претерпели заметные изменения, особенно это касается значимости труда. В советское время, в 1960-е – первой половине 1970-х гг., ценность интересной работы у молодежи была на первом месте, ее выбрали не менее 2/3 респондентов; теперь она находится на четвертом месте. Это обусловлено, в частности, тем, что в ходе реформ была упразднена идеология особой общественной значимости труда, трудового воспитания. В современных СМИ исчез образ честного труженика, передовика производства, вообще всякого трудящегося человека. Быть рабочим, техником, инженером стало не престижным. Произошла замена «героев труда» «идолами потребления» (поп-звезды, юмористы, пародисты, астрологи и т. п.) [12].

Заключение

Мы выяснили, что патриотизм – высокоморальное чувство, важная часть ценностной структуры любого гражданина, поэтому направленное только лишь военно-патриотическое воспитание и не даст должного результата. Формирование у студенческой молодежи социально значимых патриотических качеств и ценностных установок должно осуществляется через изучение гуманитарных дисциплин, их участие в деятельности общественных организаций патриотической и военно-патриотической направленности, а также в соответствующей деятельности различного рода молодежных дви-

жений, акций, инициатив, конкретных мероприятий и т.д. Патриотическое воспитание в ВУЗе должно проводиться масштабно, затрагивая почти все сферы жизни молодых людей.

Нравственное воспитание определяется как целенаправленное формирование морального сознания, развитие нравственных чувств и выработка навыков и привычек нравственного поведения. Из определения видно, что нравственность как личностная характеристика – явление весьма сложное, многоуровневое, объемлющее такие личностные структуры как разум, чувства, воля. Поэтому нравственное воспитание может быть определено как единый процесс воспитания: нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма), нравственного облика (терпения, милосердия, кротости, незлобивости), нравственной позиции (способности к различению добра и зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний), нравственного поведения (готовности служения людям и Отечеству, проявления духовной рассудительности, послушания, доброй воли).

Воспитательная работа в образовательных учреждениях, ориентированных на гражданское воспитание подростков и молодежи дает возможность отвлечения их от негативного воздействия уличной среды, компьютерной зависимости и прочих негативных факторов воздействия на подсознание и привлечение к общественно-полезной деятельности, формирование правовой и нравственной культуры подрастающего поколения, профессионализма и гражданской активности.

Суть гражданского и патриотического воспитания состоит в том, чтобы посеять и вырастить в душе семена любви к родной природе, к родному краю, дому и семье, к истории и культуре страны, созданной трудами родных и близких людей, тех, кого зовут соотечественниками.

Список литературы

1. Патриотизм и патриотическое воспитание в ВУЗе [Текст] / А.В. Шлыков // Молодой ученый. – 2012. – №8. – С. 386-388.
2. Инновационные подходы в патриотическом воспитании [Текст] / Л.П. Гулянова, В.В. Непша // Высшее образование в России. – 2014. – №12. – С. 113-118.
3. Опыт организации патриотического воспитания в классическом университете [Текст] / О.Н. Широков [и др.] // Высшее образование в России. – 2014. – №11. – С. 97-104.
4. Ханнанова Т.Р. Концептуальные основы Государственной аграрной политики в РФ Мир и политика. 2013. № 2 (77). С. 4.
5. Гарифуллина Э.Ф., Ханнанова Т.Р. Развитие человеческого потенциала как стратегическое направление современной Государственной политики России Право и политика. 2012. № 9. С. 1565-1571.
6. Ханнанов Р.А., Ханнанова Т.Р. Развитие правового обеспечения аграрного сектора экономики на инновационной основе Аграрный вестник Урала. 2010. № 2 (68). С. 79-82.
7. Ханнанов Р.А. Развитие учения о юридических фактах в гражданском праве Уфа, 2006.
8. Ханнанов Р.А. Юридические поступки в системе социально экономического развития России Академия наук Российской Федерации; Уфимский научный центр; Башкирский государственный аграрный университет. Уфа, 2007.

9. Ханнанов Р.А. Аграрное право проблемы и пути развития Право и политика. 2008. № 4. С. 933-940.
10. Гарифуллина А.Ф. Проблемы реализации прав гражданина экологически значимую информацию в сборнике: Научное обеспечение инновационного развития АПК материалы Всероссийской научно-практической конференции в рамках XX Юбилейной специализированной выставки "АгроКомплекс-2010". 2010. С. 220-222.
11. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. 2007. С. 37-43.
12. Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 39.
13. Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века. // Ориентир. – 1996. – № 12. – С.31.
14. Федеральный закон «О военной обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. №53 – ФЗ. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений».
15. Ханнанов Р.А., Шапошникова Р.Р. Проблемы повышения эффективности деятельности судебной власти Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2013. Т. 3. № 4 (04). С. 86-88.
16. Медведев Д.А., проект федерального закона «О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации». 2011, электронный ресурс. Проблемы духовно-нравственного состояния общества и подрастающего поколения. Брошюра составлена Комиссией Общественной палаты РФ по социальной и демографической политике, Комитетом Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, Общественным советом Центрального федерального округа. Москва 2009 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Шарифзода С.Ш.

ассистент кафедрой теории и истории государства и права,
Таджикский национальный университет, Таджикистан, г. Душанбе

В статье раскрывается понятие функций государства, их классификация на внутренние и внешние в контексте плюрализма мнений по данному вопросу. Автор обосновывает свою позицию о различных сторонах этого вопроса, в том числе о классификации функций государства по направлению деятельности, классификации функций государства и др.

Ключевые слова: функции государства, система функций государства, классификация, классификация функций государства, критерии классификации.

Вопрос о классификации функций государства является одним из актуальных проблем теории государства и права, в частности, теории функций. Прежде чем рассматривать вопрос о классификации функций государства на внутренние и внешние, необходимо кратко остановиться на разграничении понятия «функции государства», «система функций государства», «классификация функций государства». В научной литературе значение слова «классификация» раскрывается через призму словосочетания «система функций».

Понятие «функции государства» является одним из важных объектов познания теории государства и права. Вокруг него высказываются различные суждения исследователей, так как функции государства выражают ту или иную сущность государства. Однако и здесь у авторов нет единого мнения. Одни авторы утверждают, что функции государства – это основные (главные) направления его деятельности, по мнению других, функции – это любые направления деятельности, характеризующиеся определенностью. Третья группа авторов полагает, что функции государства – это деятельность государства в определенном направлении.

Наибольшее распространение в научной литературе получило понимание функций государства как направлений его деятельности. Функции, как отмечает М.И. Пискотин, это направления необходимой деятельности государства, обусловленные объективными потребностями общественной жизни, с точки зрения ее внутренних и внешних задач [15, с. 90 – 91]. По мнению С.С.Алексеева, функции государства – это основные направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и присущими ему методами [1, с. 146]. По мнению Р.Ш. Сативалдыева, функций государства – эта обусловленные потребностями общественной жизни основные направления деятельности государства по выполнению стоящих перед ним задач [20, с. 107]. Г.С. Азизкулова и И.И. Камолов отмечают, что функции государства – это основные направления (стороны, виды) деятельности государства по реализации социальных, экономических, политических и других, стоящих перед ним задач для достижения определенных целей, обусловленных как классовой, так и общественной его сущностью и социальным назначением [2, с. 125]. По мнению В.В. Лазарева, функции государства – это «основные направления его деятельности, определенная работа, показывающая на роль и значение данной организации; круг его деятельности, осуществляемой по установленной в законе или договоре обязанности» [10, с. 90].

Функциями государства являются основные направления функционирования государства, направленные на выполнение экономических, политических, социальных, экологических и других задач. Что касается задач государства, то они охватывают жизненно важные, требующие решения вопросы и проблемы, которые проявляются в различных направлениях (экономических, социальных, культурных и других) деятельности государства, в определённые исторические этапы стоят перед государством.

Раскрывая понятие функций государства необходимо обратить внимание на следующие моменты: 1) под понятием основных направлений функционирования государства подразумеваются как внутренние, так и внешние направления его деятельности; 2) функции государства направлены на решение всех задач, стоящих перед государством; 3) экономические, политические, социальные, экологические и другие задачи раскрывают сущность, цель и социальное назначение государства.

В литературе используется также понятие «генеральная функция государства» [21, с. 47 – 48]. Это понятие должно объяснить предназначение государства по отношению к обществу (гражданскому обществу). Этим понятием, по существу, охватывается решение всех возможных задач государства – задач, относящихся к минимальной функции государства, и особых задач современного социального (социального правового) государства [16, с. 629].

Понятия “система” и “классификация” достаточно широко употребляются для характеристики самых разнообразных общественных явлений, процессов и видов деятельности. В философском понимании система (греч. *systema* – составленное из частей, соединенное) есть “совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство”. Классификация (лат. *classis* – разряд и *facere* – делать) – «особый случай применения логической операции деления объема понятия, представляющей некоторую совокупность делений» [23, с. 427].

После распада СССР проблему классификации государственных функций разрабатывали в своих научных трудах многие российские и отечественные авторы. Данная проблема активно исследуется в работах таких авторов, как А.Б. Венгеров [5, с. 78], Л.П. Рассказов [19, с. 78], М.Н. Марченко [11, с. 330], Р.Ш. Сативалдыев [22, с. 428], Г.С. Азизкулова, И.И. Камолов [3, с. 125] и др.

При этом в постсоветской юридической литературе продолжается процесс классификации новых функций государства, появление которых обусловлено распадом СССР и образованием новых независимых государств. К ним относятся такие функции, как информационная, защита интеллектуальной собственности, обеспечение безопасности, защита прав человека и основных свобод и др. В то же время используется традиционная классификация функций государства на внутренние и внешние, временные и постоянные, основные и неосновные и др.

Одним из дискуссионных вопросов является классификация функций государства на внутренние и внешние. Данную классификацию поддерживает большинство авторов, потому что жизнь любого современного общества осуществляется в двух основных сферах – внутри страны и на международной арене. Однако данная классификация также подвергается сомнению, поскольку некоторые внутренние функции государства (экологическая, информационная и др.) имеют также внешнюю направленность.

Классификация функций государства на внешние и внутренние осуществляется по различным основаниям. Так, М.И. Пискотин в составе внешних функций Советского государства различал два направления деятельности: функцию обороны страны и деятельность по организации экономических, политических и культурных связей с другими странами. Л.И. Загайнов, считая подобную группировку недостаточной, в зависимости от сферы деятельности государства, к которой относится та или иная группа функций, выделяет экономическую, идеологическую, охранительную и внешнюю функции, при этом не называет первые три внутренними [6, с. 27].

Б.П. Курашвили полагает, что «должна быть отвергнута разбивка... на внутренние и внешние функции», поскольку «она не вскрывает фактической

взаимосвязи функций» [7, с. 34-35]. В качестве довода Б.П. Курашвили ссылается следующее суждение В.М. Чхиквадзе: «Иногда трудно бывает отнести ту или иную функцию к числу внутренних или внешних» [24, с. 472]. А.В. Козлов пишет, что некоторые авторы считают, что в современных условиях всеобщей глобализации разделение функций государства на внутренние и внешние неоправданно [8, с. 32]. Г.Ю. Атаян считает, что сейчас разделение функций на внутренние и внешние утратило в известной степени свое значение [4, с. 18-23].

Классификация функций на внутренние и внешние – это не только дань традиционному подходу, но и возможность научного анализа, познания предмета и содержания деятельности как внутри страны, так и за ее пределами. Критерии, лежащие в основе этой классификации, являются наиболее стабильными, позволяющими не только проникнуть вглубь изучаемых объектов, но и выявить взаимосвязь между ними [13, с. 57].

Можно сказать, что по направлению деятельности функции государства подразделяются на внутренние, внешние и смешанные или глобальные.

Внутренние функции государства представляют собой основные направления разнообразной внутренней деятельности государства, обусловленные необходимостью решения стоящих перед ним внутренних задач, сколь многочисленных, столь и разнообразных. К основным внутренним функциям государства относятся следующие функции: экономическая, социальная, политическая, культурная, идеологическая, налоговая, обеспечение законности и правопорядка.

Внешние функции государства представляют собой основные направления деятельности государства, непосредственно связанные с решением стоящих перед ним целей на международной арене. Основные внешними функциями государства выступают: обеспечение мира и поддержание мирового порядка, интеграция в мировую экономику, сотрудничество с другими странами в решении глобальных проблем.

Внешние функции государства направлены на защиту национальных интересов. В конституциях ряда стран, например, России, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и др., заложены цели и задачи внешней политики. Так, в конституциях провозглашаются идеи дружбы и сотрудничества со всеми странами. Современная внешняя политика Республики Таджикистан по Конституции основывается на принципах равноправия, уважения суверенитета государства, верховенства международного права. Таджикистан взял на себя обязательства по соблюдению общепризнанных принципов и норм международного права, а как полноправный субъект международного права устанавливает дипломатические отношения с иностранными государствами, развивает миролюбивые взаимоотношения и взаимовыгодное сотрудничество в сфере политических, социальных, экономических и культурных отношений [14, с. 17].

Международные правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применя-

ются нормы международно-правовых актов [9, с. 10]. Данная конституционная норма означает, что Таджикистан является членом международных многосторонних соглашений, подписанных на уровне ООН, СНГ и т.п. Республика Таджикистан фактически выполняет функцию сотрудничества с другими государствами для решения глобальных проблем. Президент Республики Таджикистан в своем Послании Маджлиси Оли (парламенту) подчеркнул, что «содержание и цели политики «открытых дверей», благодаря которой мы расширили число наших друзей, будут, как и прежде, сохранены в будущем и направлены на укрепление сотрудничества Таджикистана со всеми странами мира» [17, с. 23].

В рамках Устава ООН для всех государств сформирована единая система коллективной безопасности и выработан своеобразный кодекс поведения государств в военной, политической, экономической, экологической и гуманитарной областях. В мире существует ряд региональных организаций: Совет Европы, объединяющий 46 из 47 европейских государств (более 800 млн. населения); Организация американских государств (ОАГ), в которую входят более 30 государств Латинской Америки, Карибского бассейна и США (вне ОАГ находятся Канада и исключенная в 1962 г. Куба); Организация африканского единства (ОАЕ), включающая более 50 государств Африки; Лига арабских государств (ЛАГ), в которую входят 20 арабских государств и одно неарабское — Сомали; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в составе Индонезия, Малайзия, Сингапур и др.; Содружество независимых государств (СНГ), включающее 13 государств (более 250 млн. населения). Причем продолжается процесс реформирования СНГ. Острота многих межрегиональных проблем была снята при помощи этого союза. На территории Содружества идет сложный и активный поиск оптимальных моделей взаимодействия. В рамках СНГ на основе совпадающих интересов сторон учреждены Союзное государство России и Белоруссии, ЕврАзЭС, формируется единое экономическое пространство. Накопленный опыт позволил Содруеству стать «...хорошей основой для формирования Организации Договора о коллективной безопасности» [18].

Функция содружества с другими странами на современном этапе многогранна и преимущественно развивается по следующим направлениям:

1. Сотрудничество с членами мирового сообщества по поддержанию мира и мирового правопорядка.
2. Экономическое, торгово-финансовое сотрудничество.
3. Культурное и научно-техническое сотрудничество.
4. Международная охрана окружающей среды [12, с. 176].

Смешанные или глобальные функции государства представляют собой основные направления деятельности государства, непосредственно связанные с решением стоящих перед ним целей и задач на внутренней и международной арене. К смешанным или глобальным функциям относят функцию обороны страны, экологическую, информационную и демографическую функции.

Краткий анализ функции государства позволяет сформулировать следующие общие выводы: 1) понятие функции государства — динамичное, по-

сколькo связано с сущностью государства; изменение целей и задач государства отражается на понятии функций государства; 2) критерии классификации функций государства закладываются при раскрытии понятия «функции государства»; 3) классификация функций государства на внешние и внутренние, несмотря на существующий плюрализм подходов, имеет право на существование с учетом новых целей и задач внутренней и внешней политики государства; 4) необходимо признать тот факт, что ряд внутренних функций государства приобретают внешнюю направленность по мере актуализации глобальных проблем, решение которых требует совместной деятельности государств мира.

Список литературы

1. Алексеев С.С., Архипов С.И. и др. Теория государства и права. М., 2005. – С. 496.
2. Азизкулова Г.С. Камолов И.И. Теория государства и права. Схемы определения и вопросы тестов. Д., 2013. – С.165.
3. Азизкулова, Г.С. Камолов, И.И. Теория государства и права. Схемы, определения и вопросы тестов / Г.С. Азизкулова, И.И. Камолов. – Душанбе, 2013. – С.165.
4. Атаян, Г.Ю. Классификация функций российского государства (к постановке проблемы) / Г.Ю. Атаян // Актуальные проблемы юридической науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ставрополь, 17 сент. 2004 г. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2004. – С. 18-23.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник [для юрид. вузов] / А.Б. Венгеров. – 6-е изд., стер. – М.: Изд-во «Омега – Л», 2009. – С. 607.
6. Загайнов Л.И. Экономические функции Советского государства / Л.И. Загайнов. – М., 1968. – С. 263.
7. Курашвили Б.П. О системе функций государства / Б.П. Курашвили // Проблемы государства и права: труды научных сотрудников и аспирантов. – М.: ИГПАН, 1974. – Вып. 9. – С. 34-35.
8. Козлов А.В. Функция российского государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Козлов. – Волгоград, 2011. – С. 200.
9. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе – 1994.
10. Лазарев В.В. Теория государства и права (актуальные проблемы). М., 1992. – С. 90.
11. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник для вузов / М.Н. Марченко – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – С. 640.
12. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Мелехин. – М.: Маркет ДС, 2007. – С.640.
13. Мазаева Е.С. Социальная функция современного Российского государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.С. Мазаева. – Н. Новгород, 2001. – С. 160.
14. Научно-популярный комментарий Конституции РТ. – Душанбе, 2009.
15. Пискотин М.И. К вопросу о функциях Советского государства в современный период // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 90-91.
16. Пиголкин А.С. Функции государства // Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов // Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 2006. – С. 629.
17. Послание Президента РТ Парламенту. – Душанбе, 2015.
18. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / В.В. Путин // Российская газета. – 2006. – 11 мая.
19. Рассказов, Л.П. Теория государства и права: учебник для вузов / Л.П. Рассказов. – 2-е изд. – М.: РИОР, 2009. – С. 463.
20. Сотиволдиев Р.Ш. Теория государства и права. Д., 2009. – С. 358.

21. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. – С. 301.
22. Сативалдыев Р.Ш. Проблемы теории государства и права: (на тадж. яз.): учебник для вузов / Р.Ш. Сативалдыев. – Душанбе, 2010. – Т. 1. – С. 484.
23. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М., 1986. – С. 427. Подробнее о категории “система” см.: Аверьянов А.Н. Категория “система” в диалектическом материализме. – М., 1974; Сороко Э.М. Структурная гармония систем. – Минск, 1984.
24. Чхиквадзе В.М. Государства, демократия, законность / В.М. Чхиквадзе. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 472.

ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Щерба Т.Н., Кузнецова М.С.

студентки факультета истории и права,
Смоленский государственный университет, Россия, г. Смоленск

В статье рассматривается проблема необходимости включения в уголовное законодательство понятия вменяемости как уголовно правовой категории, что позволит завершить процесс юридического оформления субъективного вменения и заполнит имеющийся пробел в законодательстве.

Ключевые слова: невменяемость, вменяемость как уголовно-правовая категория, презумпция вменяемости лица.

Понятие вменяемости существует на стыке психиатрии и уголовного права. Проблема отсутствия понятия «вменяемости» существовала в прежнем уголовном законодательстве (до 1996 года), и сохраняется необходимость устранения этого пробела и в действующем уголовном законодательстве.

Уголовное законодательство РФ закрепляет лишь понятие невменяемости. Действует презумпция вменяемости лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. В ст. 21 УК РФ [7, с. 10] раскрываются признаки невменяемости и указываются последствия совершения общественно опасного деяния в отношении лица, признанного впоследствии невменяемым. Соответственно, возникает вопрос о соотношении понятий невменяемости и вменяемости, а также обоснованности и понятия вменяемости.

Для законодателя вменяемость выступает в качестве презумпции: данный вопрос не выясняется до тех пор, пока у следственно-судебных работников не возникает сомнение по поводу вменяемости лица [2, Доступ из СПС «КонсультантПлюс»]. Вменяемость упоминается как само собой разумеющееся требование, которое должно соблюдаться при привлечении к уголовной ответственности и наказании лица, совершившего преступление.

Вопрос о необходимости законодательного закрепления понятия вменяемости в уголовном праве остается дискуссионным. По сути этой дискуссии имеются как сторонники, так и противники введения в закон нормы о вменяемости. Отсутствие понятия вменяемости как уголовно-правовой категории в УК РФ, по мнению одних ученых, не создает особых проблем, так как это понятие непосредственно вытекает из понятия невменяемости [6, с. 48]. Однако данная позиция подвергнута критике. «Вменяемость» пред-

ставляет собой самостоятельную категорию уголовного права и имеет свои специфические черты и признаки, служит условием наступления уголовной ответственности. Другие считают, что в настоящее время возможность закрепления этой категории в законе представляется спорной [6, с. 50]. Это мнение основывается на том, что понятие о вменяемости недостаточно разработано теорией уголовного права.

Необходимость включения в уголовный закон понятия вменяемости обуславливается появлением нормы об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Следовательно, говорить об ограниченной вменяемости можно только после полного и точного уяснения понятия вменяемости. Более того, «изменения социально-экономической, политической и криминологической ситуации предполагают необходимость совершенствования структуры уголовного закона» [3, с. 174], что может проявиться, в том числе и в пересмотре института вменяемости.

Важно отметить и тот факт, что вменяемость является предпосылкой уголовной ответственности, что определяет ее как юридическую категорию. «Вменяемость не есть качество или состояние индивида, которое можно констатировать как любое психическое или физическое качество, вменяемость есть юридическая формула» [5, с. 23].

Ситуация с понятием вменяемости в современном уголовном праве противоречива и достаточно запутана. Согласно ст. 19 УК РФ «вменяемость является одним из обязательных признаков лица, подлежащего уголовной ответственности, определяющим содержание и порядок вменения уголовной ответственности, различные вопросы назначения и исполнения наказания. Однако понятие или признаки вменяемости законодатель не определяет» [1, с. 480].

Р.И. Михеев считает, что законодательное определение вменяемости может быть представлено в следующей форме: «Вменяемым при совершении общественно опасного деяния, предусмотренного в законе в качестве преступления, является тот, кто по своему психическому состоянию был способен во время совершения преступления сознавать фактический характер и общественную опасность (вариант – вредность) совершаемого деяния и руководить им» [4, с. 57].

Закон в определенных случаях обязывает органы следствия и суда обращаться за помощью к психиатрам и психологам, поскольку законодатель считает, что следственные и судебные органы в каких-то случаях не могут решить данный вопрос самостоятельно.

На протяжении длительного времени не утихают споры о разграничении компетенции психиатров и юристов в определении вменяемости и невменяемости. На данный момент важна проработка «принципов взаимодействия права и судебной психиатрии, чёткого определения и однозначного понимания сторонами таких основополагающих понятий, как «вменяемость–невменяемость» и «объём компетенции психиатра-эксперта» не только по форме, но и, по сути». Общее утверждение состоит в том, что вменяемость – это юридическое понятие, а не медицинское, однако следует учитывать и тот

факт, что способность к вменению понимается как известное душевное состояние данного лица. Вменяемость – это признак лица, подлежащего уголовной ответственности, и является предпосылкой уголовной ответственности.

Следовательно, вопрос о вменяемости не есть только вопрос медицины, а вопрос права, но юридическое понятие «вменяемость» имеет психолого-правовое содержание.

Таким образом, для правильного толкования вменяемости как уголовно-правовой категории и правильного его понимания судебными органами, научными и медицинскими работниками, необходимо внести данное понятие в УК РФ, чтобы разграничить применение на практике данного понятия в уголовной и медицинской деятельности.

Включение категории «вменяемость» в уголовное законодательство завершит процесс юридического оформления субъективного вменения и заполнит имеющийся пробел в законодательстве.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков, А.К. Князькина и др.; 2010. 480 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.А. Ашин, А.П. Войтович, Б.В. Волженкин и др.; под ред. А.И. Чучаева. 2-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Лопатина Т.М. Репрессивная составляющая в уголовной политике России // Журнал «Библиотека криминалиста». 2014. № 3. С. 173-177.
4. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): дис. ...док. юрид. наук. М., 2003. 57 с.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Том 1. Лекции. СПб., 1902. 23 с.
6. Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 195 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ, 1996, № 25, 10 с.

Подписано в печать 12.04.2016. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 107.

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а